

Заповедный Север

*Архитектура
Искусство
Ландшафт*

The Russian North

*Architecture
Art
Natural Scenery*

К III 1083101

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
ул. М. Бабурчина

Москва
„Советская Россия“
1987

Moscow
Sovetskaya Rossiya Publishers
1987

Самолет летит на Север. Внизу в разрывах облаков проплывают давно обжитые, густо населенные земли Подмосквья. Пестрая мозаика возделанных полей, переплетенных затейливой вязью автострад и железных дорог. Зеленые рощи. Островки городов, фабричных поселков, совхозов. Приветливая, ухоженная земля . . .

Чем дальше к северу, тем менее заметна преобразовательная деятельность человека. Все чаще под крылом простирается ворсистый ковер сплошных лесов с ржавыми пятнами болот, скоплениями озер, змеящимися руслами тихих таежных речек. Дорог мало, лишь вьются среди лесов чуть заметные тропы, проложенные то ли человеком, то ли зверем.

Здесь редки не только города, но и села. Поселки лесорубов, буровые вышки геологов. Вдоль нешироких, отвоеванных у леса полян – нещедрая россыпь серых бревенчатых изб. Но как разительно меняется ландшафт, когда штурман самолета проложит курс по течению одной из великих северных рек – Онеги, Северной Двины, Мезени или Печоры! Как будто чья-то невидимая рука раздвигает плотный зеленый занавес лесных чащоб, открывая панораму речных пойм, окаймленных цветистыми многоугольниками распаханых полей и бархатистой зеленью лугов, частыми, „околица в околицу“, большими деревнями, древними бревенчатыми погостами.

Для тех, кто ставил свои дома поближе к береговым откосам, обильная рыбой река была не только кормилицей. Водными путями соединялись между собой северные города и села. По их стремительному течению плыли когда-то первые ладьи новгородцев к побережью студеного северного моря, по которым средневековая Русь общалась с сопредельными странами. Реки соединяли Север с крупнейшими центрами страны – Новгородом, Ростовом, Тверью, Москвой.

Беспредельное царство воды – многоводные реки, огромные озера и, наконец, „океан-море“ – определяет специфический пейзаж русского Севера. Обилие воды во многом формирует бытовой уклад коренных северян – поморов, само название которых говорит о связи с морем, напоминает о частых схватках с бушующей водной стихией, о многочисленных, но малочисленных селах, гнездившихся вдоль побережья. Море с самого начала определяло планировку и облик обращенных к воде селений, закаляло характер поморов, рождая в них предприимчивость, смелость, гордое вольнолюбие. Слабые телом и духом здесь не приживались.

Море всегда было рядом. Оно доносило в дельты рек терпкий запах соли и гниющих водорослей, ритмическое дыхание приливов, соперничающих со стремительным речным течением.

Удивительное зрелище открывается из иллюминатора самолета, пролетающего над речными дельтами. Сотни протоков и заливов члечат материковую землю на бесконечное число островов с отмелями, вызывая в памяти причудливое хитросплетение знаменитых вологодских кружев. Зрительно границы между землей, рекой и морем как бы стертые.

Этот край, где соседствуют прибрежные скалы, непроходимые леса, тундра, реки и озера, раскинулся на территории, равной площади доброго десятка европейских государств. Его северные границы не кончаются у морского побережья. Далекое в море продолжены его владения в виде многих больших и малых островов.

Теперь уже забыли, что еще в начале нашего столетия Север считался глухим, бесперспективным краем, удобным местом ссылки наиболее опасных врагов самодержавия. В наши дни это крупнейшая геологическая кладовая страны. Русский Север – поставщик лучшей в мире древесины, бумаги, рыбы. На морском побережье выросли огромные порты – центры международной торговли, ежегодно принимающие тысячи судов.

Невозможно даже пытаться рассказать на страницах одного издания о всей совокупности грандиозных по масштабу перемен, произошедших здесь за годы Советской власти. Но не только экономика и география определяют современный облик русского Севера. Сам этот термин в географическом аспекте – понятие достаточно условное. Чаще всего он не

отвечает современным административным границам областей. Скорее он определяет границы историко-культурной зоны, ареала распространения северо-русской культуры, самобытность которой обусловлена как близостью промысловых, торговых побережий, так и элементами культур малых народов – аборигенов края.

Русский Север давно привлекает к себе внимание как уникальное, естественное хранилище самых разнохарактерных историко-художественных ценностей. Его истинное значение в истории культуры нашей страны было осознано далеко не сразу. Но сейчас уже трудно себе представить, что историю средневековой Руси можно было бы во всей полноте познать без сбереженных на Севере памятников древней письменности, устного творчества народных сказителей, сохранивших для нас бессмертный цикл древних былин, и, наконец, без прекрасных образцов древнерусского изобразительного искусства и зодчества. Не менее ценны находки археологов, дополняющие скудные известия летописцев, наскальные рисунки древних охотников, причудливые каменные лабиринты – „вавилоны“, о назначении которых все еще нет единого мнения, таинственные языческие капища – „сейды“, следы деятельности древнейших металлургов – „чудские ямы“ . . .

Все это в итоге определяет возрастающий общественный интерес к культурному феномену русского Севера. Ежегодно тысячи туристов устремляются в этот край, чтобы приобщиться к его многообразным историческим и художественным ценностям. И Север оправдывает их ожидания. Многочисленные музеи открывают перед посетителями прекрасные коллекции предметов по истории края, бытовому укладу его народов, искусству местных умельцев. Здесь можно увидеть самые разные предметы домашнего обихода, в форме которых органично сочетаются удобство и красота. Здесь хранятся замечательные произведения живописи, в которых отражены не только чисто местные художественные особенности, но и влияния древнейших центров Руси, дававших сильнейшие импульсы для развития северо-русской культуры. Наконец, здесь находятся уникальные собрания русской деревянной скульптуры.

Русский Север стал местом рождения в нашей стране такой теперь широко распространенной формы музеев, как архитектурно-этнографические музеи под открытым небом, которые приобрели особо важное значение именно здесь, на необъятных, сравнительно мало заселенных землях, где ограничено число дорог и зачастую очень трудно добраться до великолепных сооружений прошлых веков и еще труднее поддерживать и сохранять их. Старейший из таких музеев-заповедников на острове Киж и сравнительно молодой музей в Малых Корелах под Архангельском предстают перед посетителями как своеобразные архитектурно-этнографические резерваты, где памятники народного зодчества, живописи, прикладного искусства экспонируются вместе с предметами быта и производственными сооружениями.

Но здесь не просто сохраняют памятники прошлого. Они стали для Севера той плодородной почвой, на основе которой развивается и процветает его современная культура. Звенят над лесами и озерами Карелии серебряные струны кантеле. Далеко за пределами нашей страны известны народные и профессиональные хоры архангельской земли, сочетающие высокий артистизм исполнения со своеобразным историзмом тематики и традиционностью формы. Здесь все подлинно, все народно. Та же идея сохранения и продолжения элементов древней художественной культуры отчетливо прослеживается в изделиях местных промыслов, создатели которых идут по пути возрождения старых образцов братин, ковшей, прялок, шитья, игрушек и создания новых оригинальных произведений, навеянных традиционными образцами. Широко известны работы вологодских кружевниц и холмогорских резчиков по кости. Художественные промыслы русского Севера создали неповторимый мир образов и завоевали признание как в нашей стране, так и за рубежом. Но для того чтобы полнее узнать и оценить сокровищницу культуры русского Севера, памятники которого имеют

огромный хронологический диапазон, надо обратиться к истории заселения этого края.

Первые славянские поселенцы, выходцы из Новгорода Великого, а позднее из Твери, Ростова Великого и Москвы, появились здесь, видимо, не ранее XI–XII веков. Они застали на месте пестрый конгломерат финно-угорских и саамских племен, не имевший четких признаков государственности. Коренные жители, как правило, не проявляли враждебных намерений по отношению к новым соседям. Славяне безбоязненно располагались рядом с их поселениями, неся в этот край культуру, приобщая коренное население к земледелию, новым ремесленным и строительным навыкам. Столетия совместной жизни сказались на историческом развитии народов Севера: произошел процесс взаимного обмена, обогащения техническими и культурными ценностями. Поэтому мы рассматриваем историю культуры малых народов в рамках культуры общерусской, с учетом

местных национальных особенностей. На этой животворной основе постепенно сложилось и крепло единство культуры населения русского Севера, выдержавшее испытание временем.

Много веков назад крутобокие новгородские корабли – „ушкуи“ – прокладывали путь по Волхову и Неве в Ладожское и Онежское озера. Перетаскивая – „волоча“ – свои суда по суше, новгородцы выходили на топкие берега озера Лаче, где основали городок Каргополь. Дальше открывались обширные и богатые земли, где уже не было тяжелых волоков, дорога становилась более торной. Один путь шел по реке Онеге к Белому морю, мимо Соловецких островов к Кольскому полуострову. Второй путь был к Северной Двине, на Пинегу и Мезень, далее на Печору и затем на восток, вдоль морского побережья, до основанной в 1601 г. прославленной пушной столицы – „златокипящей“ Мангазеи. По этим голубым дорогам шли из Новгорода караваны богатых „гостей“, менявших свои товары на бесценную пушнину. Пробирались по ним монастырские миссионеры, стремившиеся приобщить к православию карел, зырян, ненцев, саа-

1. Беспредельное царство воды и лесов
The boundless expanse of water and forests

2. На беломорском побережье
On the shore of the White Sea

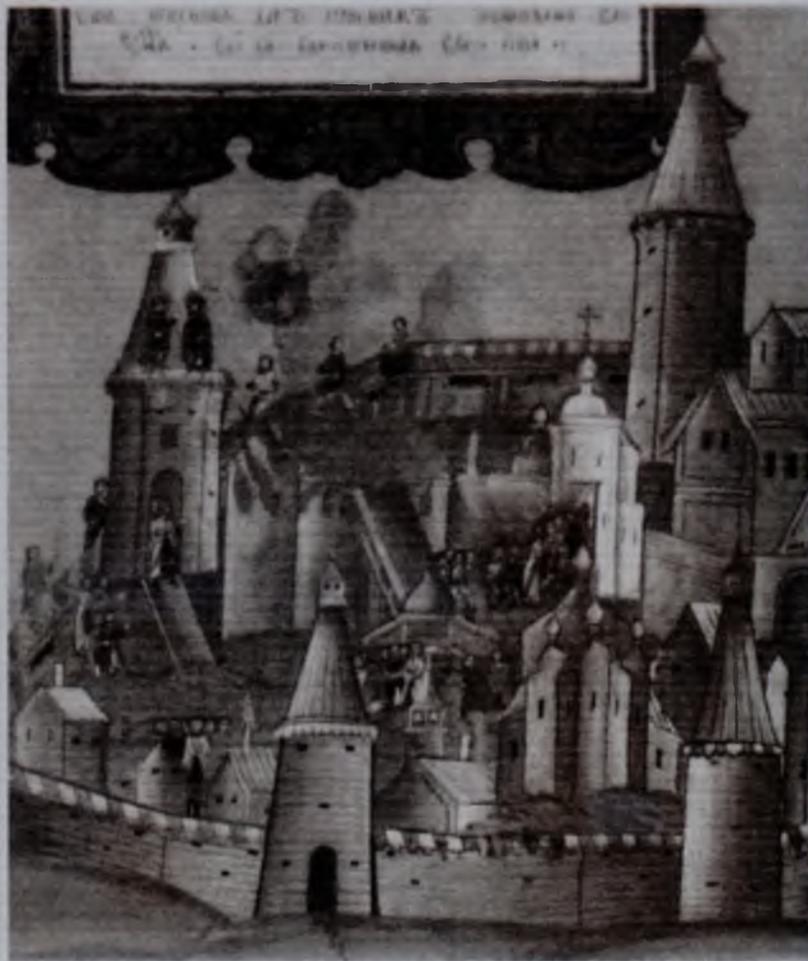
3. Наскальные изображения II–I вв. до н. э.
Карелия
Rock pictures of the 2d–1st cc. B. C. Karelia

мов (прозывавшихся тогда общим именем – „чудь заволоцкая“), а заодно прибиравшие к рукам удобные для земледелия земли. Плыли сюда посланцы новгородских посадников, а позднее служилые люди князей московских, собирая с местных жителей дань. Шли сюда и те, кому было тесно в родных местах, кто искал в дальнем крае лучшей доли, – беглые холопы, нищий посадский люд.

Древнерусские летописи почти не упоминают о столкновениях новгородцев с местными племенами. Опаснее были встречи со скандинавами, чьи суда нередко проникали в устья рек, грабя и разоряя саамов и новгородцев. В 1032 году новгородский „ватаман“ Улеба достиг с флотилией ушкуев беломорского побережья, но быстро ушел назад. По словам летописца, „обратно их мало приде“. Однако в XII–XIII веках новгородцы прочно оседают в бассейнах Онеги, Двины, Мезени, основывая свои погосты, села, монастыри. Наиболее предприимчивые достигали моря, обживали из-

4. Осада Орлеца новгородцами в 1398 г.
Миниатюра XVI в.
*Siege of Orlets by Novgorod troops in 1398.
Miniature of the 16th century*

5. Пожар в Каргополе. С иконы XVII в.
Fire in Kargopol. From a 17th-century icon

вилистые дельты рек, селились на скалистых берегах заливов и бухт, воздвигая дома буквально у кромки прибоя. Даже суровый Кольский полуостров к этому времени был уже практически подчинен Новгороду Великому. Сюда добирались, например, сборщики дани, ловцы охотничьих кречетов и др.

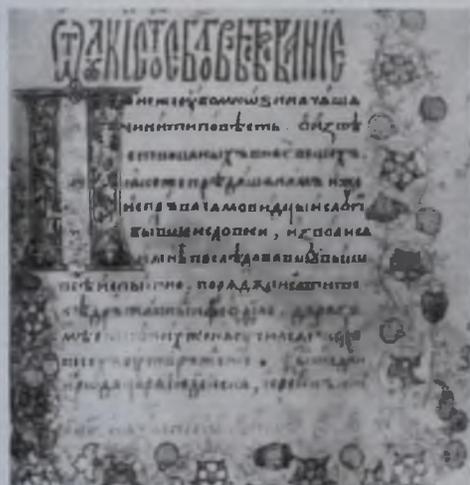
Первые славянские поселенцы, обосновавшиеся на побережье Беломорья, были предками отважных поморов, зачинателей русского мореплавания. Постоянная борьба с неукротимой стихией, опасность вражеских набегов воспитали сильные характеры. Поморам, подарившим России не одно поколение мореплавателей, судостроителей, воинов, ученых, посвятил свои строки архангельский поэт В. Беднов:

Проводили во льдах армады,
Не сдавались вы в плен врагам,
И рокочущих волн громады
Обелисками были вам.

Воевали в морях с ветрами,
 А вернувшись к родному двору,
 На угорах ставили храмы,
 Словно парусники на ветру . . .

Никогда не угасал на русском Севере дух вольнолюбия и предприимчивости. Г. В. Плеханов, говоря о жизненном пути М. В. Ломоносова, недаром отмечал: „Архангельский мужик стал велик и разумен не только по своей и божьей воле. Ему чрезвычайно помогло то обстоятельство, что он был именно архангельским мужиком – поморцем, никогда не носившим крепостного ошейника“.

Не знавшие унижительного золотоордынского ига, северные крестьяне в своем большинстве избежали и наиболее тяжелого гнета помещичьей власти, оставаясь по преимуществу собственностью государства или мо-

настырей. Однако, угнетаемые местными властями, и они не раз вступали в борьбу за свои права: вспыхивали локальные очаги волнений, которые жестоко подавлялись. Но в целом положение крестьянских общин на русском Севере было не столь бесправным, как в центральных районах России.

К концу XV – началу XVI века Россия постепенно объединяется под властью Москвы. Навеки сломлено могущество Золотой Орды, смирились Новгород, Тверь, Псков. Но торжество внешней и внутренней политики московского правительства было неполным: все главные торговые пути в Европу находились у западных соседей. Россия оставалась континентальной страной, не располагавшей торговыми гаванями. В этот период основным направлением военных и дипломатических усилий становится борьба за выходы к морю. Но не на Черном и не на Балтийском морях удалось открыть первый международный торговый путь России. Он возник на далеком северном побережье, близ сурового Баренцева моря, в древности носившего название моря Мурманского.

6. В окрестностях Холмогор
 In the environs of Kholmogori

7–8. Синодик и панегия архиепископа Афанасия. Из ризницы холмогорского архиерейского дома
 Synodikon (book with the names of the dead to be read during mass) and panagia (image worn round the neck by bishops) of Archbishop Athanasius. From the sacristy of the prelate's house in Kholmogori

9. Колокольня Преображенского собора в Холмогорах. XVII в.
 Bell-tower of the Cathedral of the Transfiguration in Kholmogori. 17th century

Здесь, на севере Кольского полуострова, у места впадения небольшой речки Туломы в судоходную Колу, рядом с Кольским поселком – административным центром большой области, называвшейся тогда Терской землей, возник порт, торговые обороты которого вначале были невелики, но все же постепенно росли. Однако, хотя и связанный с устьем Онеги через Кандалакшский залив, порт этот находился вдалеке от удобных дорог к центру страны, и над ним постоянно висела угроза вражеских нападений. Посланный в Колу боярин Палицын в короткий срок выстроил здесь укрепления, защищавшие саму Колу от датчан и шведов. Но близлежащие Печенгский и Кандалакшский монастыри, так же как и многолюдные села Варзуга, Ковда, Умба, неоднократно подвергались разорению. Поэтому уже в XVI веке начались поиски более удобного места для нового русского центра международной торговли. Им стали Холмогоры. Издавна Холмогоры играли заметную роль в жизни этого края. К XVI

10. Панорама Архангельска. Фрагмент гравюры XVIII в.
Panorama of Arkhangelsk. 18th-century engraving, detail

11. Ворота Новодвинской крепости. Начало XVIII в.
Gate of the Novodvinskaya Fortress. Early 18th century

12. Соломбальская „обводная канава“ в Архангельске. Прорыта в 1694 г. по приказу Петра I
By-pass canal in Solombala, Arkhangelsk. Dug in 1694 by order of Peter I

веку посад раскинулся вдоль берегов Северной Двины на несколько верст. Славилась его искусные корабли и отважные мореходы, добравшиеся до устья Оби и берегов Скандинавии. До присоединения Подвинья к Москве в Холмогорах жили новгородские посадники и наместник архиепископа, позднее здесь „сидел“ воевода, стоял большой стрелецкий гарнизон, служили царские приказчики, хранилась государева казна. В XVI веке у холмогорского берега стали швартоваться торговые суда, вначале английские, а позднее – под флагами других стран. В 1553 году в устье Северной Двины впервые вошел английский корабль „Эдуард“. Его капитан, Роберт Ченслер, посетил Холмогоры и затем Москву. Он оставил интересные записки, в которых перечислил огромные богатства русского Севера и высоко оценил перспективы торговли между Англией и Россией. Выросли новые гостиные дворы русских и иноземных купцов, богатые жилые палаты, верфи, канатная фабрика. Здесь работали искусные мастера, изделия которых пользовались большим спросом не только на вну-

тренем, но и на внешнем рынке: переписчики книг, живописцы, зодчие, резчики по дереву и кости, кузнецы . . .

Однако с развитием международного торгового стало очевидным, что сравнительно мелководный холмогорский рейд, особенно в засушливые годы, не способен принять большие заморские суда. И вновь встал вопрос о выборе нового места для международной гавани.

В 1584 году „одним годом поставили“ город-крепость и новый порт в устье Северной Двины, на мысу Пур-Наволок, где к тому времени уже стоял небольшой деревянный Михайло-Архангелский монастырь, давший впоследствии имя городу Архангельску. Новая гавань стала на долгие годы единственным выходом России на международный рынок. Рос и богател город. На его ежегодных ярмарках шел небывало широкий торг, приносивший государству невиданные ранее прибыли. Здесь поселились десятки видных московских, ярославских, нижегородских, вологодских,

вятских купцов, имевших большие конторы по оптовой торговле. Рядом с ними обосновались иноземные негоданты. Центр города украсился грандиозным, хорошо укрепленным гостиным двором, в конце XVII века выстроенным под руководством опытного московского зодчего Д. Старцева. Теперь не через Ладогу и Онегу, как в былые времена, а по Северной Двине тянулись караваны купеческих судов. Это был уже не новгородский, а московский путь на Север.

Не только Холмогоры и Архангельск, но и многие другие города Севера обогатились от заморской торговли. На первом месте среди них была Вологда, от стен которой начинался водный путь по Сухоне и Северной Двине к Холмогорам, а позднее – к Архангельску. После заключения в 1555 году торгового договора между Россией и Англией Вологда начинает приобретать значение важного транзитного пункта в общерусской торговле. Здесь строятся корабли, процветают ремесла. Возникает необходимость превращения города в сильную крепость на дальних подступах к Белому морю. В 1565 году Вологда становится „опричным уделом“. В это время

13. В Архангельском областном краеведческом музее
Arkhangelsk. In the Regional Museum of Local Lore

14. Архангельский гостиный двор и таможня. Рисунок XVIII в.
Arkhangelsk shopping arcades and customhouse. An 18th-century drawing

Иван Грозный предполагает создать здесь своего рода северную столицу с кремлем, каменными палатами и храмами. Опустошительная эпидемия чумы, а затем ликвидация опричнины помешали осуществлению этого замысла. Единственным памятником этого времени остался грандиозный Софийский собор, созданный по образцу московского Успенского. В XVI веке Вологда является и крупнейшим религиозно-культурным центром русского Севера. Расширяет свое влияние вологодско-пермская епархия, которой в опричные годы подчиняются и Вага, и Двина, и Каргополь. Здесь ведется летописание, трудятся иконописцы, процветают различные художественные ремесла.

Нужды заморского торгового порода породили развитие на Севере новых ремесел и производств, главным образом – судостроения, в короткий срок изменившего облик Поморья.

К XVII веку поморы были закаленными мореходами, имевшими навыки в

15. Херувим. Деталь иконостаса XVIII в. из гарнизонной церкви в Архангельске
Cherub. Detail of the 18th-century iconostasis from the garrison church in Arkhangelsk

16. Вид Архангельска. Фрагмент рисунка XVIII в.
View of Arkhangelsk. Detail of an 18th-century drawing

17. Село Вавчуга, где находились судостроительные верфи Бажениных. Рисунок XIX в.
Vavchuga village and Bazhenin's shipyard. A 19th-century drawing

строительстве прекрасных морских судов. Их кругозор и образованность превышали уровень рядового среднерусского жителя. Так, в результате первой русской археографической экспедиции 1829 года здесь были собраны сотни древних рукописей духовного и светского содержания, причем не только в монастырях, но и в селах, что свидетельствовало о высокой грамотности местного населения.

Благодаря контактам с мореходами и купцами разных стран здесь прочно вошли в обиход навигационные приборы, часы, подзорные трубы и другие инструменты, оружие новейших образцов, книги и гравюры, издававшиеся в городах Запада. Надо полагать, выбор Петром Первым центра русского судостроения на Севере был обусловлен не только географическими факторами . . .

Первые в России государственные судостроительные верфи были заложены в конце XVII века на Соломбальском острове близ Архангельска. Не утлые, маловместительные суда „потешного“ флота, а боевые многопалубные корабли стали спускать здесь на воду. Это было начало русского

морского могущества. Почти одновременно в северодвинском селе Вавчуга близ Холмогор посадские люди Баженины основывают первую в крае водяную „пильную мельницу“ для распиловки бревен на доски и верфь для строительства торговых кораблей. В течение XVIII века (до 1783 г.) предприятие Бажениных спустило на воду около 160 судов.

Русский флот надо было не только построить, но и вооружить. Эту задачу решали олонекские металлургические заводы. Главным был Петровский пушечный завод, давший имя городу Петрозаводску, – любимое детище Петра Первого, – который вначале работал по оснащению и вооружению кораблей Соломбальской верфи.

Заморская торговля и судостроение вызывали к жизни разнообразные кустарные промыслы. На верфях и в окрестных селах трудились кузнецы, мастера канатного дела, плотники, резчики. Среди них было немало иностранных специалистов, передававших местному населению секреты ма-

стерства, а одновременно и учившихся традиционным русским ремеслам. Низовые земли Поморья, которые в XVI–XVII веках все реже называли Заволочьем, с каждым годом приобретали в глазах московского правительства все большее значение. Немало недружественных глаз настроенно следили из-за рубежа за процветанием двинского торгового центра. И хотя Архангельск был защищен несравненно лучше Колы, все же и он был близок к северному порубежью страны. Поэтому решено было укрепить подступы к нему. В 1702 году по указанию Петра Первого начинают возводить каменную Новодвинскую крепость, надежно запершую вход в двинский фарватер. Одновременно проводилось укрепление стен нескольких приморских монастырей. Первые годы XVIII века Поморье встречает как один из наиболее процветающих и надежно защищенных регионов государства.

История оставила в этом крае свои многочисленные приметы, свои памятники, которые помогают сегодня представить бытовую уклад, уровень технических знаний, художественные вкусы прошлых поколений. Но

18. Печной изразец „Путь наш далек“. Конец XVIII в. Из архангельского гостиницевого двора
“Long is Our Road”. A late-18th-century stove tile from the Arkhangelsk shopping arcades

19. Памятник М. В. Ломоносову в Архангельске. 1832. Скульптор И. П. Мартос
Monument to M. V. Lomonosov in Arkhangelsk. 1832. Sculptor I. Martos

почему именно здесь, на Севере, дольше, чем в других районах страны, сохранялись образцы построек, архаичский характер которых позволяет отнести их прототипы к далеким временам, за многие столетия от нас? Почему только на Севере можно было услышать древние напевы? Почему только здесь звучали голоса сказителей карельских рун и русских былин, которые давно уже были забыты на их родине? В чем причины сохранности древнейших памятников фольклора, изобразительного искусства, зодчества, домовой резьбы и скульптуры именно здесь, на русском Севере? Ответ на эти вопросы мы находим в самой истории края. Когда в начале XVIII века утверждается и крепнет в устье Невы новая столица Санкт-Петербург, сразу ставшая широко распахнутыми морскими воротами в Европу, пустеет архангельский порт. В 1716 году здесь швартовались 233 иноземных судна, а в 1726 году – только 26. Главные торговые пути отныне минуют северные земли, оказавшиеся в стороне от экономических центров государства. Берега великих северных рек стали менее оживленными, жизнь как бы замерла в своем развитии. Поморье превратилось в естественное хранилище старых традиций, сравнительно мало посещаемое и полузабытое. В XIX веке его почти не коснулся нарождающийся в России капитализм. И только постепенно, на протяжении второй половины XIX – начала XX века, удивленное общество в обеих столицах стало заново „открывать“ для себя все новые и новые „россыпи“ народной культуры русского Севера. Началась переоценка прошлого, роли края в общем ходе культурного развития Руси.

Кто только не побывал на Севере в конце XIX – начале XX века! Писатели и художники, археологи и фольклористы, композиторы, этнографы . . . И все пожинали обильный урожай находок. Были открыты нетронутые пласты устного народного творчества: сказки, былины, поговорки, бесчисленное множество напевов, величаний, плачей, хороводных и свадебных песен. Однако едва ли не самым ярким и самобытным предстало древнее зодчество и связанный с ним комплекс искусств и ремесел, которые оказали огромное влияние на творчество крупнейших русских художников и архитекторов.

Народные мастера, а ими прежде всего были сами крестьяне, умели превращать необходимые в быту чисто утилитарные предметы и сооружения в подлинные произведения искусства. Что бы ни строили их умелые руки: избу, колодец, сарай или мельницу, – все несло на себе печать высокого художественного вкуса. Происходило подлинное чудо слияния функционального, технического и художественного начал. Наиболее ярко это выражено в строительстве деревянных храмов и жилых домов и даже хозяйственных сооружений, где архитектурная тема сруба из горизонтально уложенных бревен доведена народными зодчими до подлинного совершенства.

Поэт Джордж Требервиль, побывавший в 1568 году в Русских землях в составе Английского посольства, спешит поделиться с соотечественниками своими впечатлениями о поразивших его воображение деревянных зданиях:

Постройки здесь низки, высоких нет палат,
 Но на возвышенных местах всегда они стоят,
 Чтоб не занес их снег суровою зимой,
 Все покрывающий вокруг сплошную пеленой.
 Ни камня нет во всей стране, ни каменных домов.
 Из досок крыши на домах, а стены из стволов.
 С большим искусством возведен из бревен каждый дом.
 Чтоб не проникнул внутрь мороз, забиты щели мхом,
 Сверх деревянных крыш проложена кора.
 Сток для воды, когда придет дождливая пора . . .

Любознательного англичанина заинтересовал главным образом способ возведения этих сооружений, но он не сумел заметить их редкой красоты, их образности.

20. Клетская Лазаревская церковь из Муромского монастыря. XIV в. (?)
 Church of St. Lazarus from the Muromsky Monastery. Cage-like structure.
 14th century (?)

21. Клетская Ризоположенская церковь из села Бородава. XV в.
 Church of the Deposition of the Robe from the village of Borodava. Cage-like structure. 15th century

В северных крестьянских общинах, где мимоходом побывал Требервиль, можно было наблюдать совершенно особый подход к самому содержанию церковного строительства.

Деревянные сельские церкви в большинстве случаев несли не только культовую нагрузку. Галереи и трапезные служили местом массовых собраний – сходок и, таким образом, оказывались еще и своеобразным общественным центром села или прихода. Здесь обсуждались чисто мирские дела, зачитывались указы или грамоты. Происходили праздничные ритуальные пиршества. В стенах сельских храмов крестьянский мир не только судил и осуждал, но и наказывал. Так сложился тип просторного „теплого“ трапезного зала с русской печью, схожий с жилой горницей крестьянской избы, который примыкал с западной стороны к основному неотапливаемому помещению самого храма.

Еще одна характерная особенность северных сельских церквей вытекала

из того общего подхода к строительству культового сооружения, который выражен в старинном образном определении „как мера и красота скажут“. Эта формула, запечатленная в договорах между заказчиком и строителями, из которых многие дошли до наших дней, показывает, что к созданию храма подходили прежде всего как к произведению искусства. Ни чем другим, как задачами чисто художественными, нельзя объяснить, казалось бы, непостижимое на первый взгляд несоответствие между скромным по размеру внутренним пространством самого храма и его внешним объемом, иногда превышающим его в два, а то и в три раза. При этом зодчие решали не только чисто пластические и декоративные, но и пространственные задачи. Храмы по старой традиции ставили на хорошо обозримых, чаще всего высоких местах (что Требервиль объяснял лишь утилитарными причинами), где они служили высотными ориентирами, отмечавшими положение села, и оживляли и как бы одухотворяли внешне неброский, а подчас и суровый северный пейзаж. Особого эффекта достигали в этом отношении зодчие в прибрежных селах, где храмы и коло-

22. Завершение Никольской церкви в селе Зачачье. XVII–XVIII вв.
The upper part of the Church of St. Nicholas in Zachachie

23. Трапезная Успенской церкви в Кондопоге
Refectory of the Church of the Assumption in Kondopoga

24. Шатровая Успенская церковь в Кондопоге. 1774
Hip-roofed Church of the Assumption in Kondopoga. 1774

колни были еще и ориентирами для кормчих проплывавших мимо судов. Деревянный сельский храм был, несомненно, одной из наиболее ярких и самобытных форм народного русского зодчества. Особенно с конца XVII века деятельность народных зодчих перестает совпадать с установками официальной церкви, борющейся с мятежным духом „земщины“ и старавшейся регламентировать не только содержание, но и формы церковного строительства. На просторах Севера с его вольнолюбивым и независимым населением, с многочисленным неискоренимым старообрядчеством, гегемония официального православия не имела успеха. Несмотря на строгие запреты церковных властей, здесь в XVII и XVIII веках продолжали строить шатровые храмы, трапезные залы, ставить резные раскрашенные скульптуры-иконы, вызывавшие негодование церковных властей, видевших в них отголоски язычества.

Многообразны формы северных деревянных храмов. В каждом из регио-

25–25а. Резные наличники окошек
Carved window casing

26. Потолок „небом“ Знаменской часовни в Кижях. Вторая половина XVIII в.
The „sky“ ceiling in the Chapel of the Virgin Blachermotissa in Kizhi. The second half of the 18th century

нов, примерные границы которых обычно определяются бассейнами рек, определился свой излюбленный, наиболее распространенный тип. Существовали, конечно, повсеместно принятые формы церковных сооружений, из которых едва ли не самым древним и во всяком случае самым простым являлся так называемый храм „клетский“, покрытый двускатной кровлей, во многом подобный обычной крестьянской избе, – „жилище“ немудреного крестьянского бога, с которым северяне зачастую обращались по-свойски. Более торжественно, величественно выглядел издавна распространенный шатровый тип храма, о происхождении форм которого до сих пор не затихают споры ученых. Скорее всего, широкий ареал его распространения и поразительная устойчивость связаны с несомненной близостью шатровых завершений к образцам оборонного зодчества – крепостным башням. И это сходство не было случайным: рожденные в суровую эпоху средневековья, когда, по словам известного исследователя, Н. Н. Воронина, древнерусская культура „создавалась с мечом у пояса“, башнеобразные сооружения ассоциировались в глазах русского человека

с идеей независимости государства, с верой в силу русского воинства. Не менее примечательно и время строительства последних шатровых храмов России. Во второй половине XVIII века, когда в Москве и Петербурге безраздельно господствует классицистическая архитектура, в Кондопоге, Уфтюге, Конецдворье один за другим возникают прекрасные шатровые храмы, эстетика которых целиком лежит в сфере глубоко традиционной народной культуры.

С течением времени объемно-пространственное композиционное решение деревянных храмов Севера постепенно меняется. Обогащается их силуэт, главным образом благодаря развитию все более усложненных декоративных форм покрытия. В XVIII веке появляются ярусные, кубоватые, пятиглавые, девятиглавые и еще более сложные сооружения. В это время практически завершается эволюция самобытных форм культового деревянного зодчества. Его подлинной вершиной стало строительство

многоглавых храмов, среди которых выделяется возведенная в 1714 году двадцатидвухглавая Спасо-Преображенская церковь на Кижском острове, близ западного берега Онежского озера. Этот величественный храм принято считать своего рода энциклопедией традиционных для древнерусского деревянного зодчества приемов. Необычно сочетая эти приемы, северные плотники-зодчие создали невиданный прежде архитектурный образ, „живописная“ композиция которого полностью созвучна времени своего создания. Существует местная легенда о мастере Несторе, который, закончив строительство кижской церкви, воскликнул: „Николи не было и николи не будет“ и забросил в озеро свой топор. В ней отразилась гордость заонежан центральным храмом своей округи. Между тем известно, что еще в 1708 году на территории соседнего Вытегорского погоста уже стояла предшественница Преображенской церкви, во всем подобная ей, – многоглавая церковь Покрова, к сожалению, не сохранившаяся до наших дней.

Величественное центрическое сооружение создавалось как главный храм

27. Двадцатидвухглавая Спасо-Преображенская церковь в ансамбле Кижского погоста. 1714

Church of the Saviour-Transfiguration with 22 cupolas in Kizhi. 1714

и одновременно как композиционный центр административного округа – погоста. Видимый издалека, он и сегодня зрительно объединяет обширный район с десятками многолюдных материковых и островных деревень одного из самых протяженных и глубоких заливов Онежского озера, известного под названием Великая губа.

Возможно, это не только художественный, но и триумфальный памятник, поставленный в память победы в изнурительной Северной войне. Торжественный „хор“ его вознесенных к небу глав языком архитектурных форм как бы возвещает о начале новой мирной эры в истории северных земель. Уходили в прошлое художественные идеалы древнерусского искусства, рождались иные вкусы, но еще долго не умирали на Севере традиции народного творчества с их, казалось бы, неожиданными реминисценциями старых форм.

Внутреннее пространство северных деревянных храмов по сравнению с

28. Село Ненокса на беломорском побережье
Nenoksa, a village on the shore of the White Sea

29. Ряжевой мост на реке Кене
Cribwork bridge across the river Kena

30. Старый амбар на Пинеге
Old granary in a Pinega village

архитектурой фасадов было меньше подвержено изменениям. На фоне гладко оструганных золотистых бревен прекрасно читаются скупое расцвеченные цилиндры массивных „сухих свечей“, тонкая резьба скамей и клиросов, причудливые силуэты кованых секирообразных дверных замков. Произведения самых разных крестьянских художественных ремесел сливаются здесь в единую гармоническую, сдержанную в средствах выражения симфонию линий и красок. Все подчинено выявлению главного смыслового и композиционного центра интерьера – иконостаса.

До появления в позднее время барочных резных позолоченных иконостасов иконы основывались на широких горизонтальных брусках – „тяблах“, расписанных по белому фону цветным орнаментом. На окладах икон мерцали тончайшая серебряная скань и россыпи жемчуга.

Потолки древних, наиболее архаичных храмов были похожи на перекрытия крестьянских изб, где широкие тесаные плахи настилались по массивным балкам – „матицам“. Со временем эта простая, ничем не декорированная конструкция уступила место более сложному решению.

Потолок „небом“ – замечательное художественное открытие древнерусских плотников-зодчих, придавшее предельную завершенность внутреннему пространству деревянного храма. Крупномасштабная фигура Спасителя или Богородицы, вписанная в круглую раму, как бы парит в центре над залом. Отходящие от нее лучи-балки разграничивают расположенные веерообразно по кругу изображения ангелов с распростертыми крыльями. Эти балки, как и центральный круг, и тябла иконостаса, расписаны по белому фону многоцветным узором. Появляется второй композиционный центр, по силе эмоционального воздействия равный иконостасу. В общей структуре храмового интерьера он имеет, несомненно, наивный, но достаточно выраженный космогонический смысл модели „свода небесного“. Возможно, что этот прием – отзвук древних композиций интерьеров с открытыми внутрь храмов шатрами; может быть, мы вправе здесь видеть влияние византийского каменного зодчества, в котором грани сводов

иногда украшались росписью. Единого мнения о происхождении формы потолков „небом“ пока нет.

Деревянная культовая архитектура древней Руси, нашедшая свое высшее воплощение в северных памятниках – в их объемно-пространственном решении, в композиции и оформлении интерьеров, – помогает сегодня лучше узнать традиционную народную культуру, раскрывает перед нами духовный мир наших предков.

Ничто не дает такого яркого ощущения глубинных исторических и социальных изменений, происшедших на северных окраинах нашей страны за последнее столетие, как памятники гражданской архитектуры (в первую очередь деревянные жилые дома). Этот созданный народной фантазией и народным гением полусказочный мир образов отделен от нас не столетиями, как большинство культовых построек, а порой сроками одной человеческой жизни.

Эти ветшающие избы, ветряные мельницы, овины, амбары, рубленные из толстых бревен мосты, орудия труда и быта стали для нас главным, если

31. Мельница на стойках
Windmill on pillars

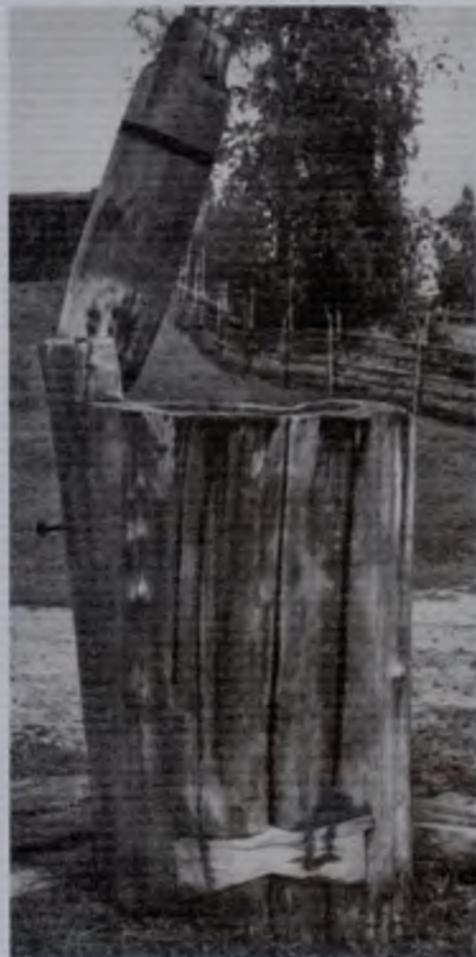
32. Мезенское село Кимжа
Kimzha, a village on the river Mezen

не единственным источником информации о традиционном укладе северного крестьянства, о его духовном мире и художественных устремлениях, о национальной культуре в целом. Ведь, по словам академика Д. С. Лихачева, „древнейшие в мире культуры всех народов – крестьянские“. Время зарождения этих форм крестьянского зодчества уходит в глубину веков.

Село было основной жилой и промысловой ячейкой, определявшей коллективные действия северных поселенцев в условиях непрекращающейся борьбы с суровой природой. Основную роль при его формировании играли ландшафтные факторы. Не случайно, например, при строительстве прибрежных селений предпочтение отдавалось однорядной застройке, следующей изгибам береговой полосы. Гораздо сложнее структура сел, располагавшихся на водоразделах, на скрещении дорог. Однако в любом случае присутствовал отчетливо выраженный композиционный центр,

33. Взвоз хозяйственного двора
Slanting passageway in a farmyard

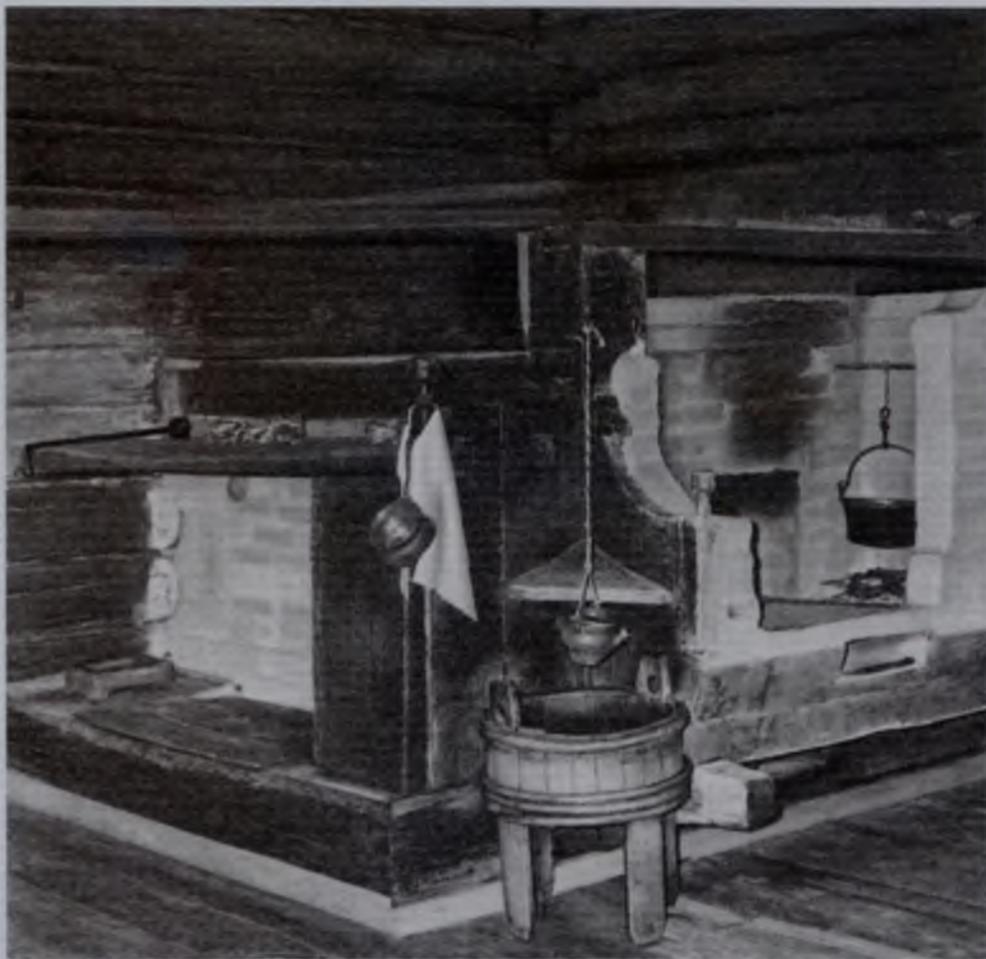

34. Ствольный колодец
Shaft well

создаваемый вертикалью часовни, церкви или погоста, вокруг которого группировались наиболее крупные, богато украшенные дома-усадебные хозяйства состоятельных крестьян. В деревнях Пинежского региона у сельской околицы выстраивались „пропилеи“ больших и малых амбаров; такие же амбары и бани, зрительно объединенные лестницами и мостками, сбегали к реке. Вместе с порядком выстроившихся над речными просторами изб они создавали выразительную панораму прибрежного села. В таких панорамах наравне с церковными сооружениями выделялись вертикальные акценты ветряных мельниц, которые размещались также у околиц. В композицию „сельских ансамблей“ входили также украшенные рельефной резьбой обетные кресты, колодезные „журавли“, ворота. Где-то рядом было деревенское кладбище, где всегда сохраняли несколько десятков рослых елей или пихт. Таким образом, большинство северных сел, несмотря на понесенные от времени утраты, можно рассматривать как хорошо организованные архитектурно-пространственные комплексы. Разнообразными по размерам, облику и устройству были крестьянские

усадыбы – „дворы“, где господствующее положение занимал жилой дом. Его объем и планировка определялись социально-имущественным статусом владельца, климатом и профессиональным умением строителя, которым в большинстве случаев был сам хозяин. Однако при всем многообразии вариантов распределения бытовых и хозяйственных функций, тип постройки был все же единым.

В экстремальных условиях русского Севера постепенно сложился местный „классический“ вариант крестьянского дома, не встречающийся в центральных областях страны, и значительно более совершенный. Это о нем в 1910 году на IV съезде русских зодчих говорил известный исследователь Севера архитектор Д. Милеев: „Как все здесь цельно, лишено вычурности, как все высокохудожественно и стильно красиво!“ Жилые помещения обычно возводились на очень высоком глухом нижнем этаже – „подклете“, использовавшемся для хозяйственных нужд. Под одной кры-

шей с жильем располагались скотный двор и конюшня с сенником, куда по широкому бревенчатому помосту – „взвозу“ можно было въехать прямо на телеге или санях. Этот сложный бытовой комплекс прекрасно продуман в мельчайших деталях, предельно компактен и приспособлен к суровым местным условиям. Внешнее оформление северного дома всегда сдержанно и строго и удивительно гармонирует с неброской северной природой. Резными, а позднее и расписными, изготовлялись наличники окон, живописные пятна которых эффектно выделялись на фоне бревенчатой стены. Резными были бревенчатые консоли, поддерживающие кровельные свесы, брусья водосливов – „потоков“, в которые упирались кровельные доски, и корневища – „курицы“, на которых лежали потоки. Резьбой покрывались „причелины“ – широкие доски, прикрывающие торцы бревен, выходящих на фронтоны. И наконец, скульптурным изображением стилизованной конской или птичьей головы заканчивался коньковый брус кровли – „охлупень“.

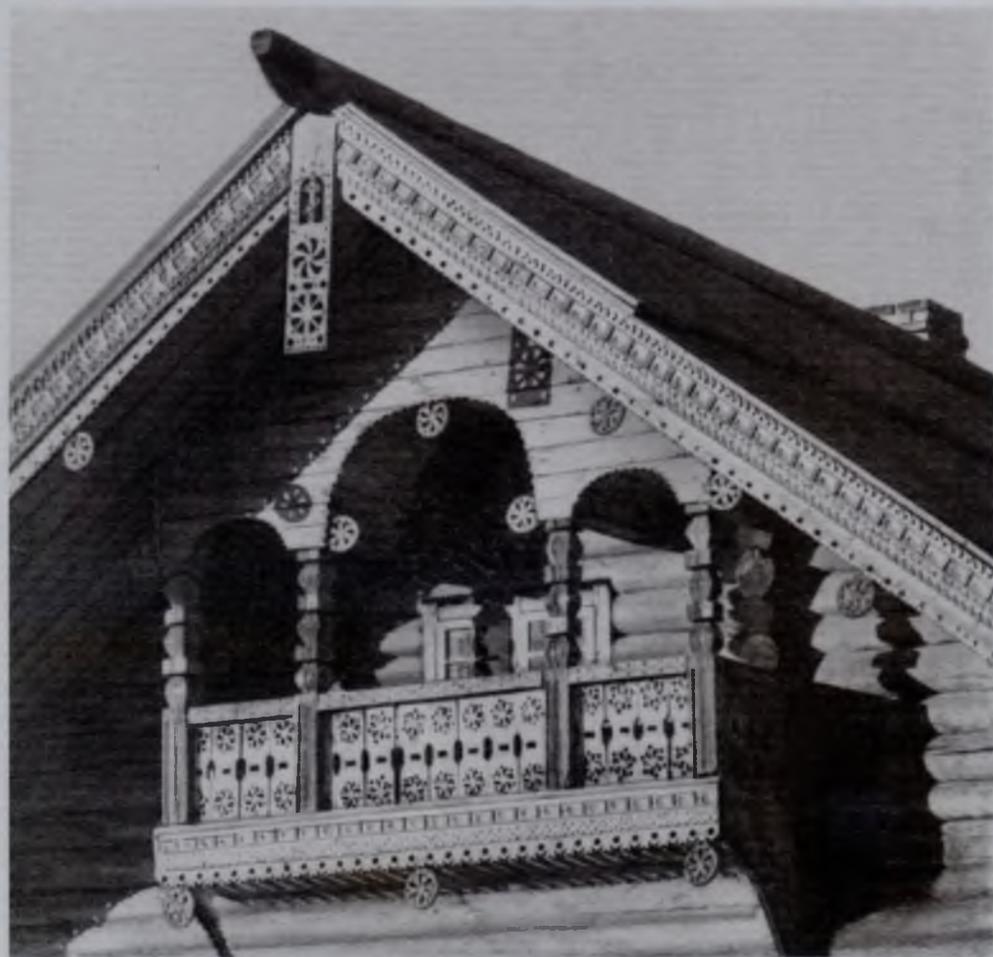
Все эти глубоко традиционные резные и скульптурные элементы имели

35. Печь в крестьянской курной избе
Oven without a chimney in a peasant's hut

36. Дымник
Smoke vent

не только художественный смысл. В них можно прочесть своего рода „подтекст“ древней языческой символики „оберегов“, которая со временем оказалась забытой, но вместе с тем отложилась где-то в глубинных слоях народной памяти. Согласно космогоническим представлениям далекой языческой древности, конь был символом солнца, лебедь или утка олицетворяли стихийные силы природы и т. п.

Продуманным в деталях было и решение внутреннего пространства жилой части крестьянского дома. Пристенные полаты, лавки, полки, лежанки дополнялись большим резным столом, стоявшим чаще всего в парадном, „красном“, углу под иконами. Среди чистых бревенчатых стен красовались красно-белые вышитые полотенца и другая домашняя утварь, в основном вырезанная из дерева или сплетенная из бересты, иногда расписанная яркими красками. Центром избы всегда оставалась огромная русская печь – сложное сооружение из деревянного каркаса с глинобитным заполне-

37. Охлупень
Roof ridge

38. Резная консоль – „помочь“
„Potoch“, a cantilever with a carved ornament

39. Резной декор светелки и фронтона в карельском доме
Decorative carving on the attic and the fronton of a Karelian house

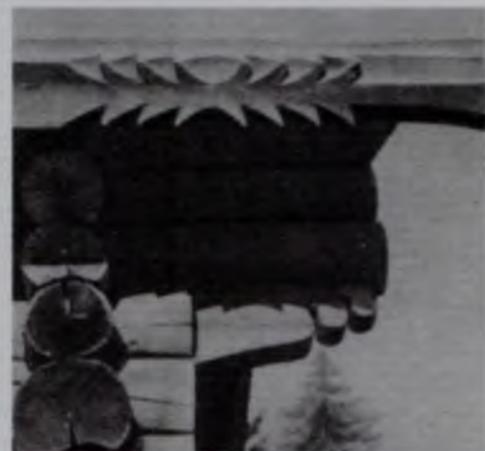
нием. Снаружи деревянные части печи обязательно декорировались. Наряднее всего выглядели резные, а иногда расписные „коники“ – навешивавшие вертикальных досок, отгораживавших предтопочное пространство – „бабий кут“ от парадной части горницы. Нередко в них можно различить очертания фантастических голов коней с причудливо выгнутой шеей; иногда рисунок упрощен и стилизован до уровня орнамента, где лишь угадываются истоки мотива. Это та же, что и на фасадах, полузабытая символика языческих „оберегов“.

Бытовые, утилитарные предметы и немногочисленная „встроенная мебель“ горницы – создание тех же рук, которые рубили и крыли клетки самой избы.

На Севере плотницкое искусство было делом всенародным. Именно поэтому традиционный северный крестьянский дом является сегодня наиболее ярким примером народной „архитектуры без архитектора“. Но по мере развития Русского централизованного государства возникает необходимость в исполнении крупных заказов (строительство крепостей, хра-

мов, больших гражданских зданий, дворянских или царских хором). В связи с этим из среды наиболее опытных и одаренных крестьян и посадских людей постепенно выделяются профессиональные артели мастеров-плотников. К сожалению, их организационная структура на раннем этапе формирования таких артелей неизвестна. Мы можем судить о ней лишь по косвенным данным, изучая архитектурные памятники.

Древнерусские плотники-зодчие создавали свои постройки не только на основе художественной интуиции. Установлено, например, что подавляющее большинство древних храмов возводилось по определенному модулю, обеспечивавшему единство пропорций, что до некоторой степени напоминает метод построения так называемого „золотого сечения“. Мастера средневековой Руси широко пользовались сложной системой так называемых оптических поправок, корректирующих отдельные части сооружения в целях достижения определенного зрительного эффекта. Чуть

скругляя растеску внутренних граней оконных и дверных проемов, они добивались мягкости, живописности их очертаний. Легкая выпуклость огромных шатров лишала их линейной жесткости. Применение сравнительно тонкого мачтового леса при возведении срубов небольших сооружений придавало им большую внушительность и монументальность. Здесь дело не только в высоком чисто ремесленном уровне этих артелей. Не исключено, что многовековой опыт, накопленный при строительстве деревянных сооружений, как-то обобщался и регламентировался правилами и расчетами, содержание которых до нас не дошло. Без них невозможно было бы феноменально быстрое возрождение городов после частых пожаров и войн, „поспешное“ возведение сложнейших по своей объемно-пространственной композиции храмов и огромных крепостей. Достаточно вспомнить пример строительства Свяжской крепости, исподволь расчетливо заготовленной на берегах северной реки Мологи и в предельно короткие сроки собранной у стен осажденной войсками Ивана Грозного Казани.

40. Интерьер крестьянской избы
Interior of a peasant's hut

41. Коник – наверхие избы
Roof ridge of a peasant's hut

42. Резьба „поток“ и „помочи“
Decorative carving on „potok“ (rain-water drain) and „pomoch“ (cantilever)

Первоначально каждый крестьянин все в своем хозяйстве от начала до конца делал сам. Позднее наиболее одаренные стали специализироваться на отдельных видах ремесла – появились художественные промыслы, закономерные именно на Севере, с его затяжными зимами, оставлявшими жителям много свободного времени, с щедрыми урожаями, с налаженными торговыми связями, позволявшими организовать сбыт продукции не только на ближних, но и на дальних рынках. Широко известно искусство холмогорских резчиков по кости, издавна резавших бивни моржей или зуб кашалота и достигших невиданного мастерства. С Двины и Пинеги возами шли на рынки Архангельска, Вологды и даже Москвы, а позднее – Петербурга ложки, ковши, чаши, туеса. Часть этих крестьянских изделий уходила на внешний рынок.

В основе почти всех видов промыслов лежат очень древние традиции. Даже сегодня в северных городах хозяйки пекут к Новому году „рож-

43. Туеса берестяные. 1970-е гг. Каргополье
Birchbark-covered boxes. 1970s. Kargopol region

44. Птица щепная. 1970-е гг. Каргополье
Bird. 1970s. Kargopol region

45. Ковш. 1950-е гг. Вологодская обл.
Ladle. 1950s. Vologola region

дественские козульки“ – пряники в формах, повторяющих древние „обереги“ языческих времен. Вплоть до недавнего времени большим спросом пользовались широко известные мезенские прялки, золотистые лопаски которых художники „насеяли“ длинношеими конями и стилизованными фигурками людей, напоминающими чуть ли не первобытные наскальные росписи. Они и сегодня покоряют нас самобытной выразительностью, изяществом линий, сдержанной и одновременно красочной палитрой. Не менее знамениты вологодское кружево, северная вышивка, великоустюжское чернение по серебру, в узорах которого словно повторена изморозь на окнах крестьянской избы в переплетении с фантастическими очертаниями звериных и людских фигур.

Еще на заре истории древнерусского государства в необъятном море деревянных построек Севера появились первые каменные „островки“. Ими были защищавшие посады или монастыри крепости. На северо-западе – это крепость Старой Ладogi, с XII века оборонявшая дальние подступы к новгородским владениям на великом торговом пути из стран

Европы на юго-восток. Построенная одновременно с крепостью Георгиевская церковь, украшенная фресками, целиком принадлежит к новгородской художественной школе. В середине XIV века, почти два столетия спустя, вырастает вторая по счету каменная крепость русского Севера – знаменитый Орлец на Двине. Основанный в 1342 году новгородскими ушкунниками, он стал свидетелем ожесточенной борьбы Новгорода и Москвы за обладание богатейшими землями Заволочья.

Позднее города и монастыри успешно развивают каменное строительство, становясь крупнейшими очагами культуры. Из центральной России сюда приезжают мастера – каменщики и живописцы, опыт которых дает толчок развитию местных художественных школ. По-разному сложились исторические судьбы отдельных регионов Севера. Так, стремление Ивана Грозного закрепиться на северо-восточных рубежах Руси вызвало к жизни беспрецедентные по своему содержанию грамоты, наделявшие

„гостей“ Строгановых огромными полномочиями, вплоть до набора войска, и награждавшие их обширнейшими владениями. На их западной границе возникает столица „дома Строгановых“ – Сольвычегодск, где стоял огромный деревянный, причудливо украшенный дворец, славившийся как одно из чудес света. Рядом высился каменный Благовещенский собор, где Никита Строганов и его сыновья имели каждый свою личную домовую капеллу. Позднее невдалеке вырос еще один каменный Введенский собор (1689–1693), ставший образцом того художественного стиля, который носит название „строгановское барокко“. Его отличает смелое использование стилизованной классической ордерной системы, безудержная фантазия в орнаментике, широкое применение цветных изразцовых панно и белокаменных резных деталей.

В XVI–XVII веках расцветает искусство торгово-ремесленных посадов Вологды, Устюга Великого, Тотьмы, Каргополя, Белозерска, процветающих главным образом за счет транзитной заморской торговли. Сохранившиеся здесь наиболее древние памятники каменного зодчества выполне-

46. Брошь „Семья оленей“. 1953. Холмогорская резьба
Brooch „A Reindeer Family“. 1953. Kholmogori carving.

47. Стопка. 1970-е. Устюжская чернь
Drinking cup. The 1970s. Vologda region

48. Скатерть „Снежинка“. 1959. Вологодское кружево
Table-cloth „A Snowflake“. 1959. Vologda lace

ны в основном приезжими мастерами и являются поросятью московской архитектуры XVI века. Такими были Софийский собор в Вологде, построенный по велению Ивана Грозного, Успенский собор в Великом Устюге, Рождественский собор в Каргополе. Но вскоре вокруг этих суровых и лаконичных скупо декорированных храмов закружился „хоровод“ празднично изукрашенных узорчатых посадских церквей XVII–XVIII веков. И в Вологде, и особенно в Каргополе, как и в других северных центрах, создаются оригинальные местные постройки, отмеченные печатью жизнеутверждения, жизнелюбия. Тончайшее кружево каменной резьбы каргопольской Благовещенской церкви вызвало восторженный отзыв И. Э. Грабаря, писавшего, что она „может соперничать с дворцами раннего флорентийского Возрождения по изысканности пропорций, вкусу, с которым разбросаны по ней узорчатые пятна окон; восточная стена с тремя алтарными полукружиями является шедевром стеной обработки вообще . . .“.

Наряду с укрепленными городами, в общую систему опорных пунктов северного порубежья России входили монастыри. Они располагались или вблизи городов, дополняя систему их обороны, или стояли в глухих, но стратегически важных, хотя и мало населенных местах. Постепенно их деревянные сооружения заменялись каменными. Здесь, на далеком от центра страны Севере, власть монастырей во много раз превосходила значение местных захудалых княжеских родов, а порою и власть воеводы. Придворная знать и царская семья постоянно вносили богатые вклады в монастырские ризницы, рассчитывая на их защиту и помощь в период политических осложнений или военных неудач. Немногие монастыри центральной России могли соперничать с этими крупнейшими духовными феодалами Поморья. Подчеркивая экономическое и военное могущество северных твердынь, патриарх Никон, поставив на первое место подмосковный Троицкий, отметил, что второй, Кирилло-Белозерский, „больше и крепче“ Троицкого, а третьим назвал Соловецкий. Крайний северный форпост Московской Руси, Соловецкий монастырь был фактически владыкой Беломорья; за свой счет содержал он стрелецкий гарнизон, вооружал крепости в своих владениях на материке, много строил, имел свой собственный флот. В 1637 году по представлению монастырских властей было ликвидировано Соловецко-Сумское воеводство. Игумен монастыря стал совмещать военную и духовную власть на большой территории, превратившись, по существу, в „северного воеводу“ России – факт в русской истории исключительный.

Основанный на крупнейшем острове большого архипелага еще в первой половине XV века, Соловецкий монастырь уже к концу этого столетия был достаточно серьезно укреплен. Особенно возросло его стратегическое значение после открытия торгового пути из Европы в северные русские гавани Колу, Холмогоры и Архангельск. В связи с этим на месте обветшавших деревянных стен в конце XVI века возвели каменные. Средневековое русское зодчество никогда не создавало еще столь поражающую воображение твердыню. Как будто какой-то невиданной силы катаклизм изверг на поверхность земли со дна морского эти нагромождения гигантских валунов, перемешанных с узкими полосами кирпичной кладки и образующих массивные стены и увенчанные шатрами огромные пирамиды башен. Россия знает, пожалуй, немного архитектурных ансамблей, где зодчество настолько слито с окружающей природой, что воспринимается как ее прямое продолжение и завершение. В дальнейшем монастырь стал не только сильнейшей крепостью, но и одной из наиболее страшных тюрем, где содержались самые важные государственные преступники. Были среди соловецких узников участники разинского и пугачевского восстаний.

Своеобразен облик центрального сооружения Соловецкого монастыря – Спас-Преображенского собора, похожего, скорее, на укрепленный замок, чем на православный храм. Сходство это не случайно. Выстроенный тремя десятилетиями ранее каменных стен, собор скорее все-

49. Георгиевская церковь в Старой Ладозе. XII в.
Church of St. Georgi in Staraya (Old) Ladoga.
12th century

го задуман как мощная цитадель, способная устоять перед врагом, прорвавшимся через первоначальные деревянные укрепления.

Вблизи северо-западных рубежей, в центре обширных земель Белозерья, на вологодской дороге, соединявшей Москву с Севером, в 1397 году был основан Кирилло-Белозерский монастырь. Появление в этом крае на рубеже XIV–XV веков нескольких впоследствии укрепленных монастырей было частью общей политики Москвы, ее планомерного наступления на северные новгородские земли. Основанная выходцем из московского Симонова монастыря Кириллом, новая обитель с первых же дней ощущала поддержку великих московских князей. Без их покровительства не только рост, но и само существование монастыря было бы здесь невозможным. Недаленные вражеские рубежи, противоборство Новгорода, учитывающего промосковскую ориентацию монастыря, наконец, сопротивление местных крестьян, справедливо видевших в нем силу, способную

отнять принадлежавшие им земли, осложняли первые десятилетия его существования.

Тем не менее расположенный на важных торговых путях Кирилло-Белозерский монастырь рос и богател. В его казну попадали богатые вклады князей, имущество опальных боярских родов, ему жертвовали земельные угодья, соляные варницы, рыбные ловли. XVI век монастырь встречал как один из самых могущественных духовных феодалов русского Севера. Одновременно с этим росло и его политическое значение как верного союзника московских князей и в спорах с Новгородом Великим, и в борьбе за престол в периоды междоусобиц. Не случайно кирилло-белозерский игумен Трифон в 1447 году снял с Василия Темного клятву не искать власти в Москве.

В 1523 году началось строительство каменных укреплений монастыря. Под их защитой закипела ключом жизнь. Работали иконописцы, переписчики книг, создавались и собственные литературные произведения. До наших дней сохранилось редчайшее собрание рукописей большой мона-

50-51. Фрески Георгиевской церкви в Старой Ладозе
Frescoes in the Church of St. Georgi in Staraya Ladoga

стырской библиотеки. Славилась местные резчики по дереву, мастера, изготавливавшие кресты и посохи, посуду, шедшую на продажу. Были здесь и свои художники-монументалисты, украсившие росписями Святые ворота.

Конец XV–XVI век – время расцвета монастыря. События Смутного времени приостановили его деятельность. Выдержав две осады, он долго еще находился на военном положении перед лицом вражеских отрядов, продолжавших разорять земли Белозерья. В 1660 году монастырь приступил к строительству еще одной огромной крепостной стены, создание которой было вызвано желанием укрепить одну из главных цитаделей на торговых путях к Белому морю. Однако новые укрепления так и не видели у своих стен врагов.

В XVII веке завершилось сложение единого, хотя и разновременного ансамбля Кирилло-Белозерского монастыря. Словно сказочный град Ки-

52. Благовещенский собор в Сольвычегодске. 1560–1579
Cathedral of the Annunciation in Solvyche-godsk. 1560–1579

53. Преображенский собор Соловецкого монастыря. 1558–1566
Cathedral of the Transfiguration in the Solovetsky Monastery. 1558–1566

теж, встал он над водами плещущегося у его стен Сиверского озера. Да и сейчас этот удивительный архитектурный ансамбль воспринимается как неотъемлемая часть окружающих его невысоких холмов, березовых перелесков, обширных пашен.

В отличие от Кирилло-Белозерского монастыря, обладавшего политическим и военным могуществом, соседний с ним скромный по размерам Ферапонтов монастырь славился как крупнейший центр культуры. Он никогда не имел крепостных сооружений, зато в его стенах жили просветители, книжники, среди которых было немало неугодных московским духовным и светским властям ссыльных. Десять лет провел здесь некогда всесильный патриарх Никон, переведенный затем в строгое заточение в Кириллов монастырь.

Среди компактной группы прекрасных белоснежных храмов, высящихся между зеркалами двух озер, выделяется центральный Рождественский собор (1490), одно из немногих сохранившихся творений прославленных ростовских зодчих. Этот второй по времени после старолadoжского Георг-

гиевского собора каменный храм Севера украшен фресками Дионисия, величайшего художника средневековой Руси. Выполненные им вместе с сыновьями в 1500–1502 годах композиции поразительно слиты с архитектурой храма, очертания фигур святых и ангелов как бы вторят изгибам архивольтов порталов и арочных перемычек окон, упругой кривизне сводов. Никого не оставляет равнодушным сдержанная, но необычайно глубокая палитра художника, добывавшего большинство красок из цветных камней со дна соседнего озера и на окрестных холмах. Не потому ли чарующая переливчатая гамма росписей кажется порождением местного пейзажа? Блестящий знаток композиции, умело передающий тончайшие цветовые соотношения Дионисий предстает перед нами и как глубокомысленный философ, гуманист, проповедующий идеалы духовной чистоты и красоты.

Фрески Ферапонтова монастыря – главное сокровище древнерусской

монументальной живописи Севера, который в общем-то не богат ею. Фрагменты фресок в Старой Ладоге, стенописи Кирилло-Белозерского монастыря и более поздние вологодские, по стилю тяготеющие к живописи Ярославля и Костромы, составляют, наряду с ферапонтовскими, основные памятники монументальной живописи этого древнего края.

Иконостасы деревянных и каменных церквей – неотъемлемая часть их интерьеров. Нелегко ученым выделить среди сотен икон, попавших на Север из Москвы, Новгорода, Ростова Великого, Твери, Ярославля, произведения местных мастеров, так называемые „северные письма“. Лишь постепенно удалось уточнить общую картину развития искусства станковой живописи Обонежья, Двинской земли, Вологодского края и др. Большинство местных икон далеки от изысканности привозных образцов и рядом с ними в современных музейных экспозициях кажутся несколько грубоватыми, порою даже примитивными. Но, попав в первоначальную среду сельского деревянного храма, они словно преображаются, приобретая необычайную выразительность и красочность. Это еще один яркий

54. Христорождественский собор в Каргополе. 1561
Cathedral of the Nativity of Christ in Kargopol

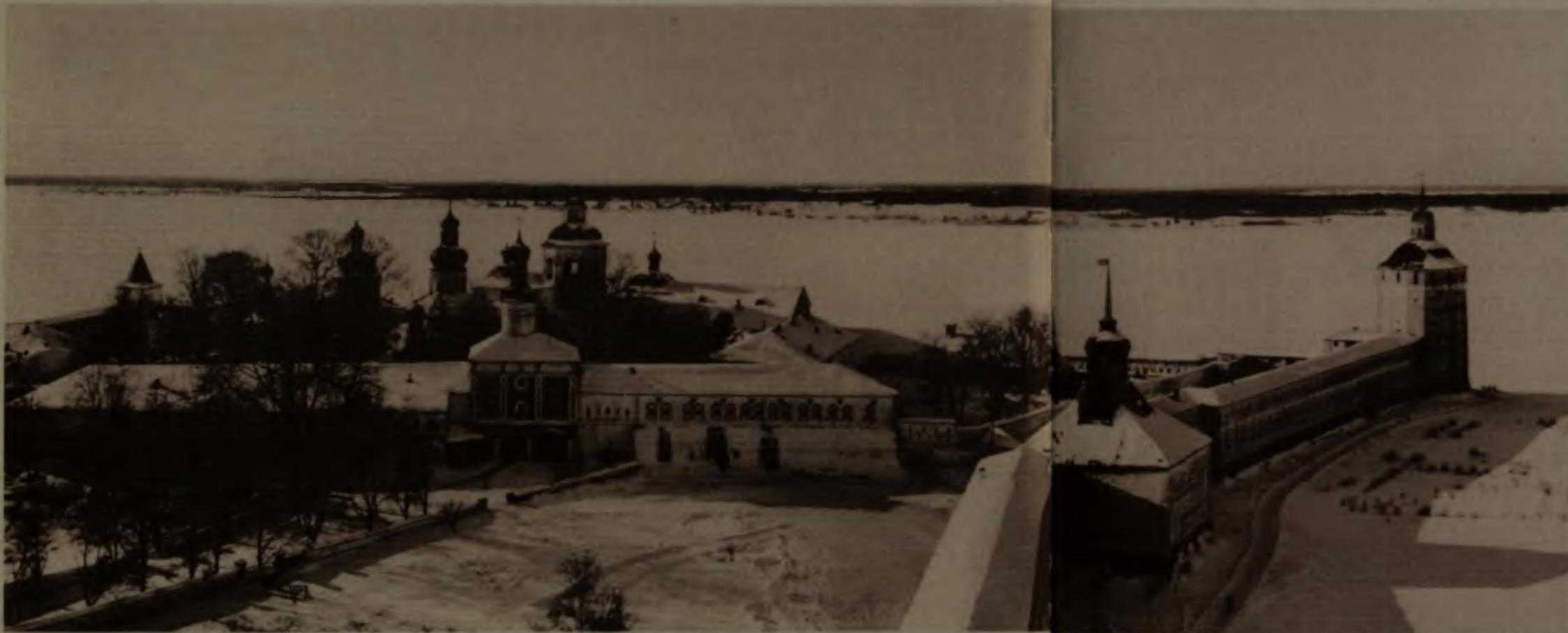
55. Софийский собор и колокольня в Вологде. 1568–1570; середина XIX в.
Cathedral of St. Sophia and the Bell-tower in Vologda. 1568–1570; mid-19th century

пример синтетического, ансамблевого характера древнерусского искусства, единства разных его видов. Так же как и памятники зодчества, северная икона в массе своей – явление народное. Ей свойственны непритязательность, порою наивная образность. Знакомство с нею позволяет понять саму суть художественных устремлений обитателей затерянных в лесах деревень, которые в основном составляли население Севера. Особняком стоят широко известные иконы строгановской школы. Утонченные и изысканные, с ювелирной отделкой деталей, переходящей в стилизованную орнаментику, они выпадают из общего русла развития северной иконописи. Существует мнение, что создавшие их мастера, в том числе и прославленный Прокопий Чирин, были московскими художниками, выполнявшими заказы Строгановых.

В эпоху петровских преобразований каменное строительство на Севере, как и повсеместно в провинции, практически было прекращено. Слишком

ными формами позднего барокко. Так, устюжские и тотемские мастера строили не только в близлежащих Лальске и Вятской земле, но и в Архангельске, на Урале. „Каменные автографы“ их учеников угадываются даже в далекой Сибири, – например, в Тюмени, Томске, Енисейске, Красноярске.

Классицизм, ставший во второй половине XVIII – начале XIX века основным направлением русской архитектуры, получил сравнительно широкое распространение лишь в отдельных наиболее крупных городских центрах русского Севера. Славится памятниками этого времени Вологда, где сохранились целые ансамбли стоящих вдоль улиц дворянских и купеческих особняков. Интересные образцы провинциальной классики можно наблюдать в Устюге, Тотьме, Петрозаводске. Но в целом на Севере не создано в этом стиле сколько-нибудь выдающихся памятников архитектуры. Видимо, сказалось расположение северного края в стороне от новых экономи-

56. Общий вид Кирилло-Белозерского монастыря
Cyrilo-Belozersky Monastery. General view

много сил и средств отнимало у государства строительство новой столицы – Петербурга, фортификационных сооружений, флота, заводов . . . Но уже в середине XVIII века начинается новый период подъема русского каменного зодчества, который в определенной степени коснулся и северных земель. Прежде всего появляются новые типы гражданских сооружений: торговые ряды, учебные заведения, административные здания. Их облик нередко не совпадает с направлением художественного стиля, господствующего в это время в столице. Архитектурная мода доходит сюда с большим опозданием. Так, на Севере значительно дольше, чем в центре, сохраняются художественные концепции декоративного стиля барокко, которые оказывают заметное влияние на развитие не только каменного, но и деревянного зодчества XVIII века. Но и этот полюбившийся северянам стиль трактуется здесь очень своеобразно. В ряде городов, таких, как Устюг Великий, Тотьма, складываются свои местные версии барокко. Именно здесь зародился своеобразный вариант ярусного храма, в котором древнерусские традиции переплелись с причудливыми, несколько вычур-

57. Торговые ряды в Белозерске
Shopping rows in Belozersk

58. Дом Пьянковых в Сольвычегодске.
Первая половина XIX в.
Pjankov's house in Solvychevodsk. First half of the 19th century

ческих центров страны. С течением времени его города переживали периоды и падения, и кратковременных взлетов, но эти обширные земли в целом уже не занимали главенствующего места в экономике и культуре страны.

Так, в середине XIX века потеряла былое значение издавна славившаяся Архангельская ярмарка, во время которой некогда замирала оптовая торговля даже в Москве. Именно она поддерживала экономический потенциал не только самого Архангельска, но и всего северного Поморья. Спад экономики тяжело отразился на состоянии города и всей прилегающей к нему округи. Вместе с тем на долгие годы Архангельск сохранил значение традиционного центра исследования и освоения северных морей: у его причалов снаряжались экспедиции Бегичева, Брусилова, Дежнева, Пахтусова и многих других полярных мореходов.

В конце XVIII века на берегу Онежского озера, рядом с остатками старого Петровского завода, возник новый Александровский пушечный завод. Он славился не только изделиями оружейников, но и прекрасными образцами

художественного литья, украсившими набережные, мосты, пригородные дворцы Петербурга. С его успехами оказалась связанной судьба уездного города Петрозаводска, ставшего вскоре губернским центром, где первым губернатором был крупнейший русский поэт Г. Р. Державин. Однако, не выдержав конкуренции с дешевым уральским железом, Александровский завод быстро потерял свое значение; вместе с ним остановился в своем развитии и Петрозаводск.

В той или иной степени судьбу Архангельска и Петрозаводска повторило в XVIII–XIX веках большинство северных городов, а с ними – и весь северный край, ко второй половине XIX века превратившийся в одну из наиболее глухих провинций Российского государства. Лишь строительство в 1915–1916 годах стратегически важной северо-западной железной дороги и незамерзающего порта, будущего Мурманска, в значительной мере открыло новые перспективы для развития Поморья.

Установление Советской власти коренным образом изменило историческое развитие русского Севера, вдохнуло в него новую жизнь. Но и сегодня на его беспредельных просторах полнее, чем в центральных областях европейской части страны, ощущается непреходящая прелесть не тронутой человеком, некультивированной природы, неразрывная слитность с ней рукотворных памятников русской культуры.

Этот прекрасный и обширный край встает перед нашим мысленным взором во многих образах. Стремительный и мощный ход великих северных рек. Гулкая, душистая полутьма вековых сосновых боров и поросшие цветистым разнотравьем лесные поляны. Рокот морского прибоя, бьющегося у подножия отвесных скал, где не смолкает разноголосица птичьих базаров. Но чаще всего русский Север ассоциируется с мягкими очертаниями пологих холмов, среди которых разбросаны старинные деревни, отмеченные вертикалями бревенчатых колоколен и церквей. Одни из них венчают холмы или крутые береговые откосы и рисуются издали на фоне свободного чистого неба. Другие стелятся в низинах, смотрясь в зеркала тихих озер, и их светло-серые серебристые срубы подобны перламутру белых ночей. Этот удивительный рукотворный феномен органического слияния природы и зодчества является одним из главных „секретов“ обаяния русского Севера.

Многочисленные памятники прошлого имеют огромное познавательное значение, пробуждая в нас чувство живой истории, ощущение сопричастности к событиям, с которыми так или иначе они связаны. Холмогоры впечатляют не только изысканными формами храмов и палат в архиерейском доме и Матигорах. Это родина великого помора Михайлы Ломоносова, откуда он ушел в далекую Москву; здесь родился крупнейший русский скульптор Федот Шубин; здесь, на берегах Северной Двины, на месте современного поселка, шумел огромный посад, провожавший в далекое плавание свои корабли и встречавший молодого Петра Первого с его сподвижниками.

Участок неровной всхолмленной тундры близ печорского устья напоминает не только о стоявшем на этом месте северном городе Пустозерске, но и о яркой странице русской истории, связанной с выдающимся писателем и религиозным деятелем древности, „неистовым протопопом“ Аввакумом, чью жизнь прервал вспыхнувший здесь костер.

Эта переключка разновременных событий, составляющих историю русского Севера, может быть продолжена вплоть до наших дней. Прекрасные монументы и мемориалы посвящены покорителям северных земель и морей, борцам за Советскую власть, защитникам края от интервентов, героям Великой Отечественной войны. Но это уже тема других изданий, посвященных истории советского Севера и вскрывающих глубинные пласты произошедших здесь перемен. Наша же книга призвана решать более ограниченные задачи. Она обращена к истокам культуры этого обширного и прекрасного края на северных рубежах нашей страны.

Содержание · Contents

Озера Ладожское и Онежское
Lakes Ladoga and Onega

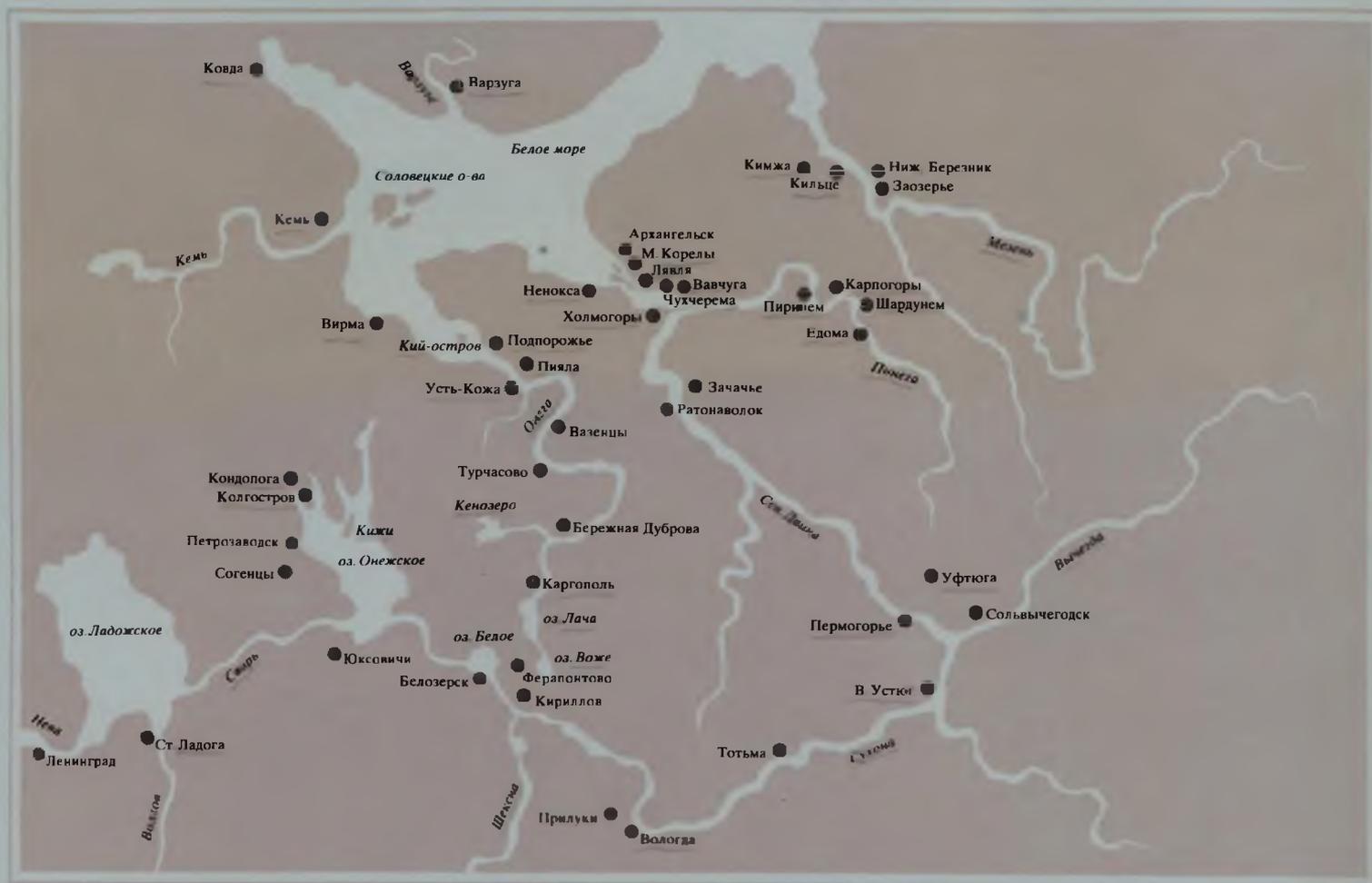
34

Река Онега · *River Onega*

62

Беломорье · *White Sea Coast*

88

Река Северная Двина
River Northern Dvina

110

Реки Мезень и Пинега
Rivers Mezen and Pinega

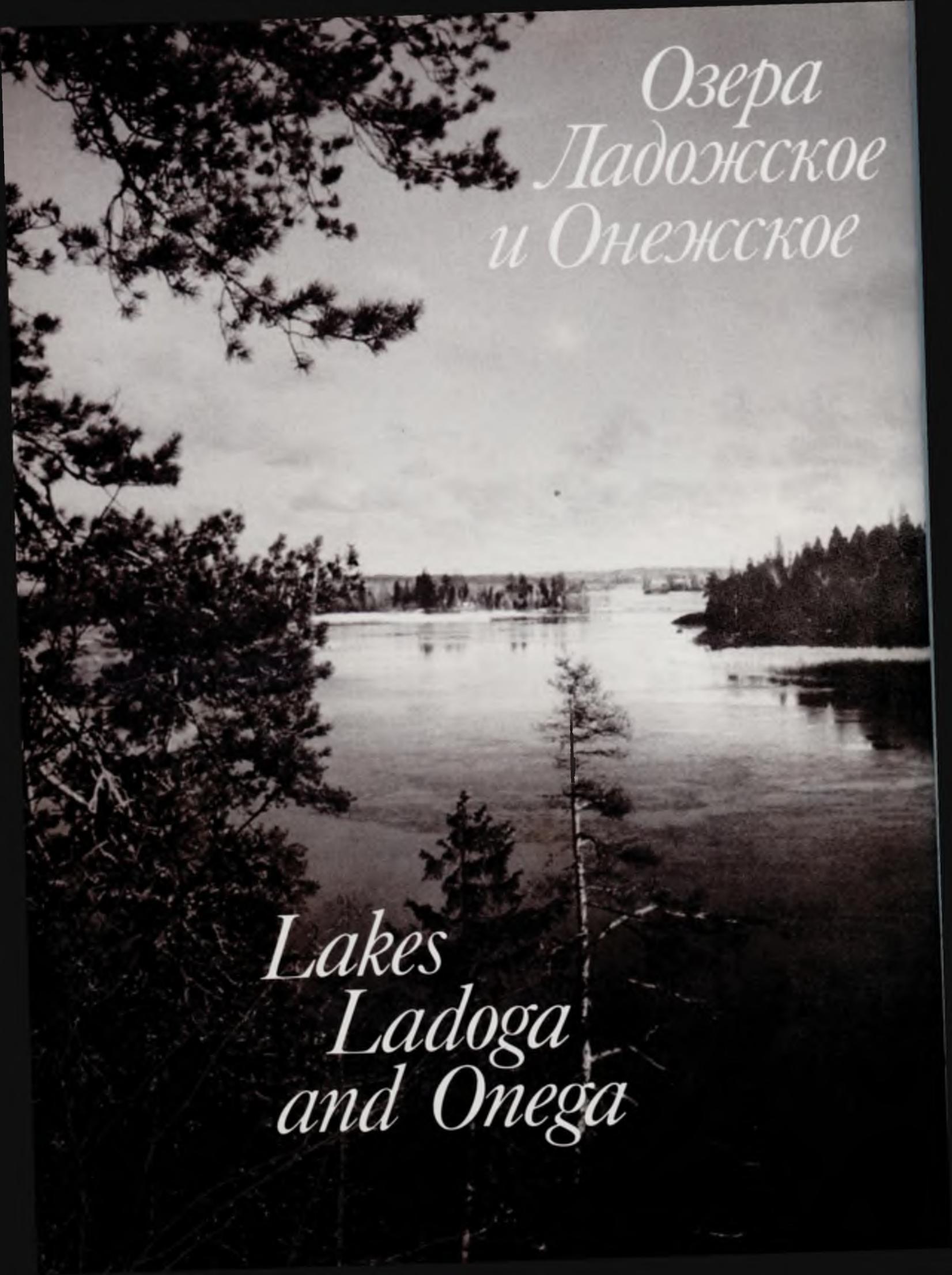
146

Реки Вычегда и Сухона
Rivers Vychegda and Sukhona

164

Озера Сиверское, Бородавское и Белое
Lakes Siverskoye, Borodavskoye and Beloye

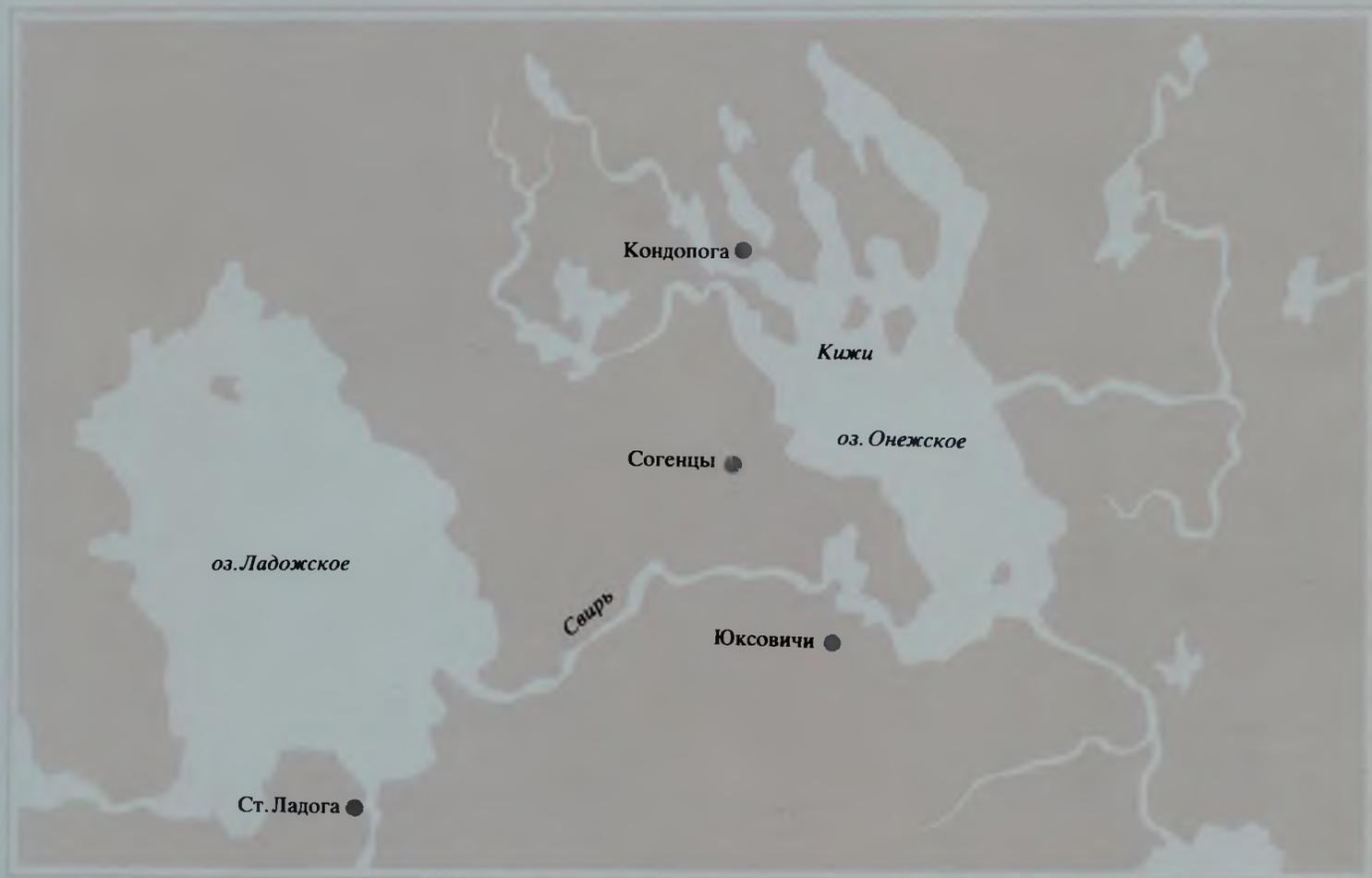
214

*Озера
Ладожское
и Онежское*

*Lakes
Ladoga
and Onega*

Эти северные места были первыми на многовековом пути продвижения на северо-восток выходцев из Великого Новгорода: по рекам Волхову и Неве, от Староладожской крепости через Ладожское, по реке Свирь – к Онежскому озеру. Столетия совместной мирной жизни местных угро-финских племен и славянских поселенцев привели к взаимному обогащению культурными традициями и техническими навыками. Эта плодотворная связь прослеживается на развитии деревянного народного зодчества, которое именно здесь отличается большой самобытностью. Местные особенности отчетливо видны в декоративном оформлении фасадов, в планировке и внутреннем убранстве изб. Не менее ярко они выражены в культовой архитектуре. Известен прионежский тип шатрового храма, нашедший совершенное воплощение в знаменитом памятнике XVIII века – Успенской церкви в Кондопоге. На территории Обонежья родился и уникальный образец многоглавого храма – Спасо-Преображенская церковь в Кижях.

From time immemorial these northern territories attracted people of Veliky (Great) Novgorod. The settlers moved north-east, by the rivers Volkhov and Neva. From the Old Ladoga Fortress they sailed across Lake Ladoga, up the River Svir and finally reached Onega. During many centuries Slavonic settlers lived peacefully together with the indigenous inhabitants of the region, Ugro-Finnic tribes, adopting each other's traditions and technical skills. One of the fruits of their exchanges was the development of an original wooden architecture which in these parts is represented by many fine examples. The stylistic peculiarities of this popular type of building are observed everywhere in the decorative schemes of the facades, the lay-out and the interiors of peasant houses. They are clearly marked off in the construction of local churches. The builders of the Onega territory have developed a special type of a hip-roofed church. Its classical embodiment is the famous 18th-century monument – the Church of the Assumption in Kondopoga. Another local masterpiece is the Saviour-Transfiguration Church in Kizhi.

1. Георгиевский собор в Старой Ладоге, построенный новгородскими мастерами в XII веке, — одно из древнейших каменных сооружений на русском Севере.
- 2–4. Построенная в XII веке крепость в Старой Ладоге была мощным форпостом на северо-западных рубежах владений Великого Новгорода
5. С высоты воротной башни Старо-ладожской крепости открывается вид на необъятные речные дали, окружающие современный поселок
6. Панорама древнего Александровского монастыря
7. Ветреный день на Юксовском озере
8. Никольская церковь 1696 г. в селе Согинцы — один из лучших образцов шатровых храмов на восьмериковом основании — „церковь кругла“, как называли их русские летописцы
9. Близ села Согинцы
10. На юге Карелии
11. Прекрасный архитектурный ансамбль Кижей открывается издалека. Он воспринимается как неотъемлемая часть окружающего ландшафта
12. Древний ансамбль Кижей окружают перевезенные в музей разнохарактерные сооружения народного деревянного зодчества
13. Центральная часть дома Ошевнева, увенчанная светелкой, насыщена ажурным резным декором
14. Покровская церковь 1764 г.— второй по значению памятник в ансамбле Кижей. Этот „теплый“ храм с трапезной зрительно подчинен торжественному объему соседней многокупольной церкви Спаса-Преображения
15. Главный сруб Покровской церкви увенчан башнеобразным восьмериком с плавным расширением вверху — „повалом“. Восемь малых глав образуют живописный „хоровод“ вокруг центральной главы
16. Силуэт Спасо-Преображенской церкви 1714 г. образован ритмическим чередованием двадцати двух чешуйчатых глав на бочках
17. „Холодная“, летняя Спасо-Преображенская, „теплая“ Покровская церкви и колокольня образуют классическую „триаду“, отличающую крупные северные погосты
18. Кижский остров расположен среди больших и малых островов, составляющих целый архипелаг, поэтому кижский музей называют зачатую „музеем ста островов“
19. Часовня Успения XVII–XVIII вв. из деревни Васильево
20. Деревня Ямки на кижском острове
21. Мельница из села Волкостров конца XIX в. Ставившиеся всегда на высоких местах ветряные мельницы были привычными вертикальными ориентирами, характерными для ландшафта русского Севера
22. Обетный крест по дороге на деревню Ямки
23. Уголок кижского музея
24. Небольшая часовня из села Кавгора конца XVIII в. кажется представительной и монументальной благодаря высокой колокольне
25. Осенний день в Кижях
26. Успенская церковь 1774 г. в Кондопоге создана уже на закате истории древнерусского искусства. Это один из самых гармоничных и совершенных образцов шатрового культового зодчества

-
1. Cathedral of St. Georgi in Staraya (Old) Ladoga, one of the early stone buildings of the Russian North, was erected by Novgorod masters in the 12th century
  - 2–4. Fortress in Staraya (Old) Ladoga. 12th century. It was a strong outpost at the north-eastern frontier of the Novgorod domain.
  5. View of the countryside around Staraya (Old) Ladoga opening from the gateway tower of the fortress
  6. Panoramic view of the ancient Alexandro-Svirsky Monastery
  7. View of Lake Yuksovskoye on a windy day
  8. Church of St. Nicholas in Sogintsi. 1696. A characteristic example of what chroniclers described as a “round church”: a pyramidal steeple on an octagonal ground-work
  9. In the environs of Sogintsi
  10. View in Southern Karelia
  11. Group of buildings on Kizhi Island. When viewed from afar, this picturesque ensemble appears to be an organic part of the landscape
  12. In the exposition of the Kizhi museum there are different pieces of wooden architecture brought to the island from towns and villages
  13. Oshevnev’s house. Its central part with an attic is lavishly decorated with carving
  14. Church of the Intercession. 1764. In the ensemble of the Kizhi Island this building is subordinated to the neighbouring multi-domed Church of the Saviour-Transfiguration. The church was intended for winter service and had a refectory
  15. The main body of the Intercession Church is crowned with an octagonal tower which has a widening at the top (“poval”). Eight small cupolas form a picturesque “ring” around the central dome
  16. Church of the Saviour-Transfiguration. 1714. Its silhouette is formed by a rhythmic alternation of twenty-two cupolas. The cupolas lying on barrels have a scaled surface
  17. The cold (summer) Church of the Saviour-Transfiguration, the warm (winter) Church of the Intercession and the bell-tower form a classical “triad”. Such groups of buildings could be found in large northern villages and near grave-yards
  18. Kizhi Island is part of a large archipelago and the local museum is called “a museum of one hundred isles”
  19. Chapel of the Assumption from the village of Vasilyevo. 17th–18th cc.
  20. Kizhi Island. The village of Yamki
  21. Windmill from the village of Volkostrov. Late 19th century. A typical feature of the northern landscape, windmills were always placed on hills and rising ground and played the role of vertical landmarks
  22. Cross on the road to Yamki. Such a cross could be erected by someone who had taken a vow
  23. In the Kizhi museum
  24. Chapel from the village of Kavgora. Late 18th century. The small chapel looks impressive and monumental owing to the high belfry
  25. An autumn day in Kizhi
  26. Church of the Assumption in Kondopoga. 1774. Created at the late period of medieval Russian art, it is one of its best achievements in the class of hip-roofed buildings

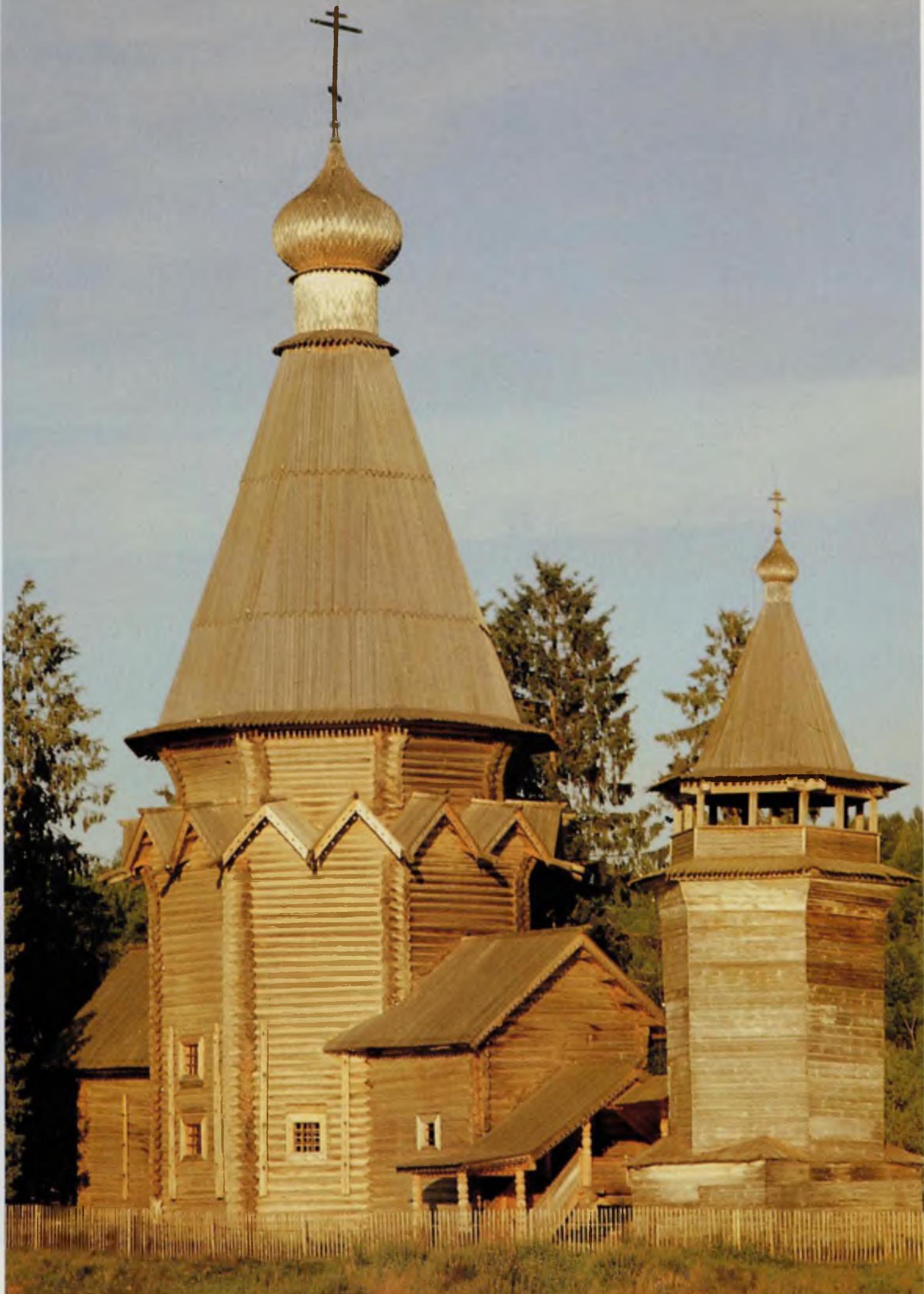

2
3
4

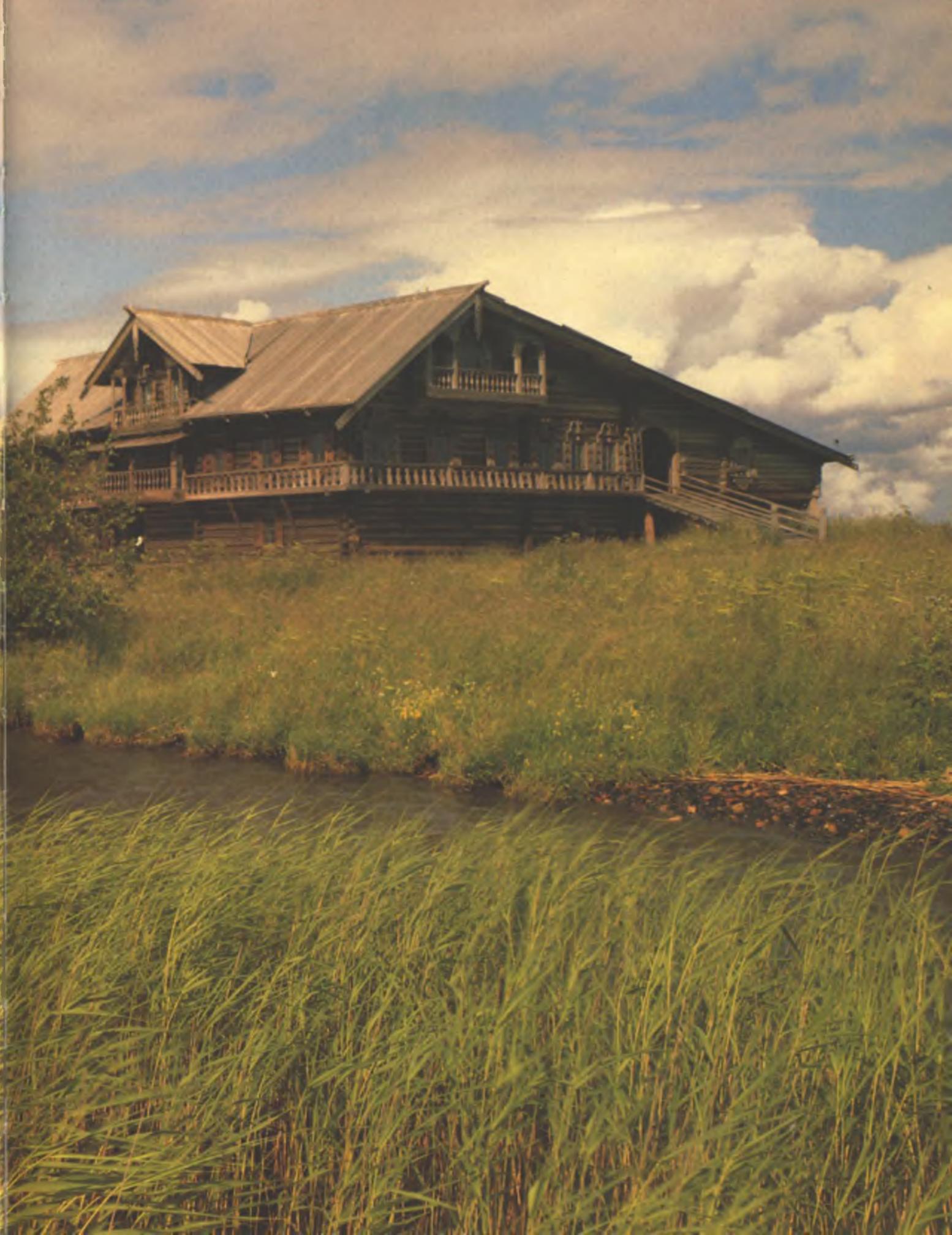
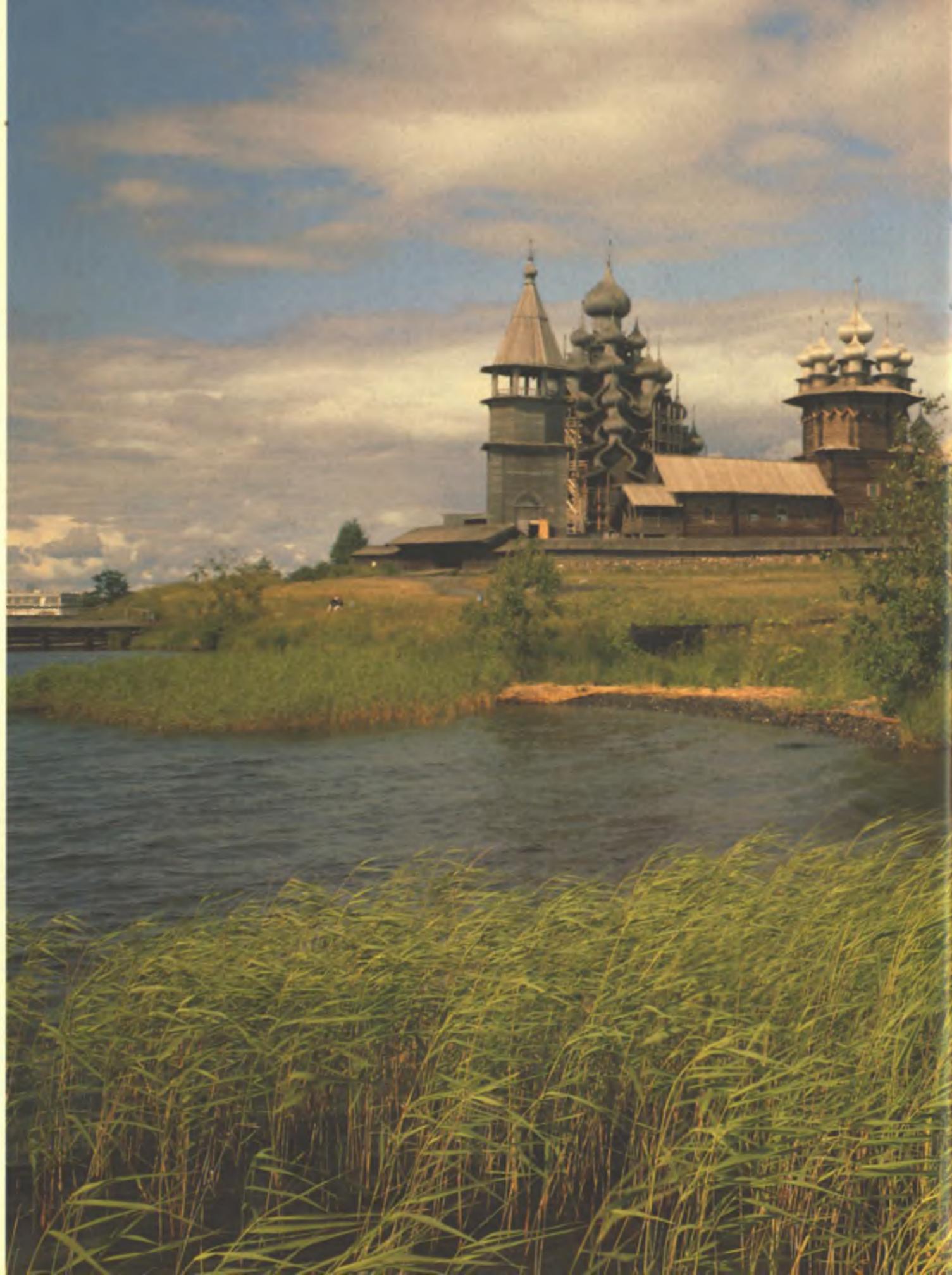
6
7
8

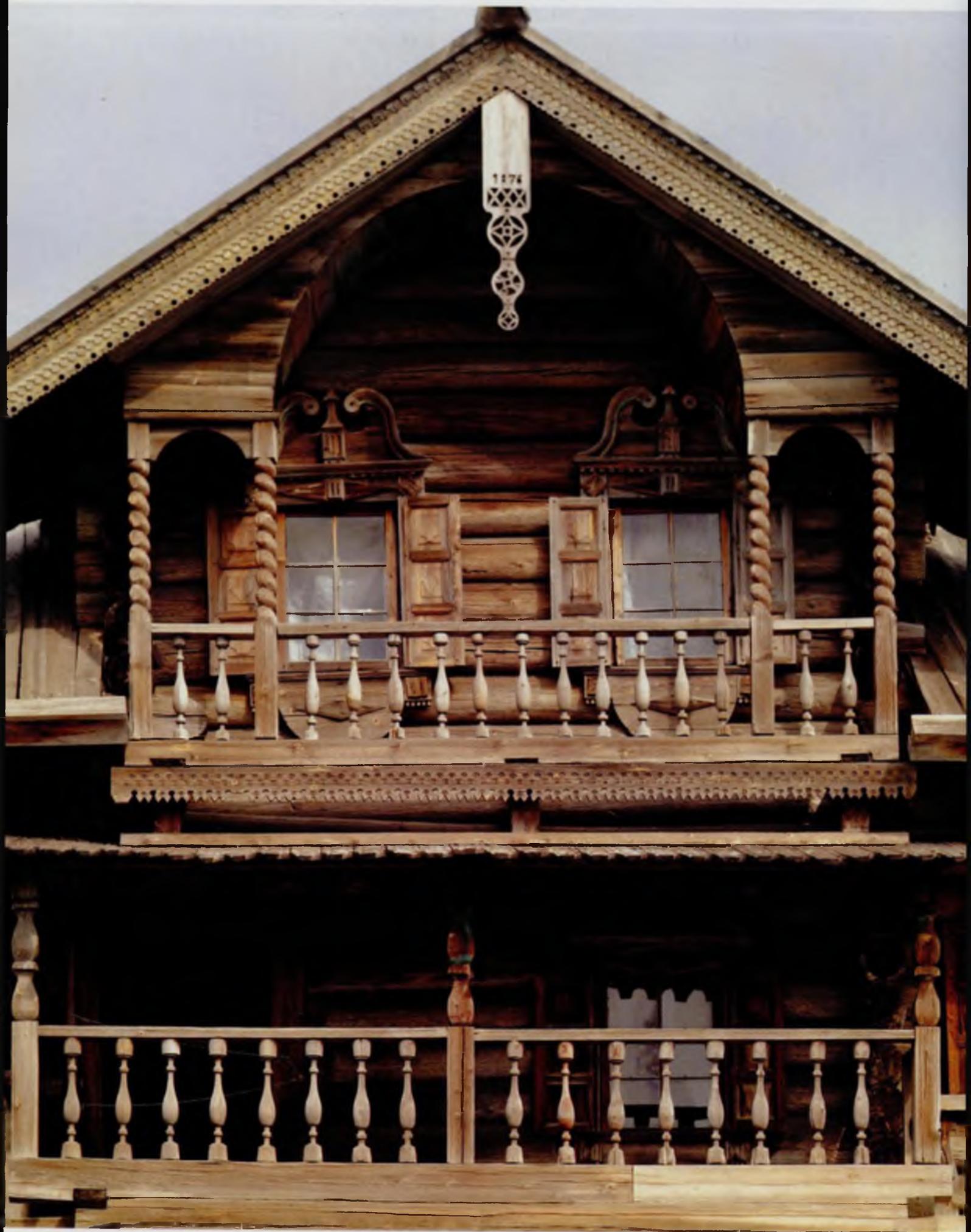

9
10
11

13
14

16
17
18

19
20
21

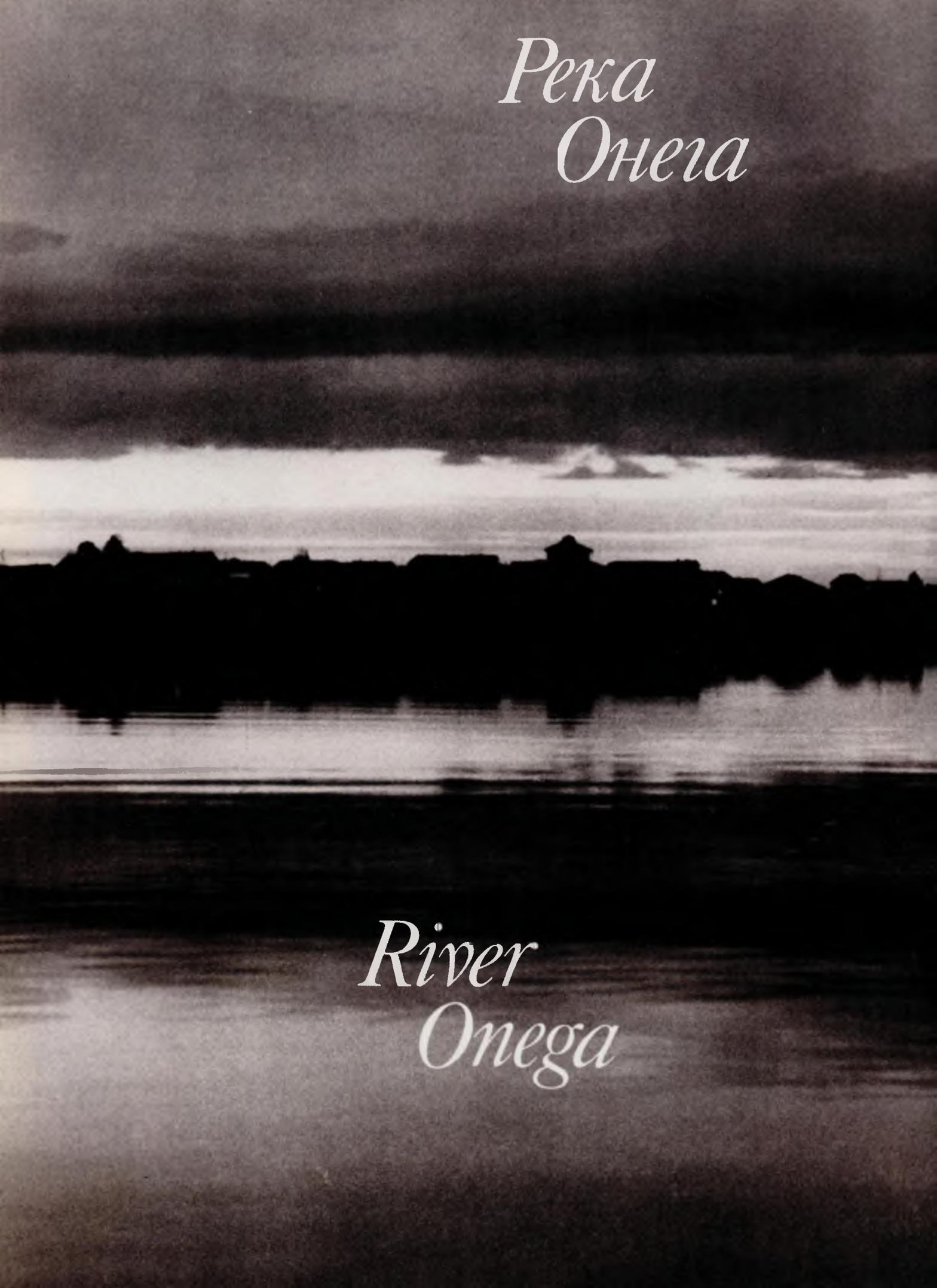

*Река
Онега*

*River
Onega*

*Б*лиз берегов озер Вожа и Лаче пересекались традиционные торговые пути на Север, к Белому морю новгородских землепроходцев и выходцев из Ростова Великого. Основанный в XII веке на реке Онеге город Каргополь оказался, таким образом, тесно связанным с двумя значительными культурными центрами средневековой Руси. В XVI–XVII веках здесь постепенно складывается самостоятельная архитектурная „школа“, памятники которой вошли в сокровищницу древнерусского искусства. Местные особенности стиля „северных писем“, для которого в целом характерны некоторая опрощенность изобразительного языка, наивный реализм и вместе с тем особая художественная сила и выразительность, формируются также на основе новгородских и ростовских живописных традиций. Не менее известны образцы гражданского деревянного зодчества, структуру и облик которых отличает исключительная устойчивость архитектурных решений. Часто встречаются „кубоватые“ покрытия церквей.

*I*n the vicinity of the lakes Vozha and Lache there was an intersection of the traditional trading routes which led northward, to the White Sea. These routes were often used by Novgorod settlers and merchants from Rostov the Great. Thus the town of Kargopol standing on the River Onega was connected with the two cultural centres of Medieval Russia. Founded in the 12th century, this town gave birth to an independent “school” of architecture. Some of its monuments, mostly the productions of the 16th and 17th centuries, are counted among the masterpieces of Early Russian art. Utilizing the achievements of Novgorod and Rostov painting, the local artists developed their own, “nothern” style. Its distinctive features were a simplicity of pictorial idiom and realism which was rather naive as it reflected the concepts of popular cosmology. But this style also possessed a peculiar power and vigour of artistic expression. Widely famed are the local specimens of wooden architecture. They are distinguished by an exceptional stability of artistic conception and technical execution. One of the architectural motifs typical of the local style is the “cuboid” roofing of the churches.

1. Тихая заводь Кенозера
2. Город Каргополь в XVI–XVII вв. являлся одним из крупнейших центров русского Севера. Панорама города с реки Онеги
3. Христорождественский собор 1561–1562 гг. в Каргополе. Этот двухъярусный шестистолпный храм, несмотря на перестройки, сохранил первоначальный, несколько суровый и монументальный облик, свойственный сооружениям этого периода
4. Воскресенская церковь 1648 г. в Каргополе – одно из лучших произведений местной художественной „школы“
5. Церковь Рождества Богородицы 1682 г. в Каргополе
6. Благовещенская церковь 1682–1692 гг. в Каргополе. Ее фасады обильно украшены тончайшей белокаменной резьбой
7. Апсиды Благовещенской церкви
- 8, 10. Воздухи „Пиклонение жертве“. 1704. Золотное и жемчужное шитье. Каргопольский краеведческий музей
9. Плащаница „Положение во гроб“. 1704. Золотное и жемчужное шитье. Каргопольский краеведческий музей
11. Плат „золотой“. Вторая половина XIX в. Фрагмент. Шитье каргопольских мастериц. Каргопольский краеведческий музей
- 12–13. Ширинки свадебные. Начало XIX в. Вышивка каргопольских мастериц. Каргопольский краеведческий музей
14. Каргопольская игрушка „Баба“. 1936. Мастер Н. В. Дружинин. Каргопольский краеведческий музей
15. Резная каргопольская прялка. XIX в. Фрагмент. Каргопольский краеведческий музей
16. Свечной столик. XVIII в. Фрагмент росписи. Каргопольский краеведческий музей
17. Рыбацкая деревня Першлахта на Кенозере
18. На берегах Кенозера
19. Дом в деревне Першлахта
20. Никольская церковь в селе Бережная Дуброва 1679 г. – один из немногих сохранившихся храмов с „кубоватым“ покрытием. Четверик с крутыми „пвалами“ несет огромный „куб“; в центре, на ребрах и на обращенных по странам света гранях высятся девять глав
21. Погост села Турчасово
22. На реке Онеге
23. Вознесенская церковь 1651 г. в селе Пияла. Это один из наиболее распространенных типов шатрового храма на четверике с четырьмя прирубами, увенчанными главами на высоких бочках. Рядом с церковью – колокольня 1700 г. с завершением, перестроенным в XIX в.
24. Пейзаж в районе Онеги
25. Ильинская церковь в селе Вазенцы, воздвигнутая в 1786 г. на месте более древнего храма. К индивидуальным особенностям памятника относится причудливая форма трехчастной бочки над алтарем
26. Усть-Кожский погост на реке Онеге. Прекрасную „триаду“ архитектурного ансамбля составляют церковь Климента 1695 г. с „кубоватым“ покрытием, Крестовоздвиженская церковь 1769 г., увенчанная шатром, и колокольня
27. В старинном селе Вазенцы
28. Широко разливаясь в низовьях река Онега. Вдали видно село Подпорожье с Владимирской церковью 1757 г.

1. A peaceful inlet of Ken Lake
2. Kargopol. View from the Onega River. In the 16th–17th centuries the city was one of the important centres in the Russian North
3. Cathedral of the Nativity of Christ in Kargopol. 1561–1562. A characteristic monument of its time, it has retained much of its original look, austere and monumental. In spite of some alterations, the basic structure of the two-tiered church with six pillars has been preserved
4. Church of the Resurrection in Kargopol (1648) is one of the finest productions of the local architectural „school“
5. Church of the Birth of the Virgin in Kargopol. 1682
6. Church of the Annunciation in Kargopol. 1682–1692. Its distinctive feature is a lavish white-stone ornamentation of the fronts
7. Church of the Annunciation. Apses
- 8, 10. Silk chalice covers embroidered in 1704 with the Adoration of the Lamb. Gold thread and pearl. Kargopol Museum of Local Lore
9. Silk shroud embroidered in 1704 with the Entombment. Gold thread and pearl. Kargopol Museum of Local Lore
11. Gold-embroidered shawl of the second half of the 19th century. Detail. Work of Kargopol embroideresses. Kargopol Museum of Local Lore
- 12–13. Wedding towels embroidered by Kargopol needlewomen. Early 19th century. Kargopol Museum of Local Lore
14. Toy „Peasant Woman“ by the Kargopol master N. V. Druzhinin. 1936. Kargopol Museum of Local Lore
15. Carved wooden distaff of Kargopol work. 19th century. Detail. Kargopol Museum of Local Lore
16. Table for candles. 18th century. Detail of painting. Kargopol Museum of Local Lore
17. Pershlahta, a fishermen’s village on Ken Lake
18. On the banks of Ken Lake
19. House in the village of Pershlahta
20. Church of St. Nicholas in Berezhnaya Dubrova. 1679. One of the few churches with a „cuboid“ top that are still extant. A tetragonal main body carries a huge cube which is crowned with nine cupolas: in the centre, at the sides of the roof and on the facets corresponding to the cardinal points
21. Turchasovo parish
22. On the river Onega
23. Church of the Ascension in Piyala. 1651. A characteristic example of a hip-roofed church: a tetragonal main body carries four superstructures crowned with cupolas on high barrels. The bell-tower standing near the church dates from 1700; its upper part was rebuilt in the 19th century
24. View in the environs of Onega
25. Church of the Prophet Elijah in Vazentsy. It was built in 1786 on the site of an older church. Its distinctive feature is a three-part barrel of an elaborate form over the altar
26. Ust-Kozha parish on the river Onega. The parts of the beautiful „triad“ are the Church of St. Clement with a cuboid top (1695), the Church of the Exaltation of the Cross with a pyramidal steeple (1769) and the bell-tower
27. Vazentsy, a village with a long history
28. In the lower reaches of the river Onega. In the distance is the village of Podporozhye with the elaborate silhouette of the Church of St. Vladimir (1757)

2
3
4

5
6
7

8
9
10

15

6

21
22
23

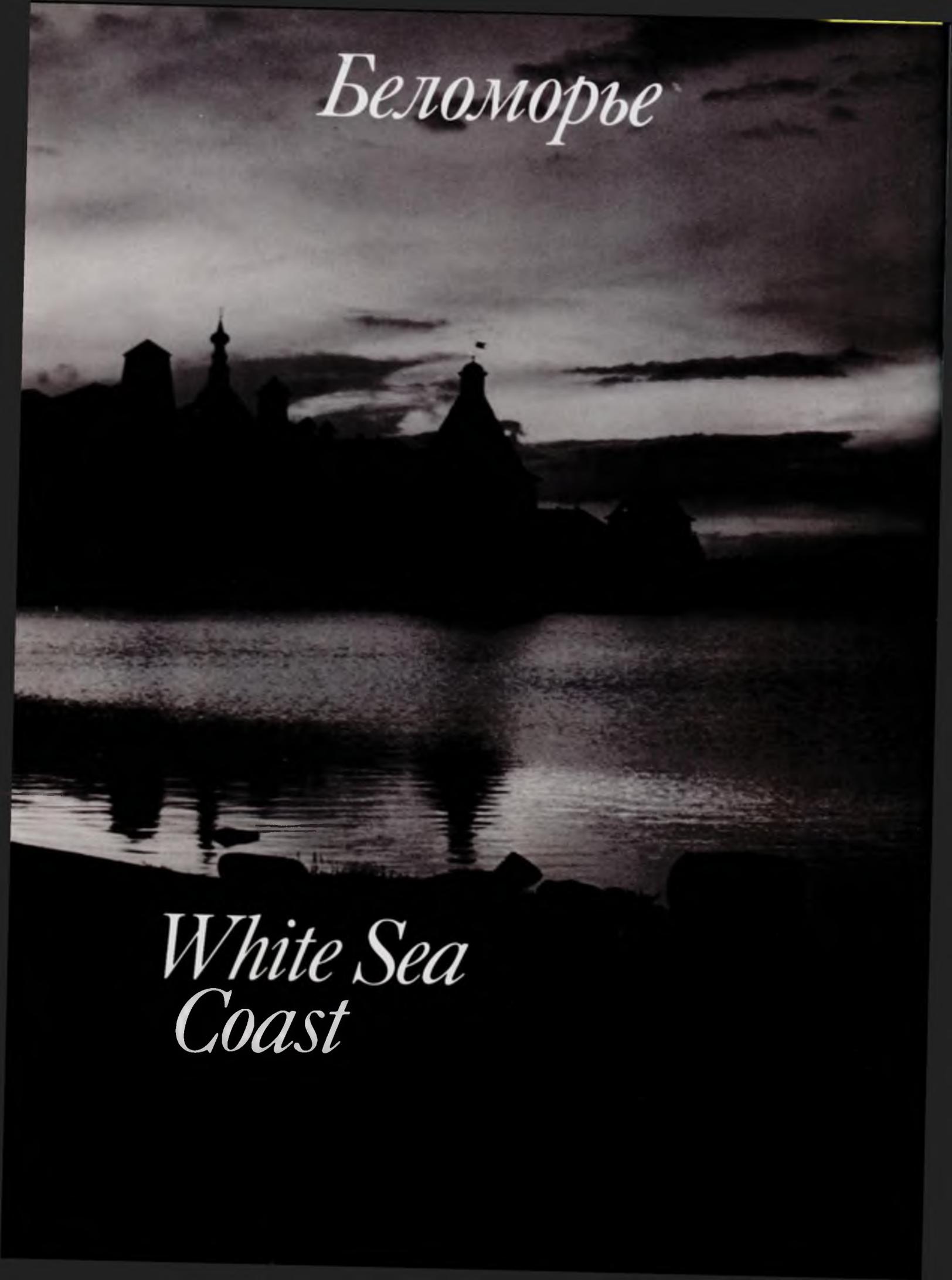

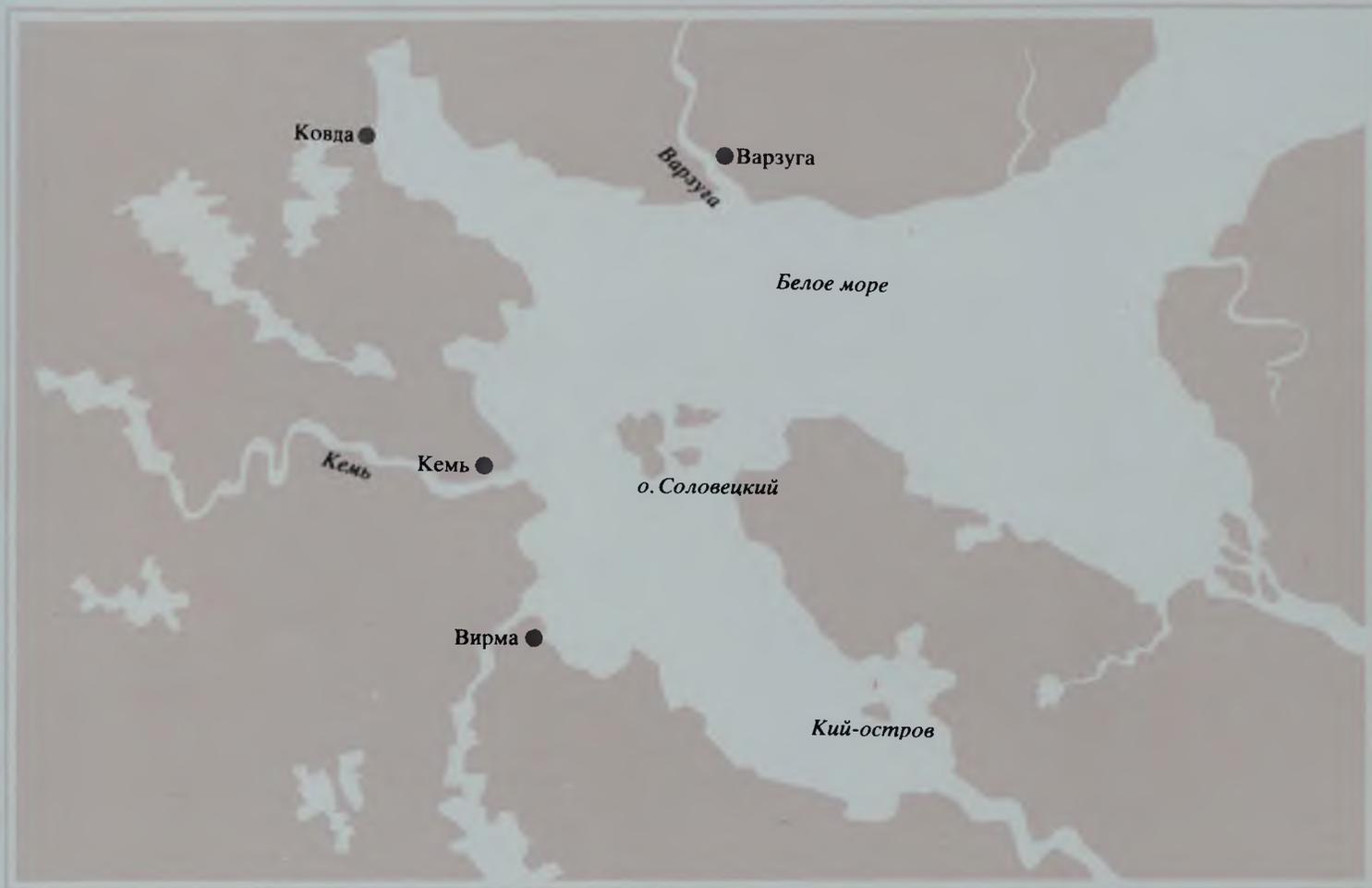

Беломорье

*White Sea
Coast*

Богатое рыбой и морским зверем Белое море всегда манило к себе славянских землепроходцев. В XVI веке оно стало и первым русским „окном в Европу“, связав водными путями Московское государство с западными странами. Нелегкие условия жизни, близость неприятельских рубежей сформировали мужественный характер обитателей края – поморов, аскетичный и суровый облик их поселений. Строгостью и лапидарностью архитектурного языка отличаются монументальные деревянные храмы прибрежных сел: многошатровая церковь в Кемь, шатровая церковь в Варзуге. С наибольшей полнотой специфичные условия северного порубежья проявились в облике монастырей, служивших здесь также крепостями, – в частности, основанного в 1429 году Соловецкого монастыря. Расположенный на крупнейшем из большого архипелага островов в Белом море, он сочетал духовную, экономическую и политическую власть на северной окраине Руси.

The White Sea, which abounded in fish and marine animals, allured Slavonic explorers. In the 16th century, when shipping routes connected Muscovy with the countries of the West, it became the first Russian “window into Europe”. The inhabitants of the sea-coast, pomors, lived in inclement conditions, not far from the alien frontiers. These were people of fortitude and their settlements had a severe, ascetic look. Wooden churches in coastal villages, such as the multi-domed church in Kem and the hip-roofed church in Varzuga, are marked off by an austere, laconic style and monumental quality. Most vividly the specific conditions of this northern borderland have been reflected in the architecture of the local monasteries which were also used as fortresses. A characteristic example is the Solovetsky Monastery situated on the main island of a large archipelago in the White Sea. Founded in 1429, it became the centre of ecclesiastical, economic and political power in this part of the Russian North.

1. На беломорском побережье
2. Кий-остров близ устья реки Онеги
3. Поморское село Вирма. Петропавловская церковь XVII в.
4. Поморское село Ковда на берегу обширного Кандалакшского залива. Никольская церковь 1651 г. – образец простейшего „клетского“ типа храмов
5. Панорама города Кемь – когда-то одного из самых крупных центров в юго-западной части Беломорья
6. На каменистом берегу Лепострова в черте города Кемь в 1711 г. был вы-

строен пятишатровый Успенский собор

- 7–8. Успенская церковь 1674 г. в селе Варзуга на Кольском полуострове, недалеко от сурового Терского берега Беломорья. Взлет ее шатра на 34-метровую высоту „подготовлен“ системой кокошников, как бы избегающих от крещатого в плане основания
9. Основанный в 1429 г. Соловецкий монастырь – выдающийся историко-архитектурный ансамбль русского Севера, ежегодно привлекающий к себе массу туристов

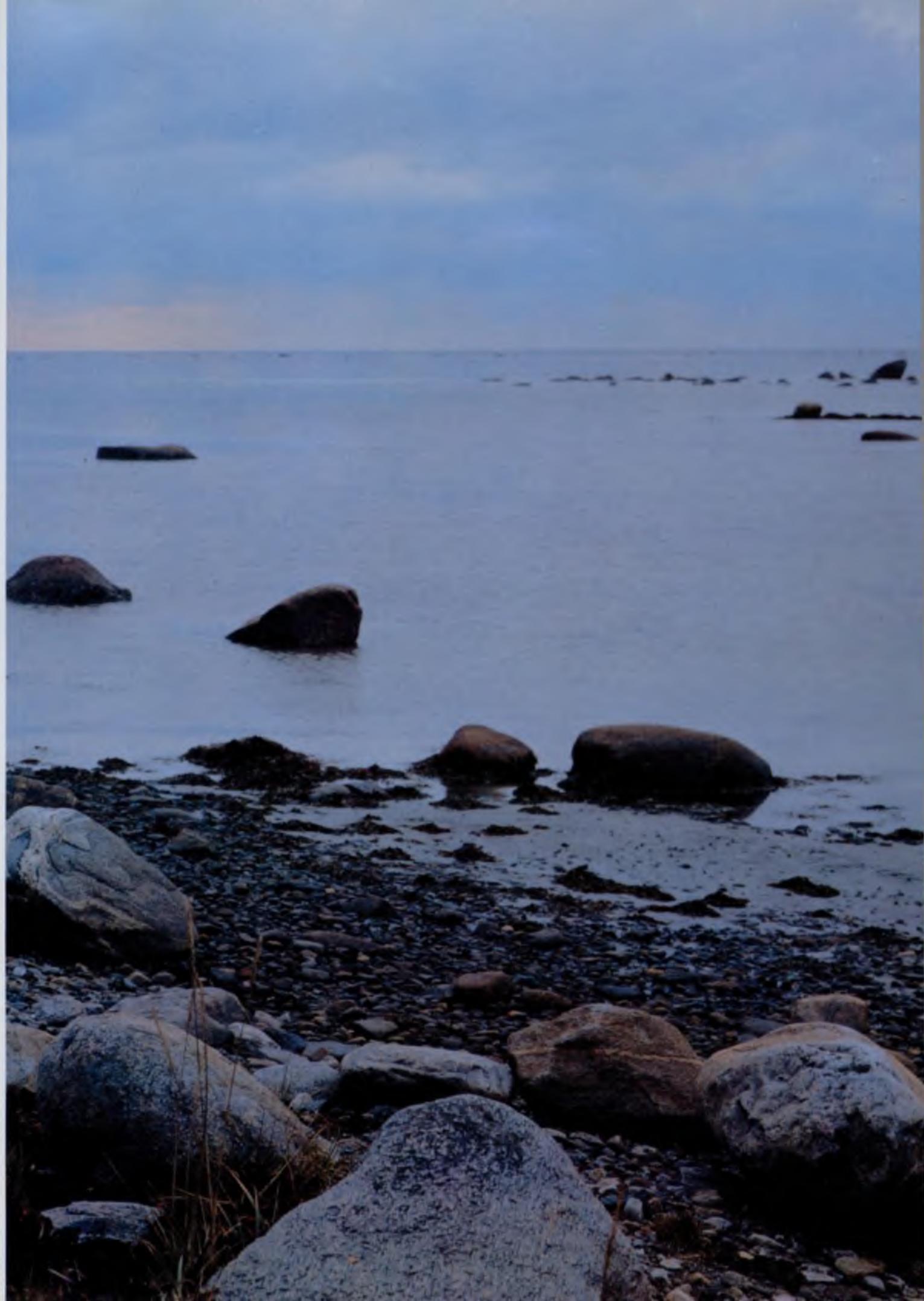
- 10–11. С конца XVI в. Соловецкий монастырь стал мощной крепостью, защищавшей северо-западные рубежи Русского государства. Вид ма монастыря от Святого озера. На первом плане – Северная (Никольская) башня
12. Старые инженерные сооружения – дамбы
13. Окрестности Соловецких островов
14. Выложенные из камней „лабиринты“ – историческая загадка Соловецких островов
15. В устье Северной Двины отчетливо ощущается дыхание северного моря

1. On the shore of the White Sea
2. Kiy Island off the mouth of the Onega
3. Virma, a village of pomors. The Church of Sts. Peter and Paul. 17th century
4. Kovda, a village of pomors on the shore of Kandalaksha Bay. The Church of St. Nicholas (1651). Its "cage-like" structure represents the simplest type of church building
5. Panoramic view of Kem. There was a time when this town was an important centre in the south-western section of the White Sea coast
6. Cathedral of the Assumption in Kem. This

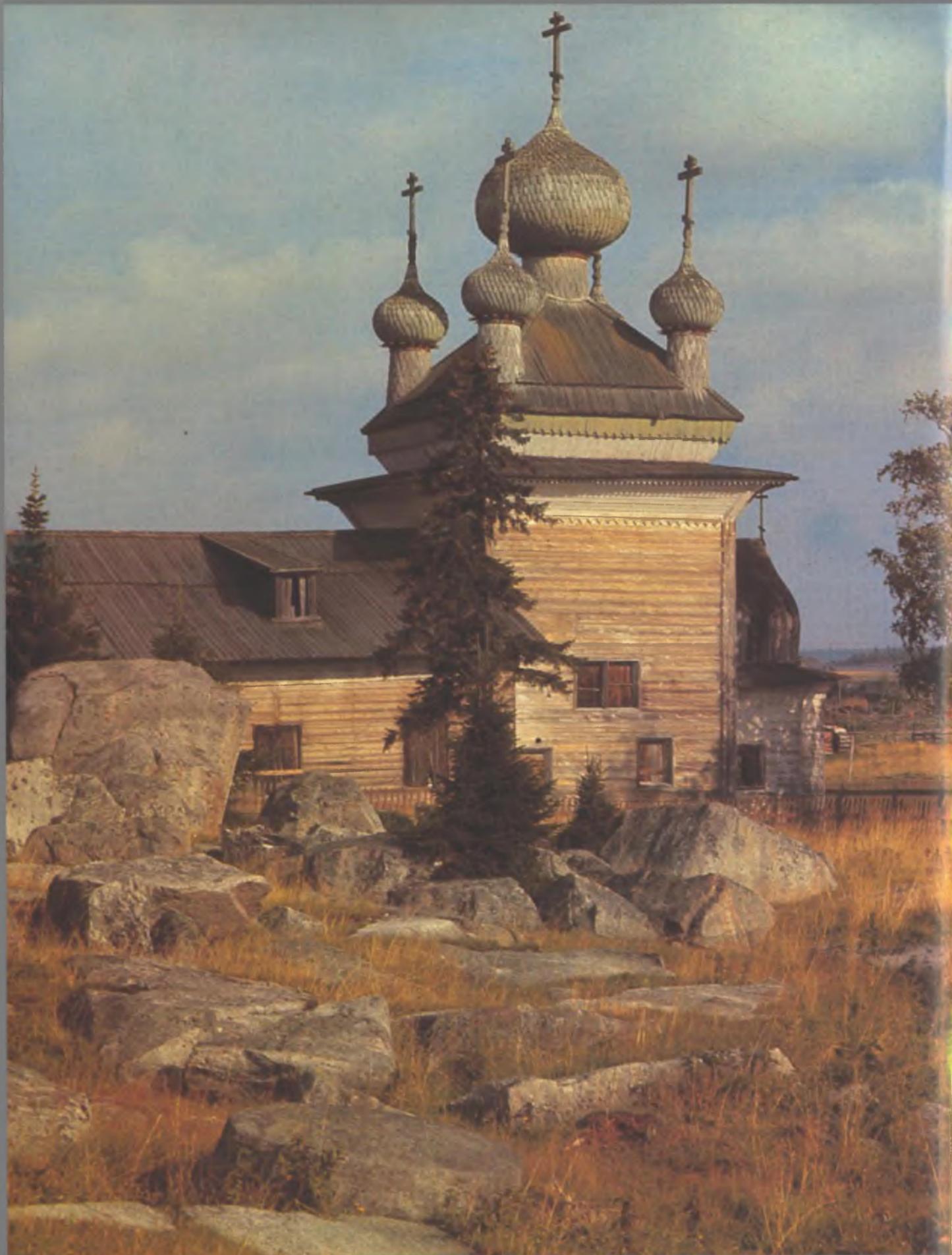
five-domed church was built in 1711 on the stony Lep Island

- 7–8. Church of the Assumption in Varzuga (1674). This building with a pyramidal steeple rising from diminishing tiers of kokoshniks (decorative semi-circular details) and a cross-shaped lower section has the height of 34 metres. The village is situated on the White Sea coast of Kola Peninsula, in the sparsely populated Tersky section
9. Solovetsky Monastery (founded in 1429). Its historical relics and architectural monuments are the greatest tourist attractions in the Russian North

- 10–11. By the end of the 16th century the Solovetsky Monastery had become a powerful stronghold on the north-western frontier of the Russian State. View of the monastery from Svyatoye (Holy) Lake. In the foreground is the Northern (Nikolskaya) Tower
12. Some of the old engineering structures – dams
13. View in the environs of the Solovetsky Isles
14. "Labyrinthes" laid in stones – a historical enigma of the Solovetsky Isles
15. The breath of the arctic seas makes itself felt in the mouth of the Northern Dvina

4
5
6

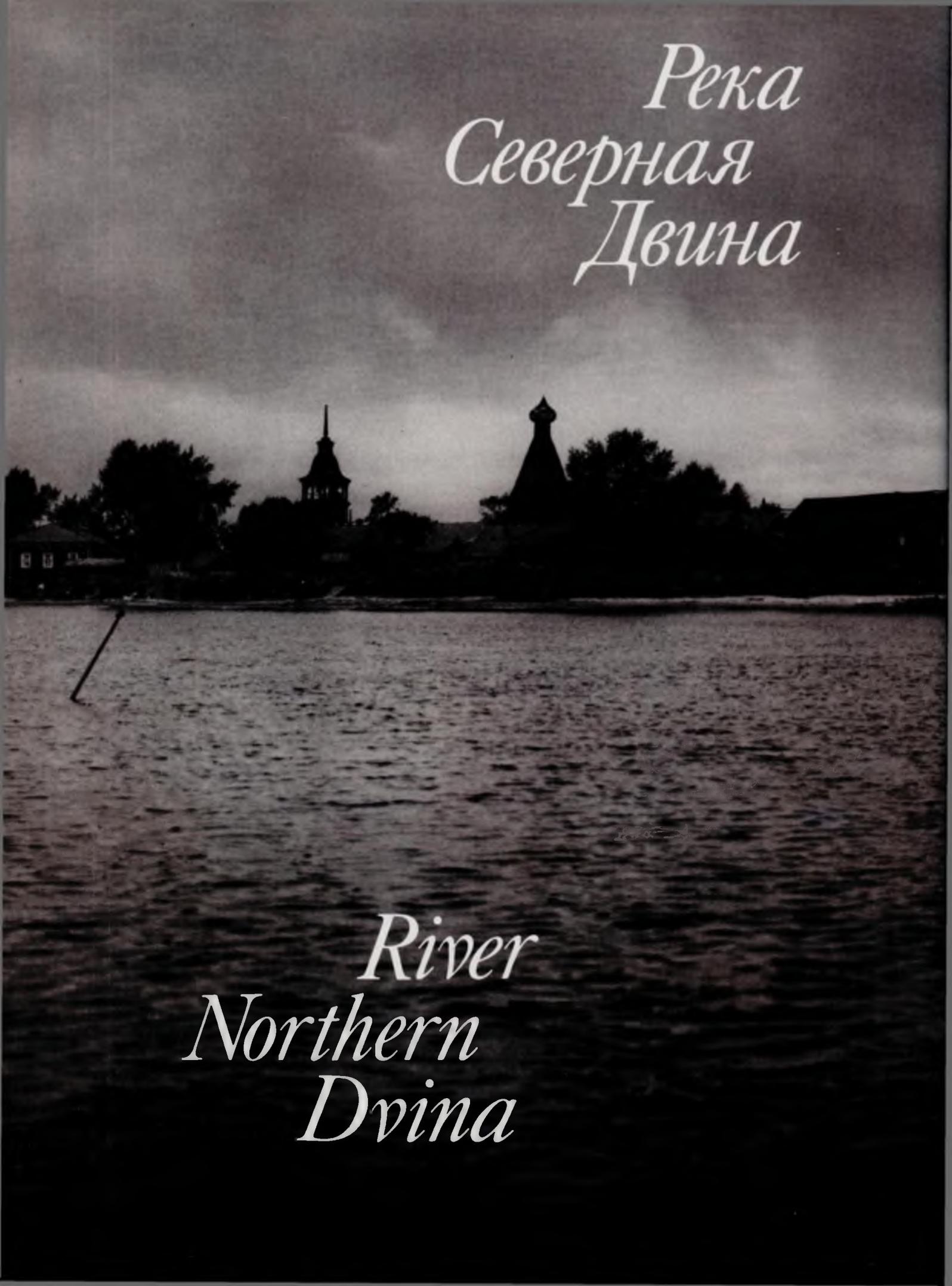

*Река
Северная
Двина*

*River
Northern
Dvina*

Северная Двина – одна из главных водных артерий русского Севера. В XIV веке землями вдоль ее берегов владел Великий Новгород, а столетием позже – Москва. Особенно возросло значение края в XVI–XVII веках. Крупным центром каменного строительства стали в XVII веке Холмогоры, где до наших дней сохранились здания местной архиепископии, а также несколько посадских храмов в окрестных селах. Другим центром каменного строительства был Архангельск, где особо впечатляющим сооружением стал грандиозный укрепленный гостиный двор. Внешний рейд порта защищала вставшая в устье Северной Двины мощная Новодвинская крепость. Шатровые церкви в селах Лявля, Уфтюга, многоглавая – в Пермогорье относятся к наиболее значительным произведениям русского деревянного зодчества. В крупнейшем в РСФСР музее под открытым небом в Малых Корелах собраны и демонстрируются свыше ста памятников народной деревянной архитектуры, предметы крестьянского быта, изделия народных мастеров.

The Northern Dvina is one of the main water-ways in the Russian North: In the 14th century the lands along its bank were in the possession of Veliky (Great) Novgorod. One hundred years later they were annexed by Moscow. The region became much more important in the 16th and 17th centuries. In the 17th century Kholmogori had a considerable number of stone buildings some of which still survive. In the town it is the former house of the local archbishop and in the neighbouring villages – several parish churches. Another centre of stone construction was Arkhangelsk (Archangel) where the most impressive building were enormous shopping arcades with fortified walls. The roadstead off the mouth of the Northern Dvina was protected by the powerful Novodvinskaya Fortress. Fine examples of Russian wooden architecture are to be found in the villages Lyavlya and Uftyug (churches with pyramidal steeples) and in Permogorye (a multi-domed church). A collection of over one hundred pieces of popular wooden architecture, articles of peasant household and products of handicraftsmen is displayed at the outdoor museum in Malye Kareli.

1. На набережной Архангельска
2. Фрагмент панорамы современного Архангельска
3. В Архангельске многое связано с именем Петра Первого. Памятник ему на набережной создан М. М. Антокольским в 1872 г.
4. Резная икона „Чудо Георгия о змие“. XVII в. Архангельский областной музей изобразительных искусств
5. Резная икона XVI в. Архангельский областной музей изобразительных искусств. Культ святого-простолюдина Николы, покровителя торговцев и путешествующих по морю, был широко распространен в средневековой Руси, особенно на русском Севере
6. Полихромная деревянная скульптура „Святая Екатерина“. XVII в. Архангельский областной музей изобразительных искусств
7. Икона „Чудо о Флоре и Лавре“. Конец XVII в. Северные письма. Архангельский областной музей изобразительных искусств
8. Кокошник жемчужный. XIX в. Архангельский областной краеведческий музей
9. Тканая юбка-подол. Начало XX в. Фрагмент. Архангельский областной краеведческий музей
10. Утиральник свадебный. Конец XIX в. Фрагмент. Вышивка северных мастериц. Архангельский областной краеведческий музей
11. Каргопольская игрушка „Полкан“. 1979. Мастер У. И. Бабкина. Архангельский областной краеведческий музей
12. Резные расписные прялки. Конец XIX – начало XX в. Архангельский областной краеведческий музей
13. Экспонаты Архангельского музея деревянного зодчества
14. Музей деревянного зодчества стал одной из главных достопримечательностей Архангельска. Панорама музея открывается издали при подъезде к нему по шоссе
15. Уголок Каргопольско-Онежского сектора Архангельского музея деревянного зодчества
16. Интерьер светелки дома Пухова воспроизводит бытовую обстановку жилища крестьянина XIX – начала XX в.
17. Нарядно украшенное резьбой крыльцо дома Щеголева, основанное на одном столбе, – образец когда-то широко распространенной формы „боярских“ крылец в селах верховья Северной Двины и Вычегды
18. Фрагмент фасада дома Пухова из Каргопольско-Онежского сектора Архангельского музея деревянного зодчества
19. Ветряные мельницы в Архангельском музее деревянного зодчества
20. Древнейший памятник Архангельско-

1. On the Arkhangelsk embankment
2. Arkhangelsk (Archangel) today. Panoramic view, detail
3. Many places in Arkhangelsk keep the memory of Peter I. This monument on the embankment is the work of sculptor M. Antokolsky (1872)
4. "Miracle with the Serpent". A carved icon of the 17th century. Arkhangelsk, Regional art museum
5. Triptych with St. Nicholas of Mozhaisk, Sis. Boris and Gleb. A carved icon of the 16th century. The cult of St. Nicholas, the patron of merchants and seafarers, was widespread in medieval Russia, especially in its northern parts. Arkhangelsk, Regional art museum
6. "St. Catherine". A polychrome wooden sculpture of the 17th century. Arkhangelsk, Regional art museum
7. "The Miracle of Sts. Florus and Laurus". An icon of the Northern School. Late 17th century. Arkhangelsk, Regional art museum
8. Kokoshnik (women's head-dress) decorated with pearl. 19th century. Arkhangelsk, Regional Museum of Local Lore
9. Woven skirt hem. Early 20th century. Detail. Arkhangelsk, Regional Museum of Local Lore
10. Wedding towel. Late 19th century. Detail. Work of northern embroideresses. Arkhangelsk, Regional Museum of Local Lore
11. "Dog Polkan". A toy made U. I. Babkina, a master from Kargopol. 1979. Arkhangelsk, Regional Museum of Local Lore
12. Carved wooden distaffs with painted decoration. Late 19th – early 20th cc. Arkhangelsk, Regional Museum of Local Lore
13. Exhibits from the Arkhangelsk Museum of wooden architecture
14. Museum of wooden architecture is one of the principal attractions of Arkhangelsk. The panorama of the museum opening from the highway
15. In the section of Kargopol and Onega of the Museum of wooden architecture. Arkhangelsk
16. This interior in the attic of Pukhov's house reproduces a peasant room of the late 19th – early 20th cc.
17. Shchegolev's house. Its lavishly decorated porch supported by one pillar represents a "boyard" type of porch which was commonly found in the villages of the upper Northern Dvina and the Vychehga
18. Pukhov's house. Detail of the façade. Arkhangelsk Museum of wooden architecture, the section of Kargopol and Onega
19. Windmills from the Museum of wooden architecture, Arkhangelsk
20. 16th-century bell-tower from the village of

го музея деревянного зодчества – колокольня XVI в. из села Кулига Драконово стала его символом

21. Вознесенская церковь конца XVII в. из села Кушерека в Архангельском музее деревянного зодчества. Этот двухъярусный храм, увенчанный пятиглавием на чешуйчатом „кубоватом“ покрытии, очень сложен в своем объемно-пространственном построении. В сочетании с высокой шатровой колокольней составляет прекрасный ансамбль, свидетельствующий о высоком профессиональном мастерстве его создателей – северных русских плотников
22. Амбары. Мезенский сектор Архангельского музея деревянного зодчества
23. На территории Северодвинского сектора Архангельского музея деревянного зодчества
24. Георгиевская церковь 1672 г. из села

Вершина – одно из самых впечатляющих сооружений русского шатрового зодчества, сохранившихся до наших дней. Огромный бревенчатый восьмерик с двумя прирубами увенчан чешуйчатым мощным шатром. По контрасту с ним решена легкая каркасная галерея, повисшая на далеко выдвинутых консолях.

25. На просторах Северной Двины
26. Никольская церковь в селе Лявля воздвигнута по заказу новгородской посадницы Анастасии в 1589 г. Срубленная из массивных, великолепно пригнанных друг к другу бревен, она обладает почти скульптурной выразительностью. Это – древнейший из дошедших до нас памятников шатрового зодчества
27. На околице старинного села Чухчерема, раскинувшегося на высоком правом берегу Северной Двины, сохранились

скромная приземистая клетская церковь Василия Блаженного, построенная в начале XIX в. на месте более древней сгоревшей, и изящная, на невысоком четверике шатровая колокольня 1783 г. – часть давно утраченного ансамбля

28. Воскресенская церковь 1686–1694 гг. в Верхних Матигорах. Зодчий Федор Стафуров
29. В окрестностях села Ратонаволок
30. Никольская церковь в селе Зачачье близ города Емецка – столпообразный храм с двумя прирубами, увенчанный огромным восьмигранным „кубом“. Первоначально возведенная в 1687 г., она была в 1909 г. разобрана и воспроизведена из нового леса
31. Близ северодвинского села Уфтюга
32. Зимой на Северной Двине
33. Околица села Пермогорье в верховьях Северной Двины. Вдали видна Георгиевская церковь 1665 г.

Kuliga Drakonovo. It is the oldest monument in the Arkhangelsk Museum of wooden architecture which has become its emblem

21. Church of the Ascension from the village of Kushereka. Late 17th century. Arkhangelsk Museum of wooden architecture. The two-tiered church is crowned with five cupolas rising over scaled "cuboid" roofing. In combination with the tall pyramidal bell-tower its elaborate structure forms a beautiful ensemble which bears witness to the high professional skills of its creators – carpenters from northern villages
22. Granaries. The Mezen section of the Museum of wooden architecture, Arkhangelsk
23. In the section of the Northern Dvina, the Museum of wooden architecture, Arkhangelsk

24. Church of St. Georgi. 1672. This big wooden church from the village of Vershina is one of the most impressive buildings of this type that are still extant. The huge octagonal woodwork with two apses is crowned with a massive pyramidal steeple. A contrast to it is the light gallery hanging on long cantilevers

25. Over the expanse of the Northern Dvina
26. Church of St. Nicholas in Lyavlya (1589) was commissioned by Anastasia, a wealthy resident of Novgorod. Built of perfectly fitted massive logs, it has an almost statuesque look. It is the oldest surviving monument of the class of hip-roofed buildings in the region
27. The modest squat Church of St. Basil the Blissful in Chuhcherema, a village on the right bank of the Northern Dvina, was built in the early 19th century on the site of an ancient church which had been destroyed

by fire. A graceful pyramidal bell-tower on a tetragonal ground-work (1783) is the remaining part of the former ensemble

28. Church of the Resurrection in Verkhnie Matigory. 1686–1694. Architect Feodor Stafurov
29. View in the environs of Ratonavolok
30. Church of St. Nicholas in Zachachie, near the town of Emetsk. The original buildings with two apses and a high pyramidal steeple dated from 1687. In 1909 it was taken to pieces and reproduced with new timbers
31. View in the environs of Uftyug, a village on the Northern Dvina
32. The Northern Dvina in winter
33. In the upper reaches of the Northern Dvina. The village of Permogorie, with the Church of St. Georgi (1665) seen in the distance

1
2
3

Господи
призри съ
высоты твои
егда на пред
столицю
люди егда
и настави
на светъ
истинный

СВЯТЫЙ АХЕЗ ФЛОРЕ

ПОРЪ

СВЯТЫЙ МАДОНА

СВЯТЫЙ АХЕЗ

АВЪ

12

16
17
18

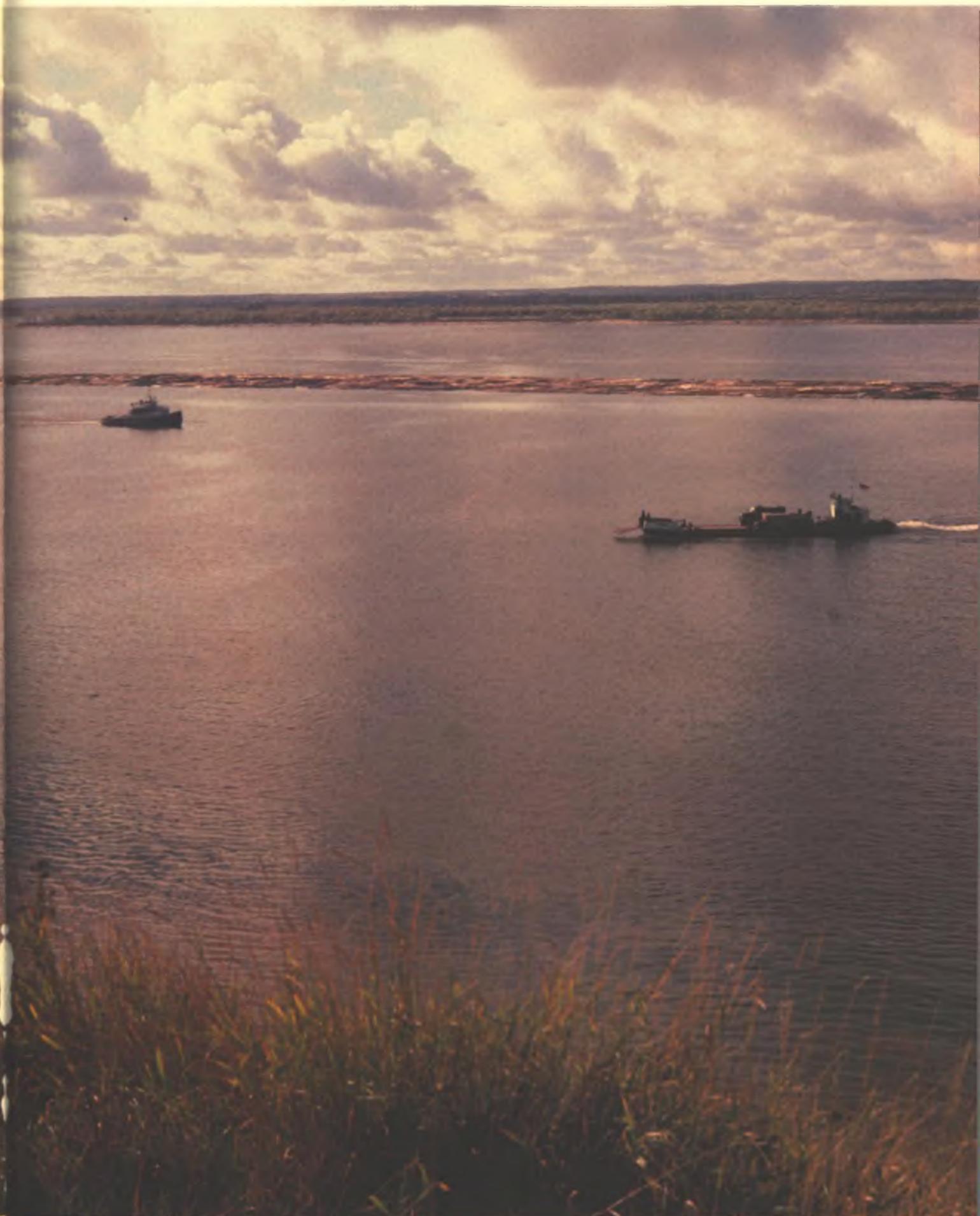

22
23
24

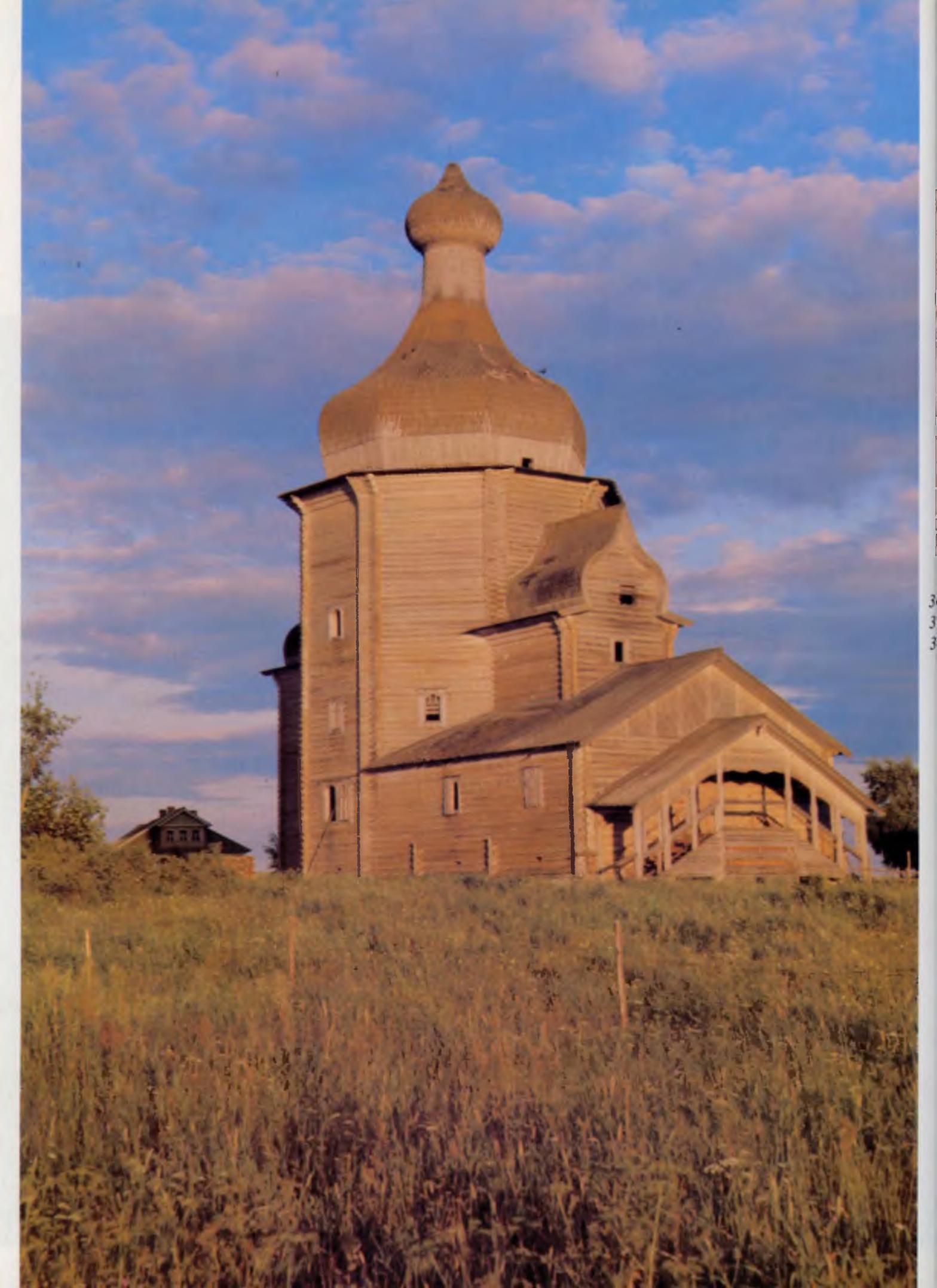

27
28

29

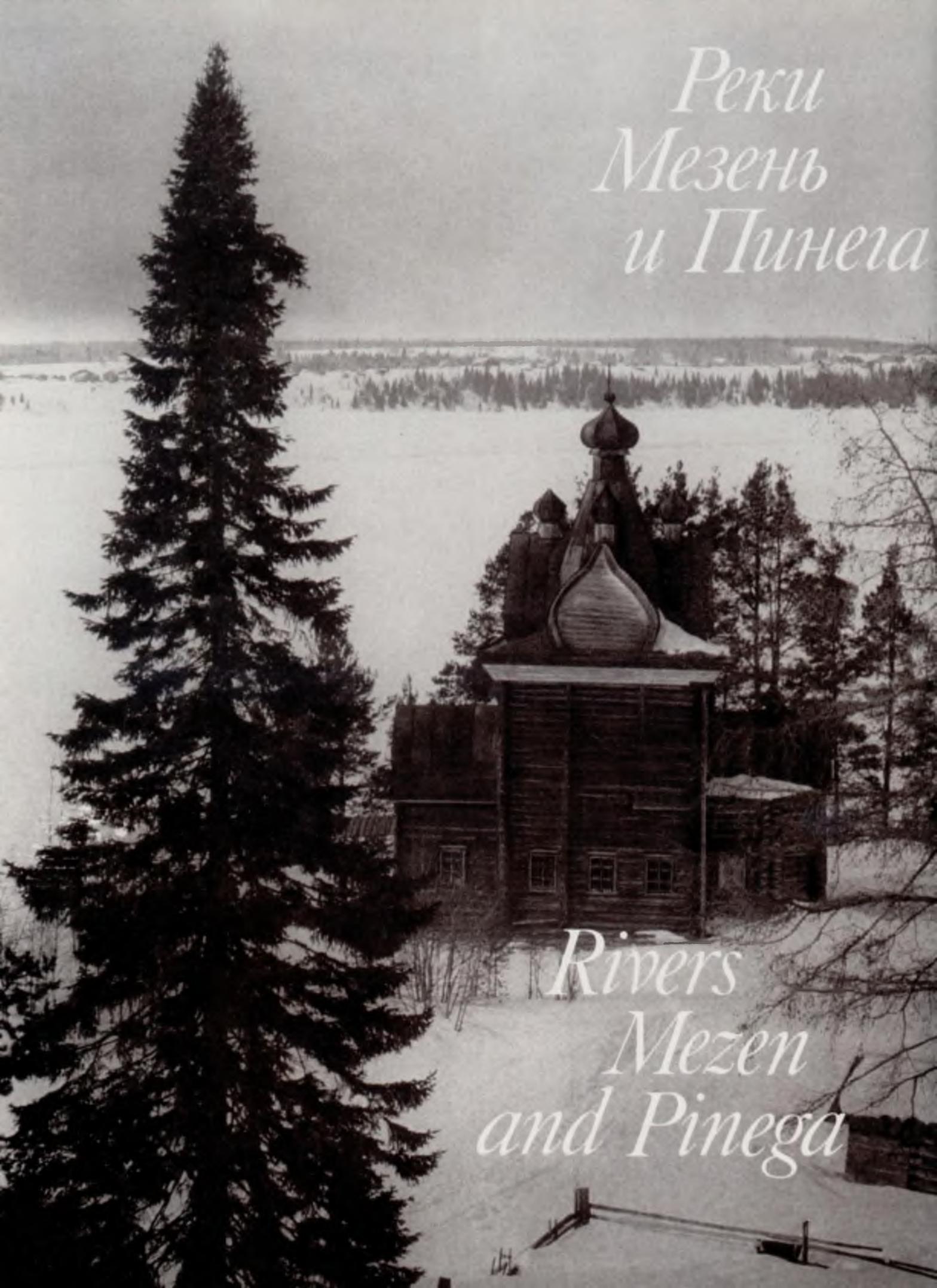

3
3
3

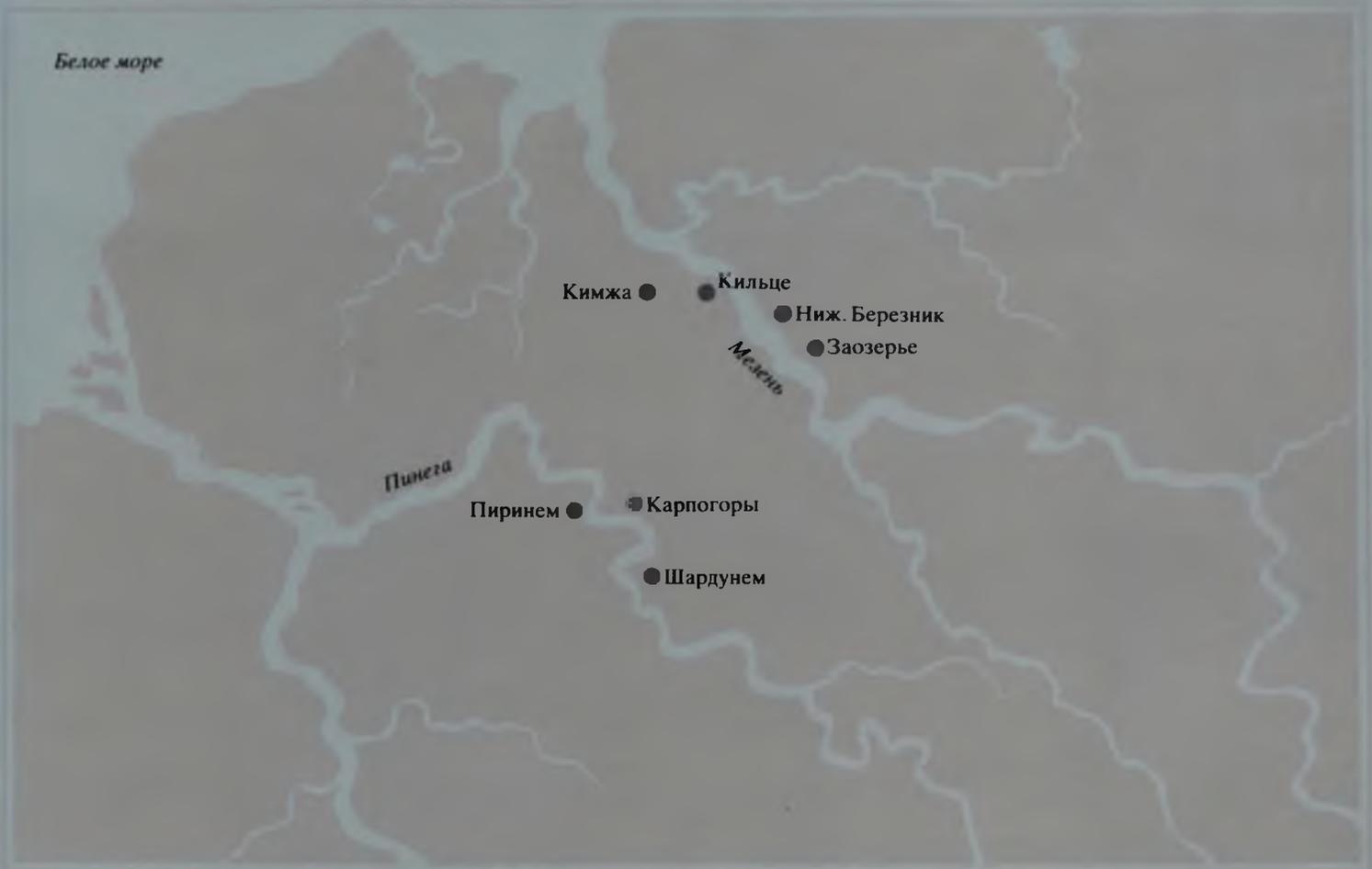

*Реки
Мезень
и Пинега*

*Rivers
Mezen
and Pinega*

Освоение края славянскими поселенцами шло в двух направлениях. Выходцы из Новгорода Великого плыли по Пинеге, в нижнем ее течении перетаскивали – „перволакивали“ свои челны в реку Кулой, а оттуда – в Мезень. Так возник „волок пинежский“. Второй поток землепроходцев шел с юга по рекам Сухоне, Северной Двине, Вычегде к верховьям Пинеги и Мезени. С 1471 года этот обширный край переходит во владения Московского государства. Ярким проявлением особенностей местной художественной культуры служит оригинальный тип мезенско-пинежского храма, высокий четверик которого завершается пятью шатрами на крещатых бочках. К его немногочисленным сохранившимся до наших дней образцам относятся Одигитриевская церковь в мезенском селе Кимжа и Никольская в пинежском селе Едома. С геобразный облик сел этого региона определяют монументальные бревенчатые срубы в основании изб. Они защищают постройки, стоящие вдоль берегов рек, от наводнений и оползней.

There were two ways of Slavonic migration to this region. Settlers from Veliky (Great) Novgorod sailed down the Pinega, a large tributary of the Northern Dvina. At one place they disembarked and hauled their boats overland to the river Kuloi. This place came to be known as "the Pinega portage". Then, sailing downstream, they reached the Mezen. Settlers from the south moved down the Sukhona to the Northern Dvina. Then by the Vychehda they came to the upper reaches of the Pinega and the Mezen. From 1471 this vast territory was under the rule of Moscow. A characteristic relic of the local cultural heritage is an original type of building known as the Pinega-Mezen church. It consists of a high tetragonal nave crowned with five pyramidal steeples which stand on cross-ornamented barrels. Few buildings of this type are extant. Among them are the Church of St. Odigitria in Kimzha, a village on the Mezen, and the Church of St. Nicholas in Edoma, on the Pinega. The dominant type of building in the local villages is a large house with a ground-work of massive logs. The houses usually stand on the banks of rivers and the ground-work serves as a protection from floods and landslides.

1. В старинном мезенском селе Кильце
2. Пятистенный дом с расписными свесами кровли в селе Кильце
3. Шатры и бочки, венчающие Одигитриевскую церковь в Кимже. 1763
4. Порядок домов в селе Нижний Березник
5. Дом Клокотова в мезенском селе Заозерье построен в 1879 г., о чем

свидетельствует вырезанная на выпуске бревна под фронтоном надпись. Здесь использованы практически все основные элементы декоративного оформления, характерные для северного крестьянского зодчества

6. Село Пиринем. Церковь Двенадцати апостолов. 1799
7. Старинные избы в пинежском селе Карпогоры

8. Целые городки свайных амбаров встречаются у околлиц пинежских сел, подобно этому зерновому амбару из села Шардунем
9. Зимний лес близ берегов Пинеги
10. Живописные силуэты Никольской церкви 1700 г. и ее колокольни венчают крутой обрыв над рекой Пинегой (село Едома)

1. Kiltse, an old village on the Mezen
2. Kiltse. A house with an inner partition and painted decoration
3. Pyramidal steeples and dome-drums on the Church of St. Odigitria in Kimzha (1763)
4. Row of houses in the village of Nizhny Bereznik
5. Klokotov's house in Zaozerie, a village on the Mezen. An inscription carved on a log under the pediment almost indicates the

date of building – 1879. The decorative scheme includes all the main elements characteristic of the architecture of northern villages: a one-pillar porch, richly carved pediment, shutters, ridge, rafters, gutters.

6. Pirinem. The Church of Twelve Apostles. 1799
7. Old peasant houses in Karpogori, a village on the Pinega

8. Granary in the village of Shardunem. Numerous pile granaries and storehouses can be seen in villages of the Pinega basin
9. Forest near the bank of the Pinega in winter
10. Picturesque silhouettes of the Church of St. Nicholas (1700) and its bell-tower rise over the high bank of the Pinega

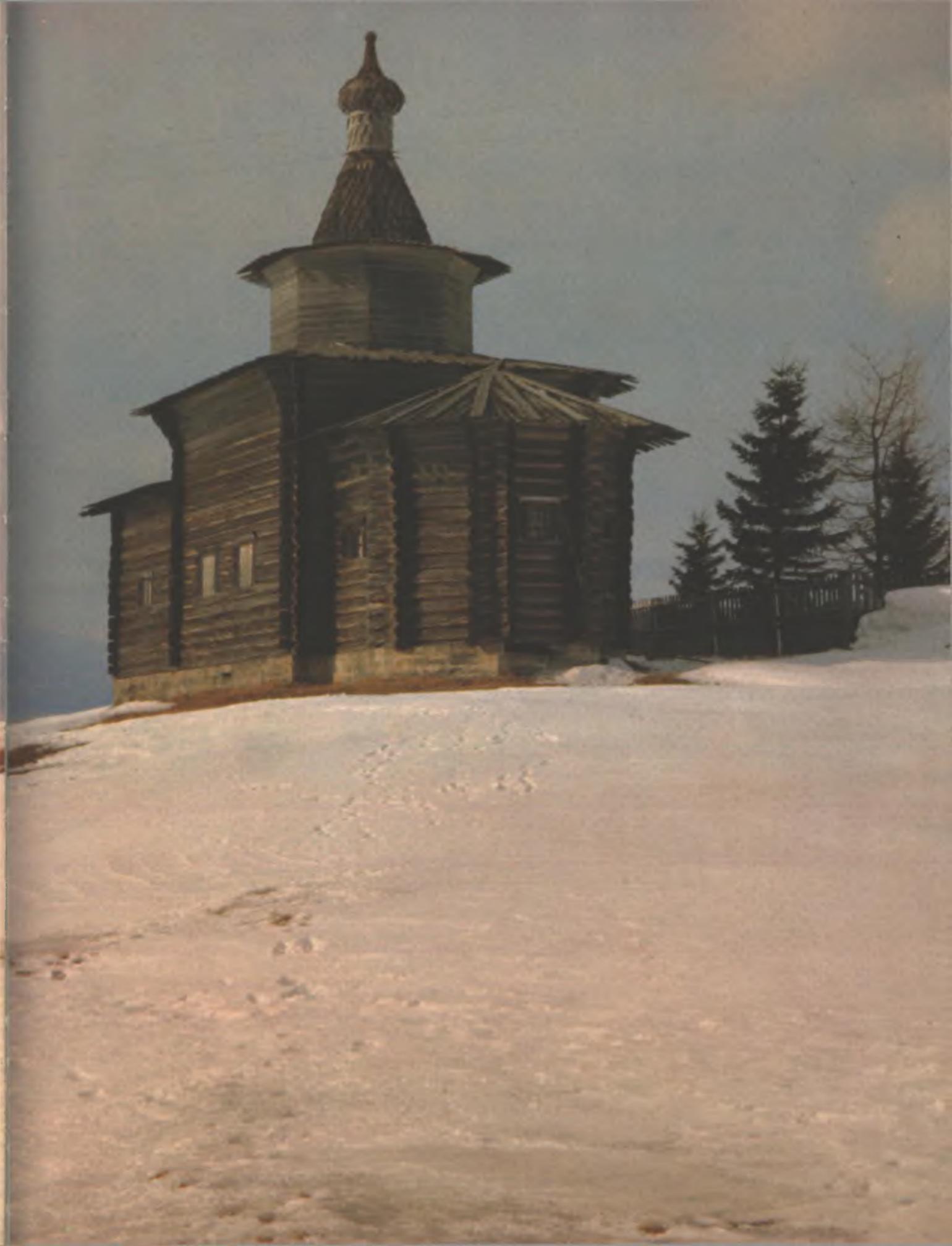
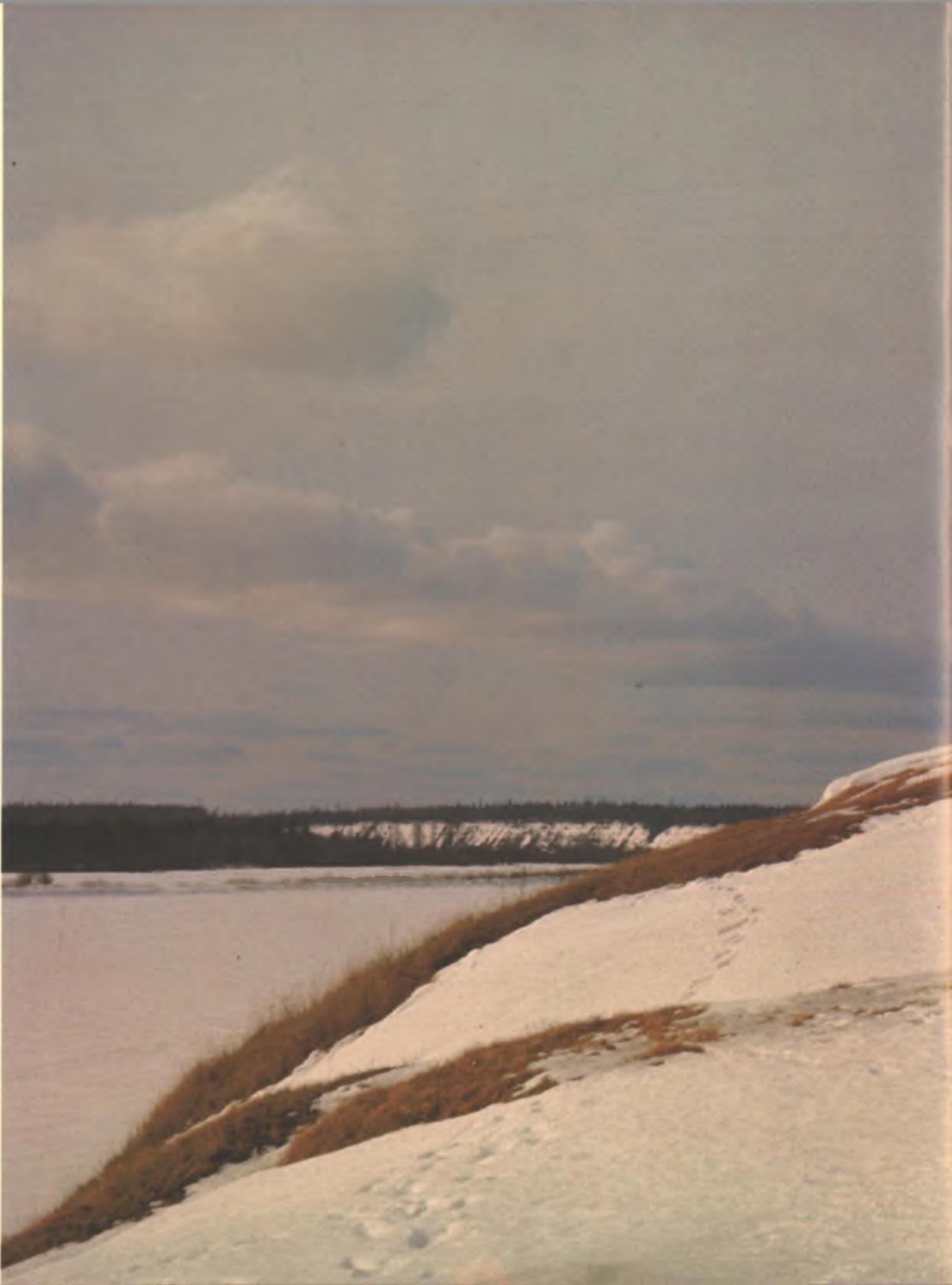

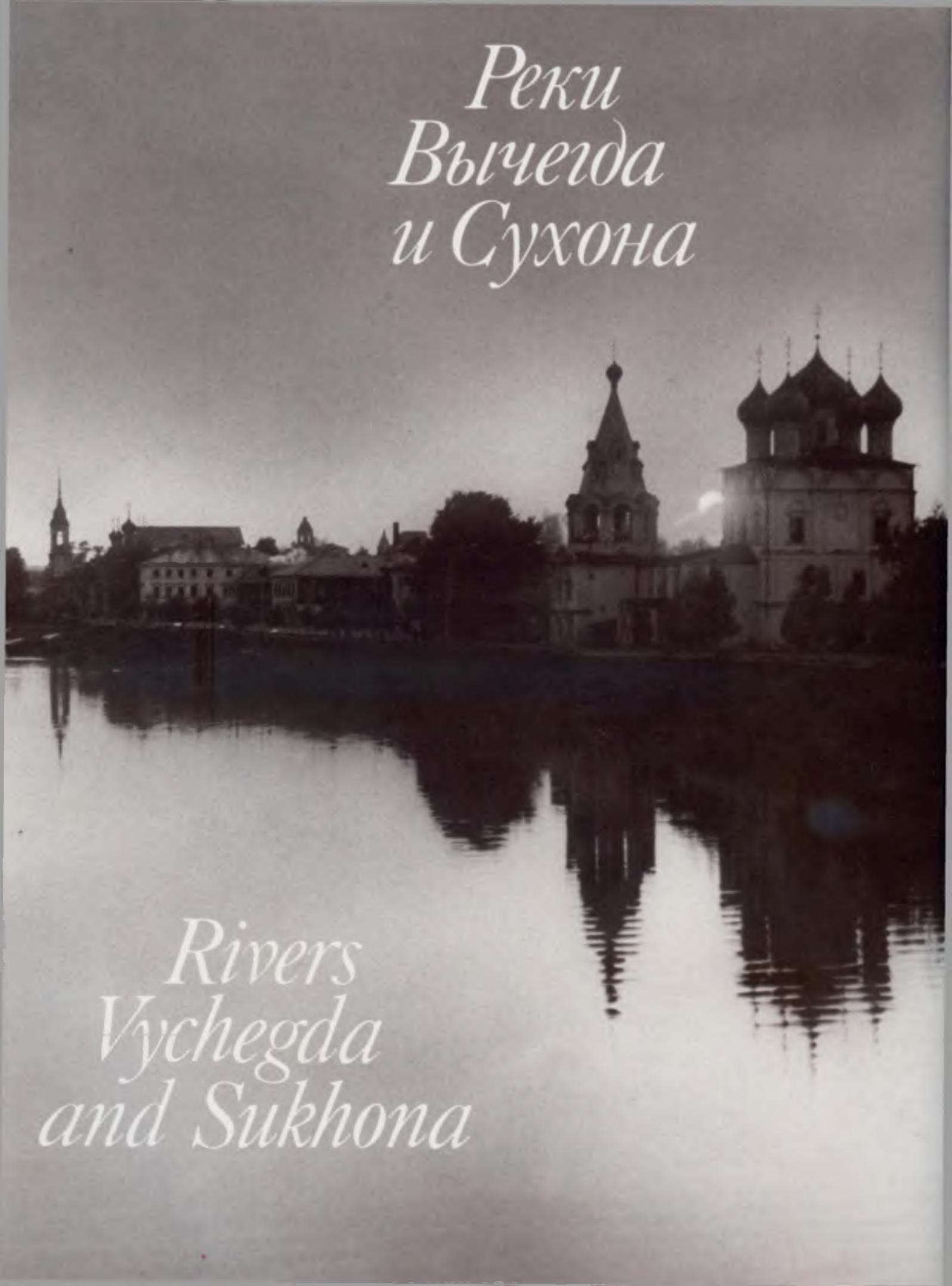

*Реки
Вычегда
и Сухона*

*Rivers
Vycheгда
and Sukhona*

В XVI веке, после открытия торговых связей Москвы с Западной Европой, особое значение приобрела древняя Вологда, ставшая важнейшим транзитным пунктом на пути к Белому морю. При Иване Грозном в Вологде развернулось каменное строительство, памятниками которого являются Софийский собор (с ярославскими фресками XVII в.) и здания Спасо-Прилуцкого монастыря. По течению Сухоны лежат города Тотма и Устюг Великий, известные как торгово-ремесленные центры еще с XII–XIII веков. Здесь на рубеже XVII–XVIII веков сформировался барочный тип каменного ярусного храма, позднее широко распространенный по России. В низовьях Вычегды, в Сольвычегодске, высится грандиозный Благовещенский собор XVI века. В конце XVII века здесь же был выстроен великолепный краснокирпичный Введенский собор, украшенный резным белокаменным декором и многоцветными изразцовыми вставками.

In the 16th century the development of commercial ties between Moscow and Western Europe increased the importance of Vologda. Standing on the route to the White Sea, this ancient town became a centre of transit trade. Many stone buildings were erected here in the reign of Ivan the Terrible. Monuments of that period are the Cathedral of St. Sophia (frescoed at a later time by Yaroslavl masters) and the buildings of the Spaso-Prilutsky Monastery. Sailing down the Sukhona one will arrive in Totma and Ustyug Veliky, towns which in the 12th and 13th centuries were known as centres of trade and handicraft industries. Much later, at the turn of the 17th–18th cc., they became the birthplace of a baroque of a stone tiered church. Subsequently this variant of baroque building could be found in many parts of Russia. The panorama of Solvychegodsk, a town on the lower Vycheгда, is dominated by the stately Cathedral of the Annunciation, a monument of the 16th century. Another local church, the beautiful Cathedral of the Presentation (the late 17th century) is a red-brick building with a décor of white-stone carving and insets of particoloured tiles.

1. Благовещенский собор 1560–1548 гг., видимый издали с реки Вычегды, служит главным высотным ориентиром города Сольвычегодска
2. Собор Введенского монастыря 1689–1693 гг., построенный на средства Строгановых, – второй по значению архитектурный памятник Сольвычегодска
- 3–4. Фасады Введенского собора декорированы с пышностью, характерной для времени его строительства. Богатство белокаменных резных и многоцветных изразцовых деталей подчеркнуто краснокирпичным фоном стен
5. Уголок старого Сольвычегодска
6. На тихих улицах Сольвычегодска сохранились каменные особняки, в облике которых явно ощущается влияние стиля классицизма. Один из них – дом купца Пьянкова (вторая половина XIX в.)
7. Купола Прокопьевского собора 1668 г. в Великом Устюге и вид на заречную Дымковскую слободу
8. Со времени открытия во второй половине XVI в. международного торгового пути через гавани Белого моря начался расцвет Устюга, к имени которого стал добавляться эпитет Великий. Город на реке Сухоне превратился в крупнейший перевалочный торговый пункт, в нем развернулось значительное по тем временам каменное строительство
9. Набережная реки Сухоны в Устюге Великом. На переднем плане – Прокопьевский собор 1668 г.
10. Жилой дом морехода Шилова
- 11–12. Вознесенская церковь 1648 г. в Устюге Великом – древнейший из сохранившихся храмов этого города. Его фасады предельно насыщены декоративным убранством: кирпичный с белокаменными вставками резной декор сочетается с изразцами, фигурными коваными решетками, характерными для посадской архитектуры середины XVII в.
13. Вознесенская церковь. Кованая решетка окна придела
- 14–14а. Устюжская чернь. Устюжский краеведческий музей
15. Резная шкатулка холмогорской работы. Кость. Устюжский краеведческий музей
16. Образец работы местных мастеров финифти из Успенского собора. XVII–XVIII вв. Устюжский краеведческий музей
17. Набивная ткань местной работы XIX в. Устюжский краеведческий музей
18. Шитье бисером. XIX в. Устюжский краеведческий музей
19. Берестяное лукошко. Фрагмент росписи. Устюжский краеведческий музей
20. Расписная прялка. XIX в. Фрагмент лопаски. Устюжский краеведческий музей
21. Ансамбль Михайло-Архангельского монастыря XVII–XVIII вв. в Устюге Великом
22. Михайло-Архангельский монастырь сохранил прекрасные памятники зодчества. Фрагмент ворот и надвратной Владимирской церкви 1682 г.
23. Георгиевская церковь 1696–1703 гг. в Устюге Великом
24. Красная улица в Устюге Великом сохранила приметы русского провинциального города середины XIX в.
25. На территории девичьего Спасского монастыря в Устюге Великом сохра-

1. Cathedral of the Annunciation in Solvychevodsk. 1560–1584. It is the dominant feature in the panorama of the town opening from the Vycheгада
2. Cathedral of the Vvedensky (Presentation) Monastery (1689–1693) is the second most important architectural monument of Solvychevodsk. The church was commissioned by the Stroganow family
- 3–4. Cathedral of the Presentation. The wealth of decorative details on its fronts is set off by the red-brick tone of the walls. A lavish décor of white-stone carving and particoloured tiles was a feature of the contemporary style of architecture
5. Old Solvychevodsk
6. Stone houses with a distinct influence of Classicism can still be seen on the quiet by-streets of Solvychevodsk. One of these is the house of the merchant Piankov dating from the second half of the 19th century
7. Veliky Ustyug. The cupolas of the Church of St. Procope (1668). In the background, across the river is the Dymkovo suburb
8. The high period of Ustyug began in the second part of the 16th century, when the development of international trade stimulated the growth of ports in the White Sea basin. The town on the river Sukhona became a thriving centre of transit trade. Many of its new houses were built in stone, and people began to add the epithet Veliky (Great) to its name
9. The Sukhona embankment in Veliky Ustyug. In the foreground is the Church of St. Procope (1668)
10. The house of the navigator Shilov
- 11–12. Church of the Ascension (1648) is the oldest surviving church of Veliky Ustyug. The elaborate décor of its fronts includes ornamental details of brick, white stone and tiling, as well as hammered latticework of the style that was characteristic of the mid-17th-century urban architecture
13. Church of the Ascension. Hammered window trellis of an apse
- 14–14a. Niello decoration of the Ustyug style. The Ustyug Museum of Local Lore
15. Casket of Kholmogori work. Bone, carving. The Ustyug Museum of Local Lore
16. Enamels from the Cathedral of the Assumption. 17th–18th cc. Work of local masters
17. Printed cloth of local work. 19th century. The Ustyug Museum of Local Lore
18. Bead embroidery. 19th century. The Ustyug Museum of Local Lore
19. Basket of birch bark. Detail of the painted decoration. The Ustyug Museum of Local Lore
20. Distaff with painted decoration. 19th century Detail of the blade. The Ustyug Museum of Local Lore
21. Group of buildings of the Mikhailo-Arkhangelski (Archangel Michael) Monastery in Veliky Ustyug. 17th–18th cc.
22. Fine examples of architecture have been preserved in the Mikhailo-Arkhangelski Monastery. Detail of the gates and the gateway Church of St. Vladimir. 1682
23. Church of St. Georgi in Veliky Ustyug. 1696–1703
24. Krasnaya (Red) Street in Veliky Ustyug presents a view typical of a Russian provincial town of the mid-19th century
25. Spassky (Saviour) Convent in Veliky Ustyug includes characteristic pieces of local architecture: the five-domed Cathedral of the Saviour-Transfiguration (1689–1696) and the tiered Church of the Purification with a semicircular tympanum (1725–1740)

- нились пятиглавый Спасо-Преображенский собор 1689–1696 гг. и Сретенская церковь 1725–1740 гг., ярусное завершение которой с характерным полукруглым тимпаном типично для устюжского культового зодчества
26. Дымковская слобода в Устюге Великом. Слева – церковь Сергия Радонежского 1739–1749 гг.; справа – Дмитровская церковь 1700–1708 гг.
27. Панорама города Тотмы со стороны реки Сухоны
- 28–29, 29a. Входиерусалимская церковь 1774–1794 гг. в Тотме. Общий характер памятника родствен зодчеству соседнего Устюга Великого, но отличается барочной замысловатостью и вычурностью контуров оконных обрамлений, вставок под окнами, декора колокольни, завершение которой не сохранилось
31. Фрагмент фасада жилого дома в Тотме. XVIII в.
- 30, 32. Церковь Воскресения XVIII в. в пригороде Тотмы – Варницах. Еще один пример местного типично барочного декора фасадов
33. В пойме реки Сухоны
34. По левому берегу реки Вологды выстроились в ряд прекрасные каменные особняки и древние храмы
35. Бывший дом Витушечникова на набережной. 1822–1823
36. Архиерейские палаты с домовою церковью Рождества Христова 1667–1670 гг. в Вологде
37. Софийский собор 1568–1570 гг. и колокольня середины XIX в. играют важную роль в облике Вологды до настоящего времени. Лаконичная торжественная архитектура собора повторяет в общих чертах московский Успенский собор
38. Стенописи Софийского собора в Вологде выполнены в 1686–1688 гг. ярославскими мастерами во главе с Дмитрием Плехановым
39. Икона „Спас в Силах“. XVI в. Вологодский областной краеведческий музей
40. Икона „Параскева Пятница“. XV в. Вологодский областной краеведческий музей
41. Резная икона „Георгий Победоносец“. XVI в. Вологодский областной краеведческий музей
42. Резная икона „Параскева Пятница“. XVI в. Вологодский областной краеведческий музей
- 43–44. Изразцовые печи середины XVIII в. в палатах Иосифа Золотова, ныне – Вологодский областной краеведческий музей
45. Деревянные особняки, сохранившиеся на улицах Вологды, часто воспроизводят классические каменные формы. Среди них – дом Левашиова 1829 г.
46. Жилой дом Засецких. XVIII–XIX вв.
47. Так называемый „Ночлежный дом“ 1777 г.
48. Дом Барша. 1780-е гг.
49. Спасо-Прилуцкий монастырь в окрестностях Вологды – один из наиболее древних и известных монастырей русского Севера – основан в 1371 г. Спасский собор 1537–1544 гг., церковь Введения и трапезная палата 1540-х гг. и колокольня XVII–XVIII вв. составляют ансамбль Спасо-Прилуцкого монастыря
50. Деревянная шатровая Успенская церковь XVI в. перевезена на территорию Спасо-Прилуцкого монастыря из Александро-Кушитского монастыря
51. Фрагмент западной крепостной башни Спасо-Прилуцкого монастыря. 1656
52. Тихий вечер в Прилуках

26. Veliky Ustyug. Dymkovo suburb with the Church of St. Sergius of Radonezh built in 1739–1749 (left) and the Church of St. Demetrius dating from 1700–1708 (right)
27. Totma. View of the town from the Sukhona
- 28–29, 29a. Church of the Entry into Jerusalem (1774–1794) in Totma. In its general characteristics the monument is related to architectural productions of Veliky Ustyug. Its distinctive features are the baroque elaborateness of the window framing, decorative pieces under the windows, the decor of the bell-tower which has been preserved only partially
- 30, 32. The Church of the Resurrection in Varniysi, a suburb of Totma. 18th century. The décor of its fronts is another example of baroque influences in the work of local architects
31. An 18th century house in Totma. Detail of the façade
33. The Sukhona flood plain
34. Row of stone houses and old churches on the left bank of the river Vologda
35. Vitushchnikov's house on the embankment. 1822–1823
36. Prelate's mansion with the house-chapel of the Nativity of Christ in Vologda. 1667–1670
37. Vologda's important landmarks: the Cathedral of St. Sophia (1568–1570) and the bell-tower of the mid-19th century. The laconic, dignified forms of the cathedral bear resemblance to the architecture of the Moscow Cathedral of the Assumption
38. Mural paintings in the Vologda Cathedral of St. Sophia. 1686–1688. The work was done by a team of masters from Yaroslavl under the guidance of Dmitry Plekhanov
39. Icon "Christ in Majesty". 16th century. Vologda, Regional Museum of Local Lore
40. Icon "St. Paraskeva the Pyatnitsa". 15th century. Vologda, Regional Museum of Local Lore
41. Carved icon "St. Georgi the Victorious". 16th century. Vologda, Regional Museum of Local Lore
42. Carved icon "St. Paraskeva the Pyatnitsa". 16th century. Vologda, Regional Museum of Local Lore
- 43–44. Stoves with decorative tiling in the mansion of Joseph Zolotoi. The middle of the 18th century. Vologda, Regional Museum of Local Lore
45. The house of Levashov. 1829. Old wooden houses that are still seen on Vologda streets often have forms borrowed from the stone architecture of the classical period
46. The house of the Zasetky family. 18th–19th cc.
47. The house that was known as "The Night Refuge". 1777
48. The house of Barsh. 1780s
49. Spaso-Prilutsky Monastery in the environs of Vologda was founded in 1371. It is one of the oldest and most widely famed monasteries in the Russian North. Group of buildings in the Spaso-Prilutsky Monastery: the Cathedral of the Saviour (1537–1544), the Church of the Presentation, the refectory (1540s) and the bell-tower 17th–18th cc.
50. Church of the Assumption. 16th century. This wooden hip-roofed church was brought to the Spaso-Prilutsky Monastery from the Alexandro-Kushitsky Monastery
51. Spaso-Prilutsky Monastery. Detail of the western tower in the system of the defensive work. 1656
52. A quiet evening in Priluki

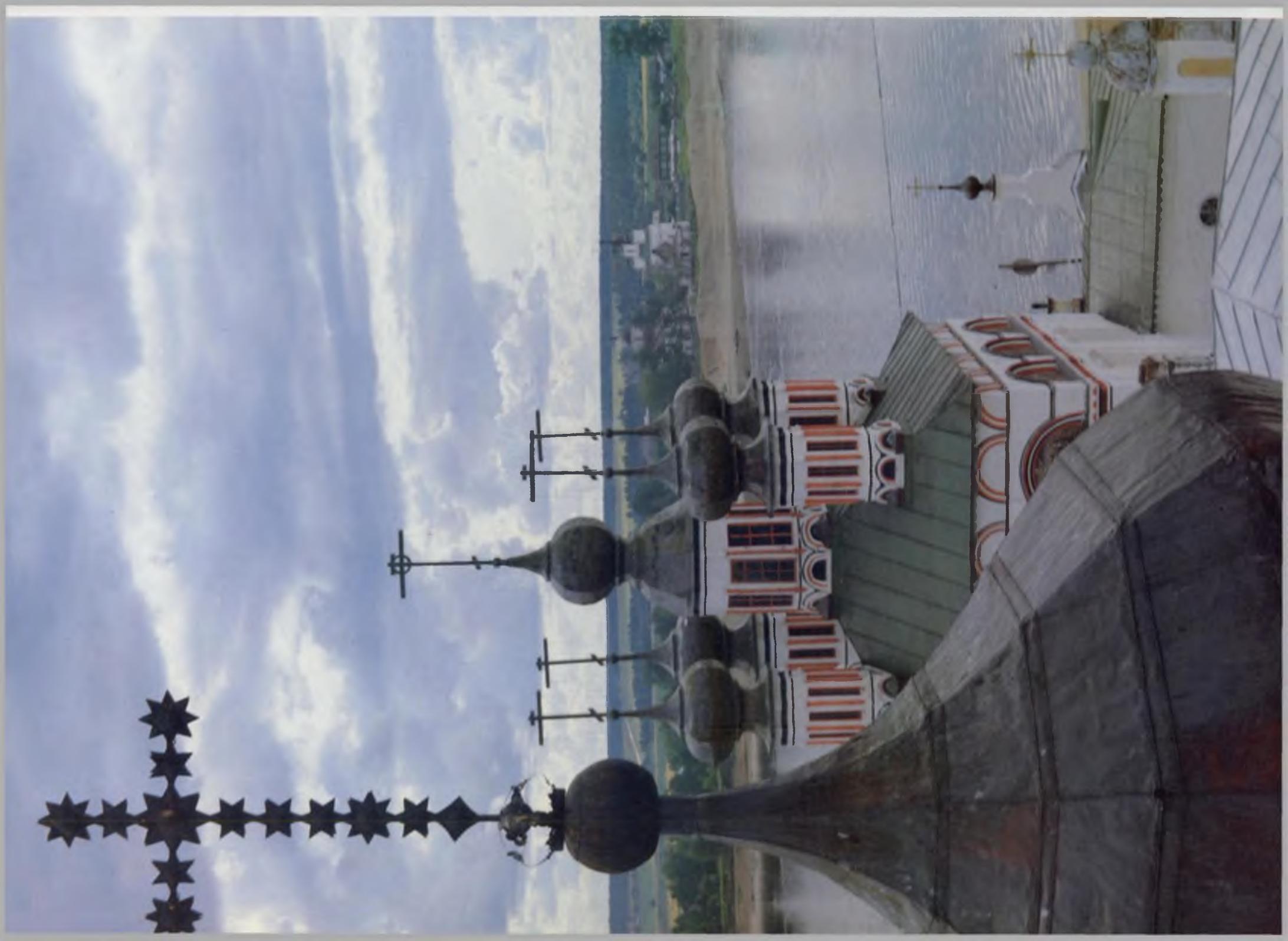

2
3

9
10
11

19

20

21
22

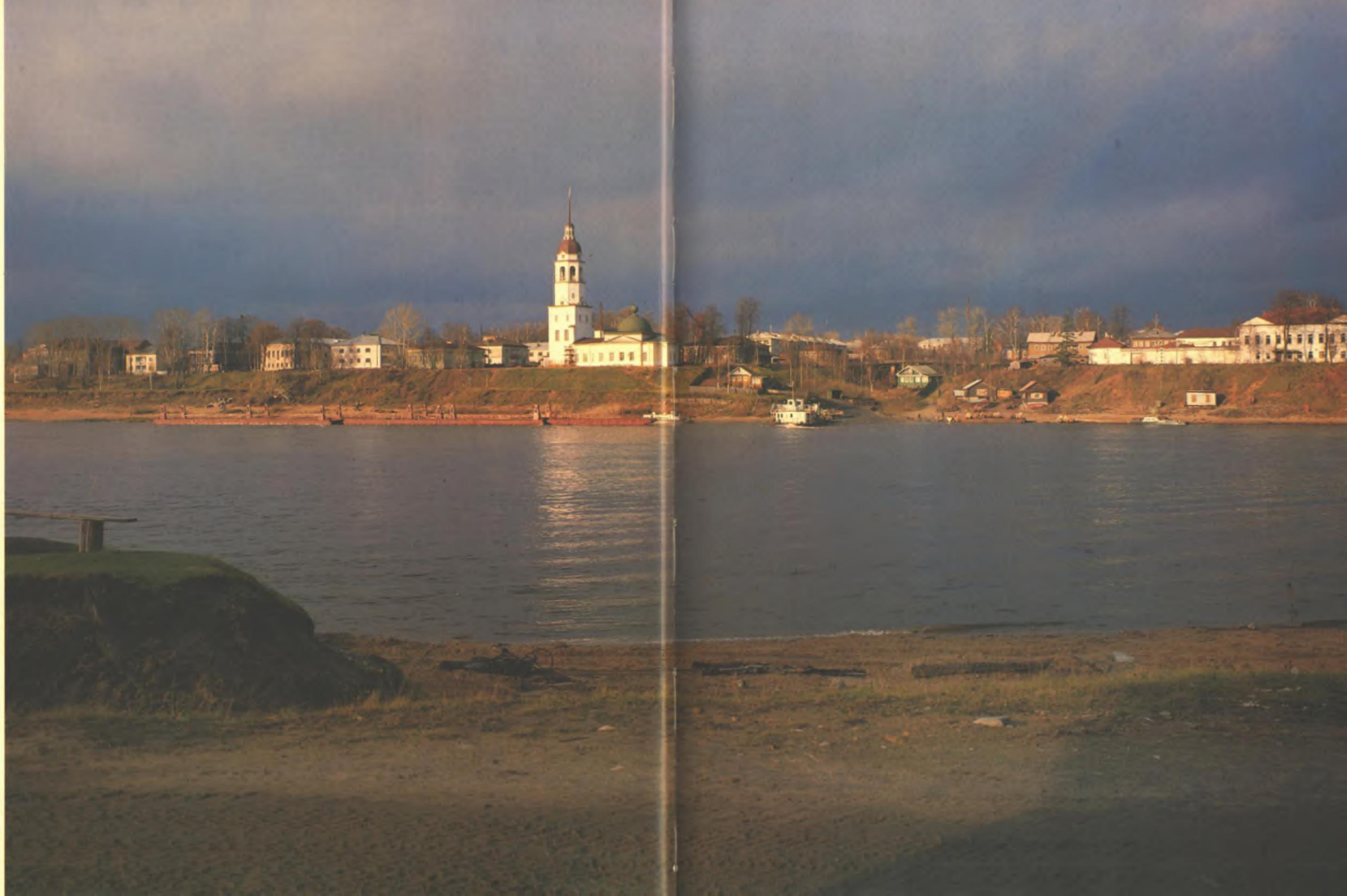

24
25

26

28
29
94

33

34

35

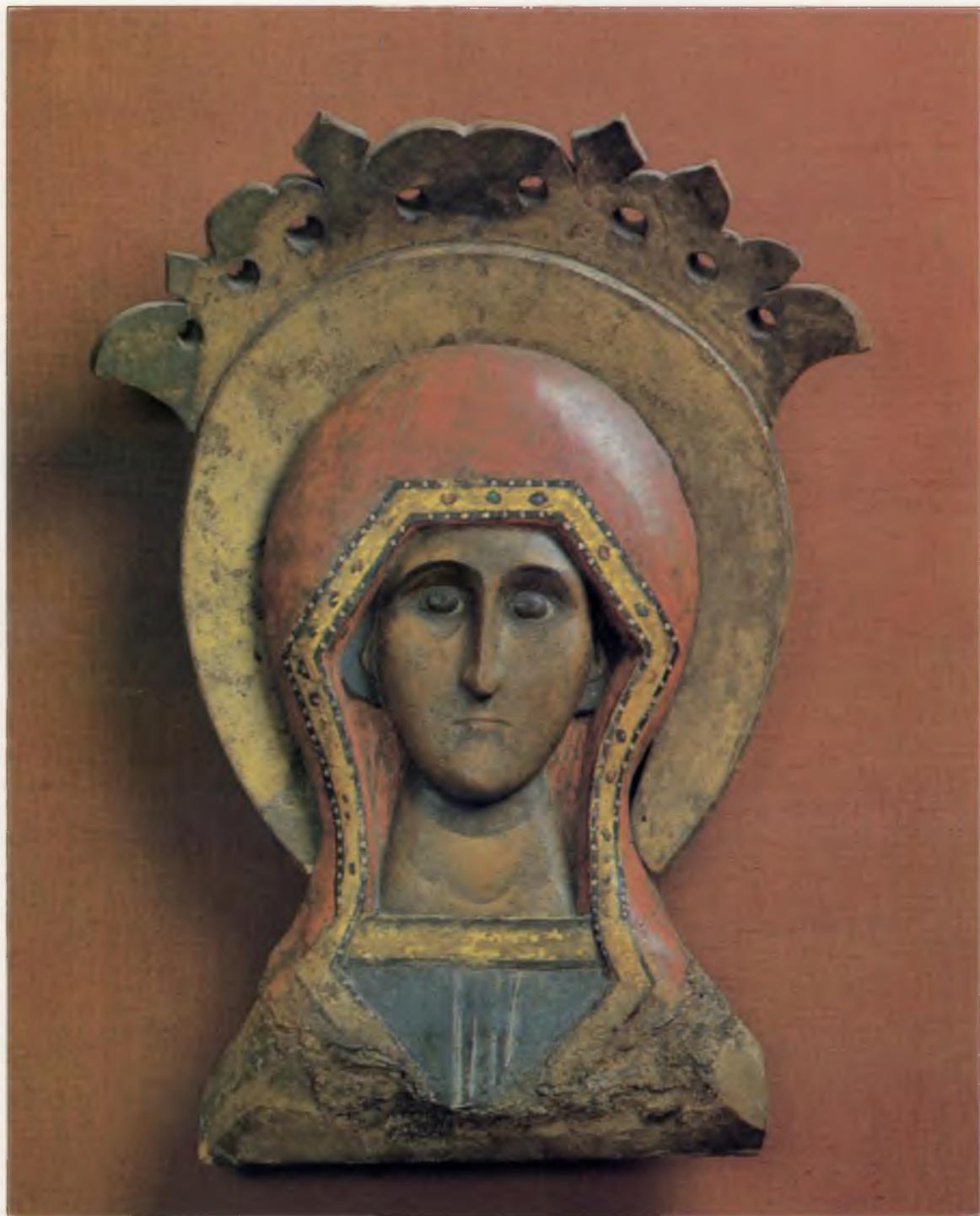

ГЕТЕСЕО   МАННЕР
НАЛОУЕР   ЖЕЗНЕР
НРОМЛЕСА   САНТОУ М
МВЕУЕА   СЪЗРИСА
АНОУА   ЗНОУА

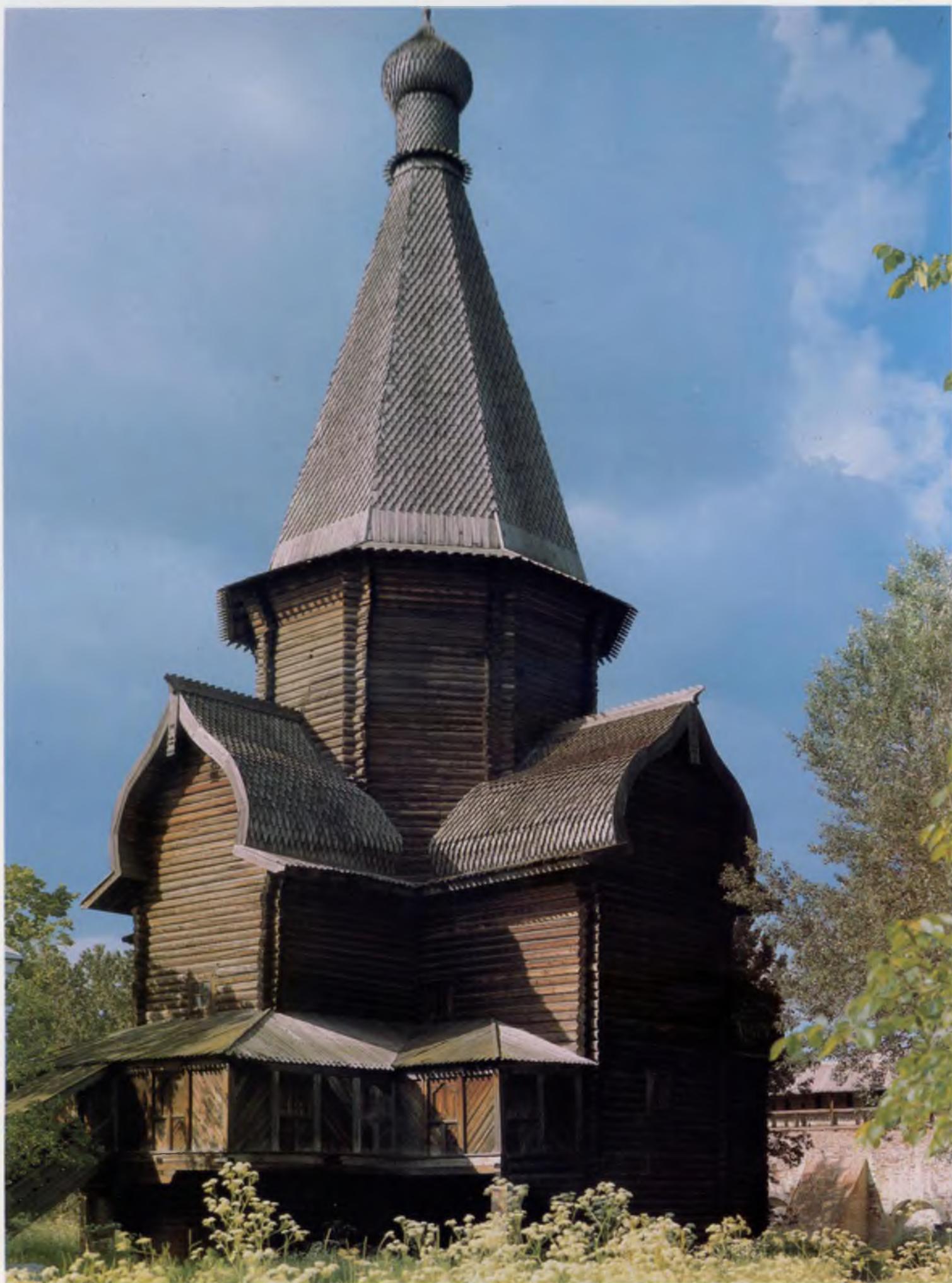
43

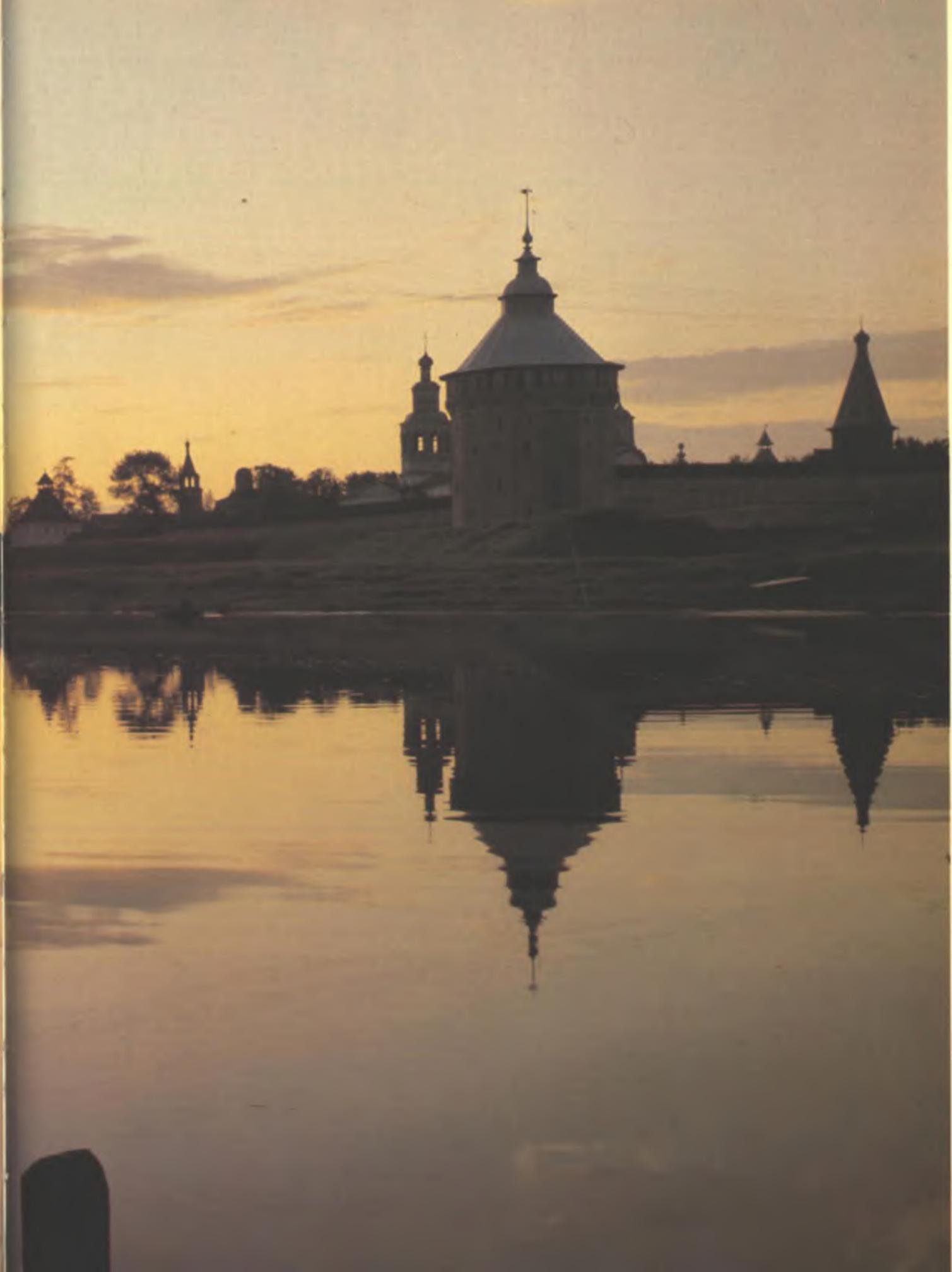
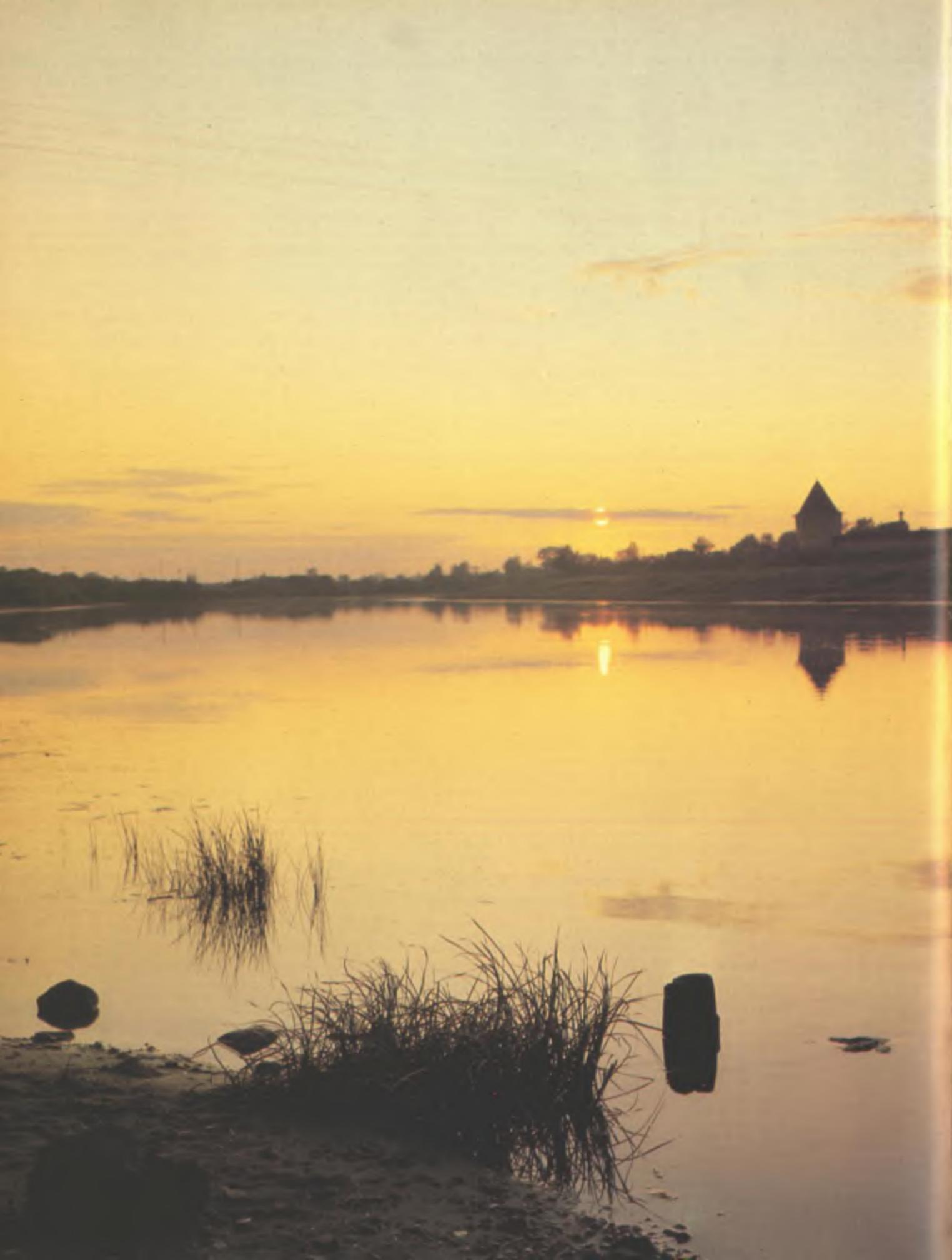

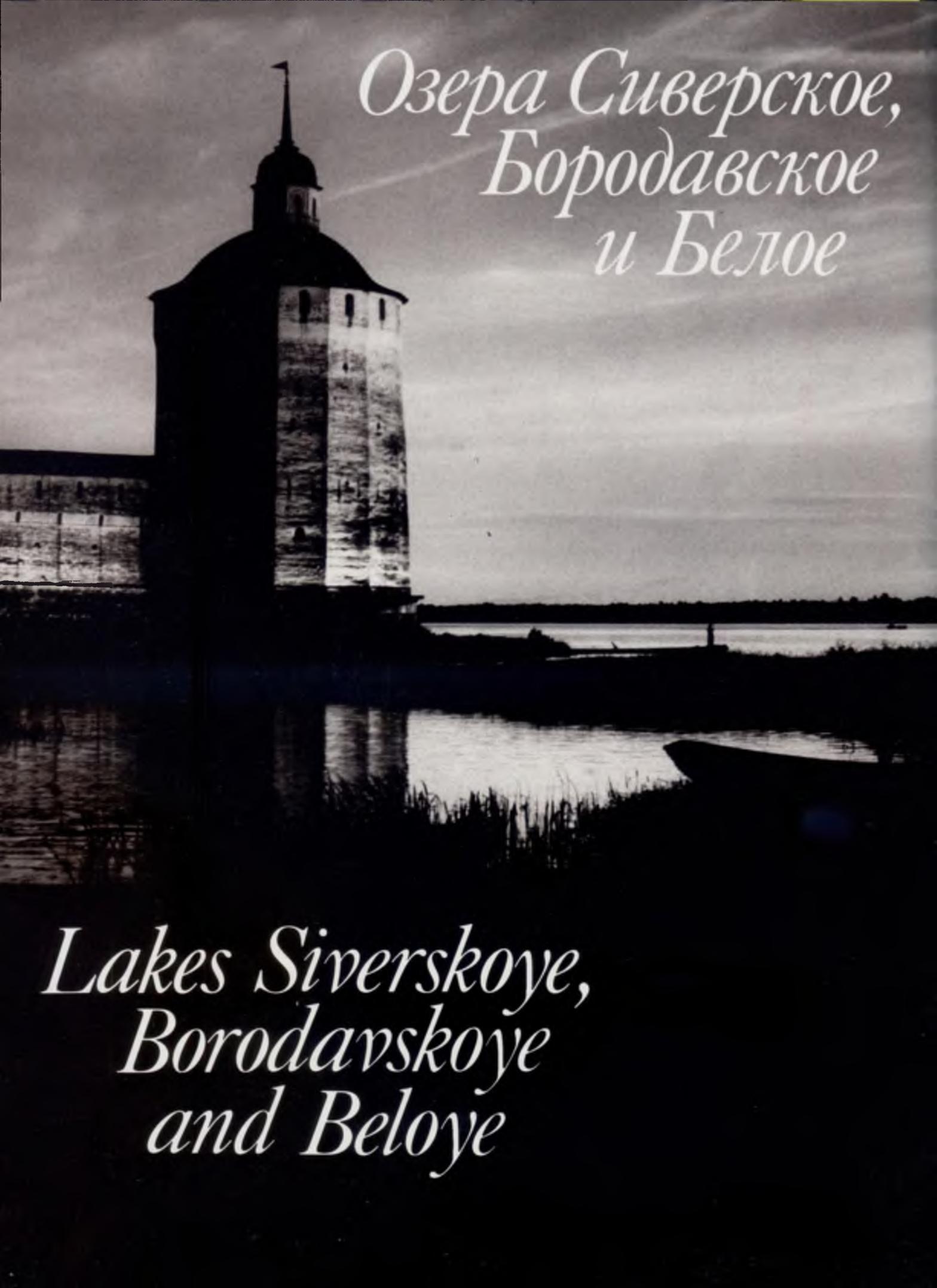

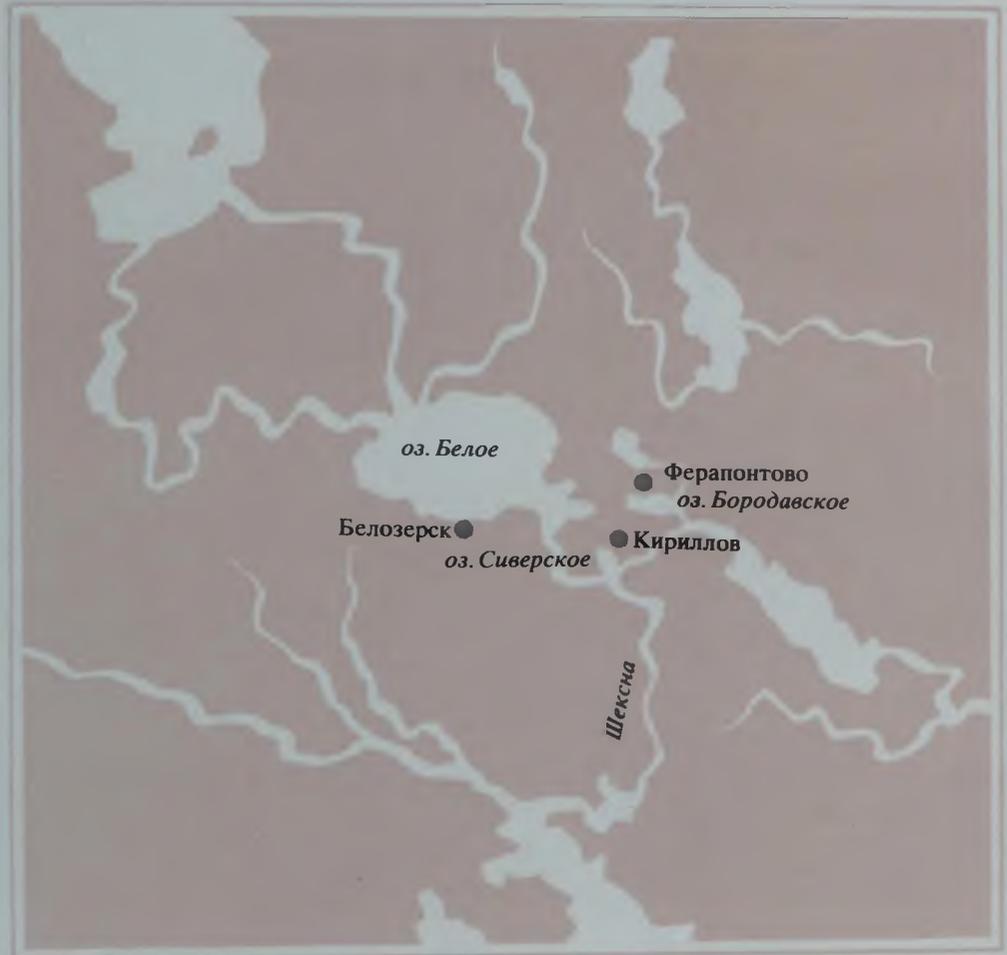

*Озера Сиверское,
Бородавское
и Белое*

*Lakes Siverskoye,
Borodavskoye
and Beloye*

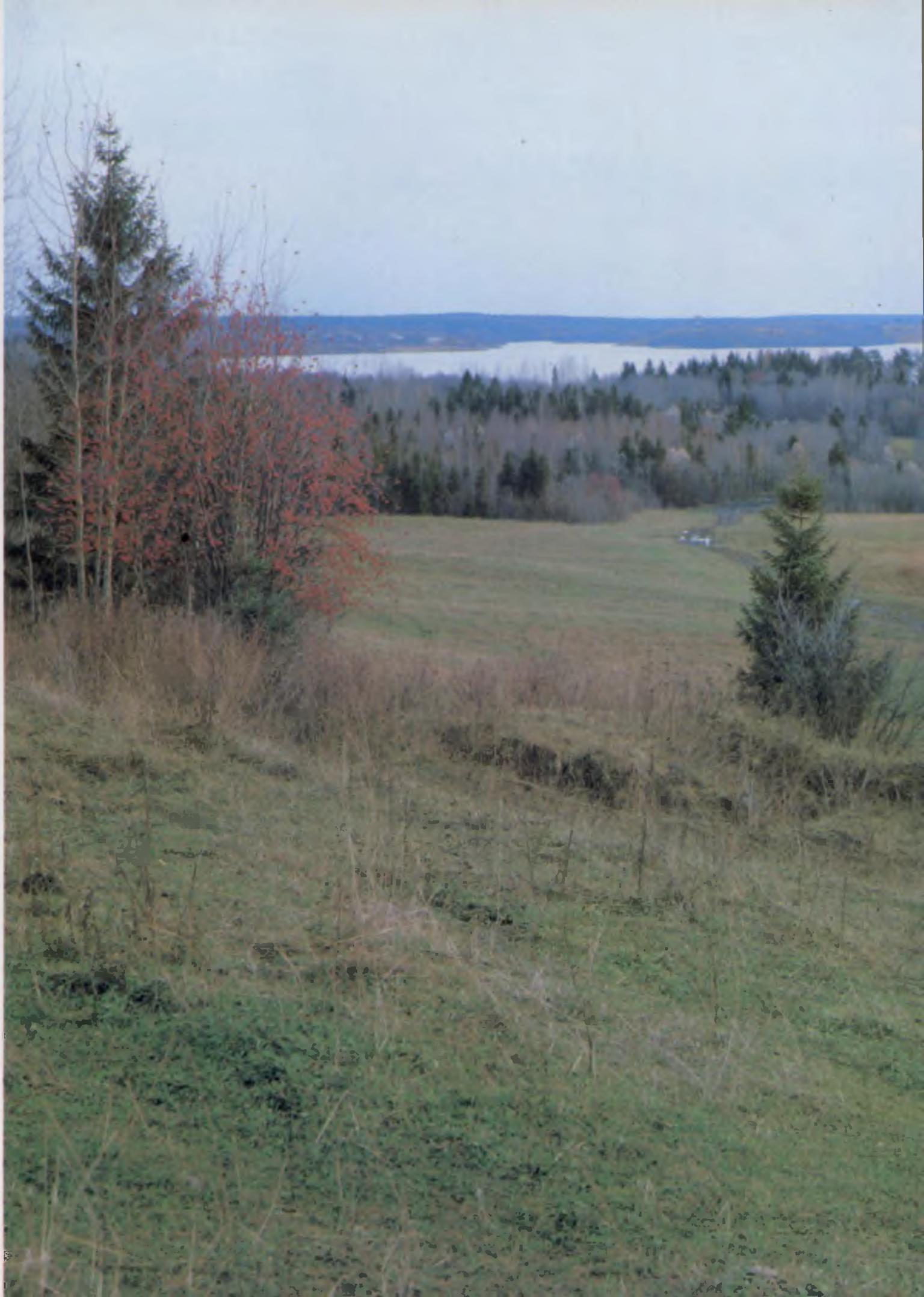
К северо-западу от Вологды среди обширной низменности сохранились удивительные по своей красоте оазисы древнерусской художественной культуры: город Белозерск, Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри. Расположенный на скрещении важных торговых путей Белозерск в течение нескольких веков оставался процветающим экономическим центром. В трудные для Руси военные годы здесь хранилась государственная казна, сюда стекались беженцы из разоренных городов и сел. Среди них были и живописцы, зодчие, книжники. Сохранились огромные земляные валы крепости XV века, построенная ростовскими мастерами Успенская церковь 1533 года, здания XVII–XIX веков. Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри, стоящие на берегах Сиверского и Бородавского озер, основаны в период борьбы между Москвой и Новгородом за обладание этими землями. Благодаря покровительству Москвы, в обоих монастырях шло обширное строительство.

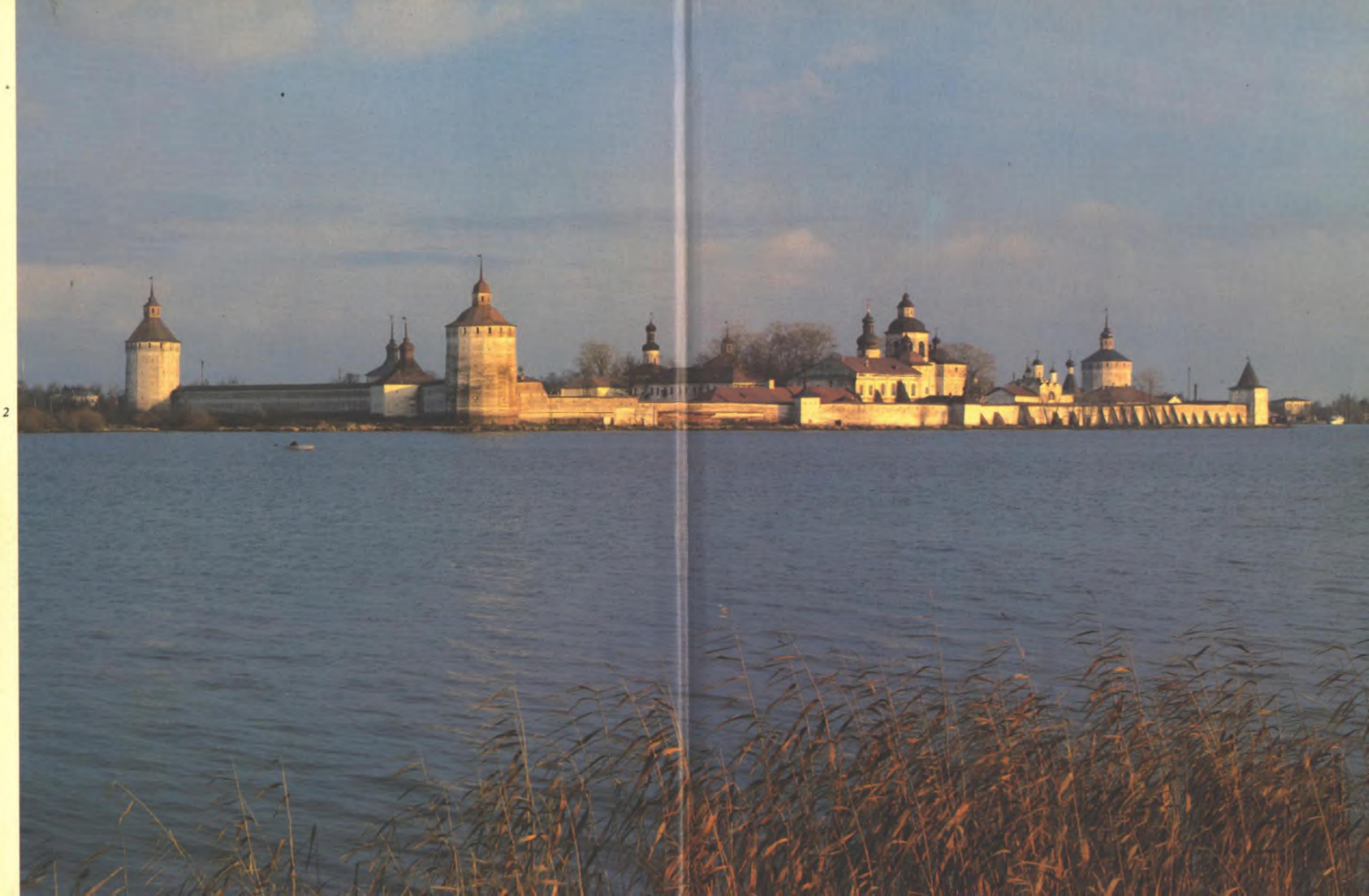

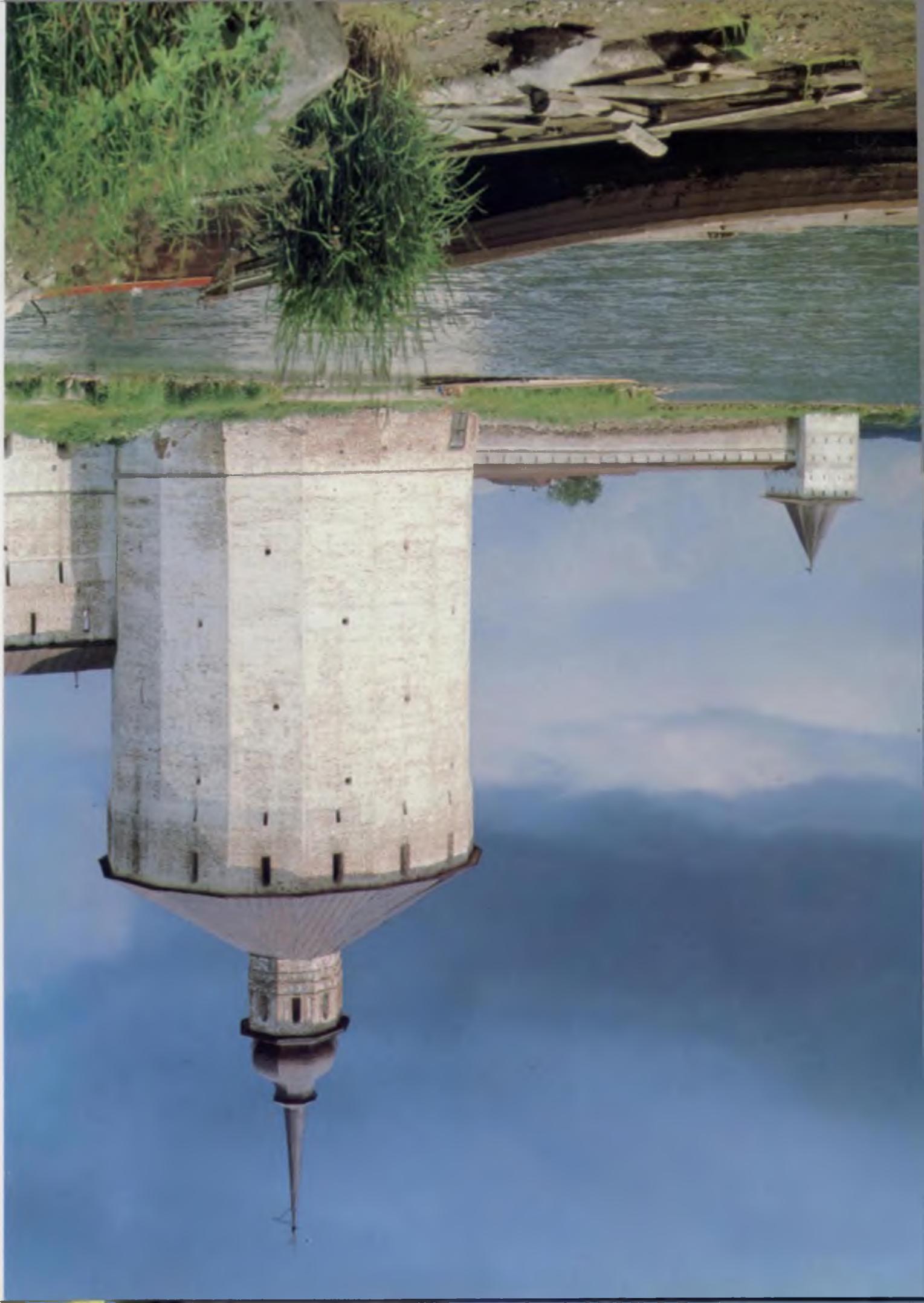
*P*laces of singular beauty have been preserved on the vast lowland lying north-east of Vologda. The region is famed for its oases of Early Russian culture: Belozersk, the Cyrilo-Belozersky Monastery and the Ferapontov Monastery. Situated on Belaye Lake, Belozersk in olden times was a junction of important trade routes and for many centuries remained a thriving economic centre. Here, in the hard years of war, the Russian government kept the state treasury. The town gave shelter to refugees who fled from towns and villages of the south when they were raided by the enemies. Among them were artists, architects, people of learning. From those days the town has preserved the enormous earthen ramparts of the 15th-century fortress and the Church of the Assumption (1533) which is one of the few surviving creations of the famous Rostov "school". There are also buildings dating from the 17th – 19th centuries. The two monasteries are standing on the banks of Siverskoye and Borodavskoye Lakes. They were founded at the time when Moscow and Novgorod were vying for the possession of these lands. Owing to the patronage of Moscow, both monasteries carried on large-scale construction works.

1. Холмистая равнина в окрестностях Кирилло-Белозерского монастыря
2. Панорама Кирилло-Белозерского монастыря, основанного в 1398 г., во всей полноте раскрывается со стороны Сиверского озера
3. Кузнечная (XVII в.) и Свиточная (XVI в.) башни со стеной „Старого города“
4. Стена „Нового города“. XVII в.
5. Центральная группа памятников Кирилло-Белозерского монастыря
6. Котельная башня. XVI в. Декор фасада
7. Домик келаря. XVII в. Декоративное оформление окошек
8. Галерея в стене „Нового города“
9. Вид на Котельную башню со стороны двора
10. Белозерская башня. XVII в. Вид со стороны Сиверского озера
11. Панорама Горицкого монастыря, основанного в XVI в. на берегах реки Шексны. Существующие сооружения относятся к XVI–XIX вв.
12. Общий вид Ферапонтова монастыря, основанного в конце XIV в. на берегу Бородавского озера. Сравнительно небольшой, лишенный укреплений монастырь был крупнейшим культурным центром русского Севера
13. Собор Рождества богородицы Ферапонтова монастыря широко известен благодаря росписям, выполненным в 1500–1501 гг. прославленным художником Дионисием и его сыновьями, Владимиром и Феодосием
14. Фреска южной стены Рождественского собора. „Брак в кане Галилейской“
15. Фрески восточной стены Рождественского собора: „Богоматерь Знамение“, ниже – „Покров Богоматери“
16. Фреска в конхе апсиды Рождественского собора. „Святой Николай“
17. Фреска на столбе Рождественского собора.
18. Фреска северной стены Рождественского собора. „О тебе радуется“. Фрагмент
19. Бородавское озеро
20. Город Белозерск, один из древнейших на русском Севере, основан на этом месте в 1363–1364 гг.
21. Купола Спасской церкви 1723 г. в Белозерске
22. Успенская церковь 1533 г. в Белозерске – один из немногих сохранившихся каменных „автографов“ талантливых ростовских мастеров Горяина Григорьева Царева и Третьяка Борисова Ростовки. Ее отличает монументальность облика, пластичность объемного решения, строгость очертаний, гладь почти лишенных декора стен
23. Ильинская беревянная церковь 1690 г. в Белозерске – образец ярусных храмов, получивших широкое распространение на рубеже XVII–XVIII вв.
24. Мост через крепостной ров в Белозерске. XVIII в.
25. Сохранились высокие, до 30 метров, земляные валы, поверх которых когда-то стояли деревянные стены и башни Белозерска

1. The undulating plain in the environs of the Cyrilo-Belozersky Monastery.
2. The panorama of the Cyrilo-Belozersky Monastery as it opens from Siverskoye Lake. The monastery was founded in 1398 by Cyril, a Moscow monk from the Simonov Monastery
3. Kuznechnaya (Forge) and Svitochnaya (Scrolls) Towers with the wall of the "Old Town". 16th century. (Kuznechnaya Tower dates from the 17th century)
4. Walls of the "New Town". 17th century
5. Group of buildings in the centre of the Cyrilo-Belozersky Monastery
6. Kotel'naya (Kettle) Tower. 16th century. Detail of the décor
7. Cellarer's lodge. 17th century. Detail of the façade
8. Gallery in the wall of the "New Town"
9. Kotel'naya (Kettle) Tower. View from the yard
10. Belozerskaya Tower. 17th century. View from Siverskoye Lake
11. Goritsky Monastery on the bank of the river Sheksna. The monastery was founded in the 16th century. The buildings preserved till now date from the 16th–19th cc.
12. General view of the Ferapontov Monastery. This comparatively small unfortified monastery on the bank of Borodavskoye Lake was an important cultural centre of the Russian North. The monastery was founded at the end of the 14th century
13. Cathedral of the Birth of the Virgin in the Ferapontov Monastery is famous for its frescoes which were done in 1500–1501 by the celebrated master Dionysius and his sons Vladimir and Theodosius
14. Cathedral of the Birth of the Virgin. Fresco on the southern wall: "Marriage at Cana Galilean"
15. Cathedral of the Birth of the Virgin. Frescoes of the eastern wall: "Miraculous apparition of the Virgin Mary"; on the lower part – "The Intercession of the Holy Virgin"
16. Cathedral of the Birth of the Virgin. Fresco at the end of the apse: "St. Nicholas"
17. Cathedral of the Birth of the Virgin. Fresco on a pillar
18. Cathedral of the Birth of the Virgin. Fresco on the northern wall: "In Thee Rejoiceth". Detail
19. Borodavskoye Lake
20. Belozersk is one of the oldest towns in the Russian North. On this site the town was founded in 1363–1364
21. Belozersk. Cupolas of the Church of the Saviour. 1723
22. Church of the Assumption in Belozersk. 1533. One of the few surviving stone "autographs" of the Rostov masters Goryain Grigoriev Tsarev and Tretiak Borisov Rostovka, it is characterized by stateliness, structural plasticity, laconic outline, plain surface of the walls with very sparse decoration
23. Church of the Prophet Elijah in Belozersk. 1690. A wooden tiered church of the type that was widespread in the late 17th–early 18th cc.
24. Bridge over the moat in Belozersk. 18th century
25. Wooden stones and towers of Belozersk once stood on these earthen ramparts. In some places they have the height of 30 metres

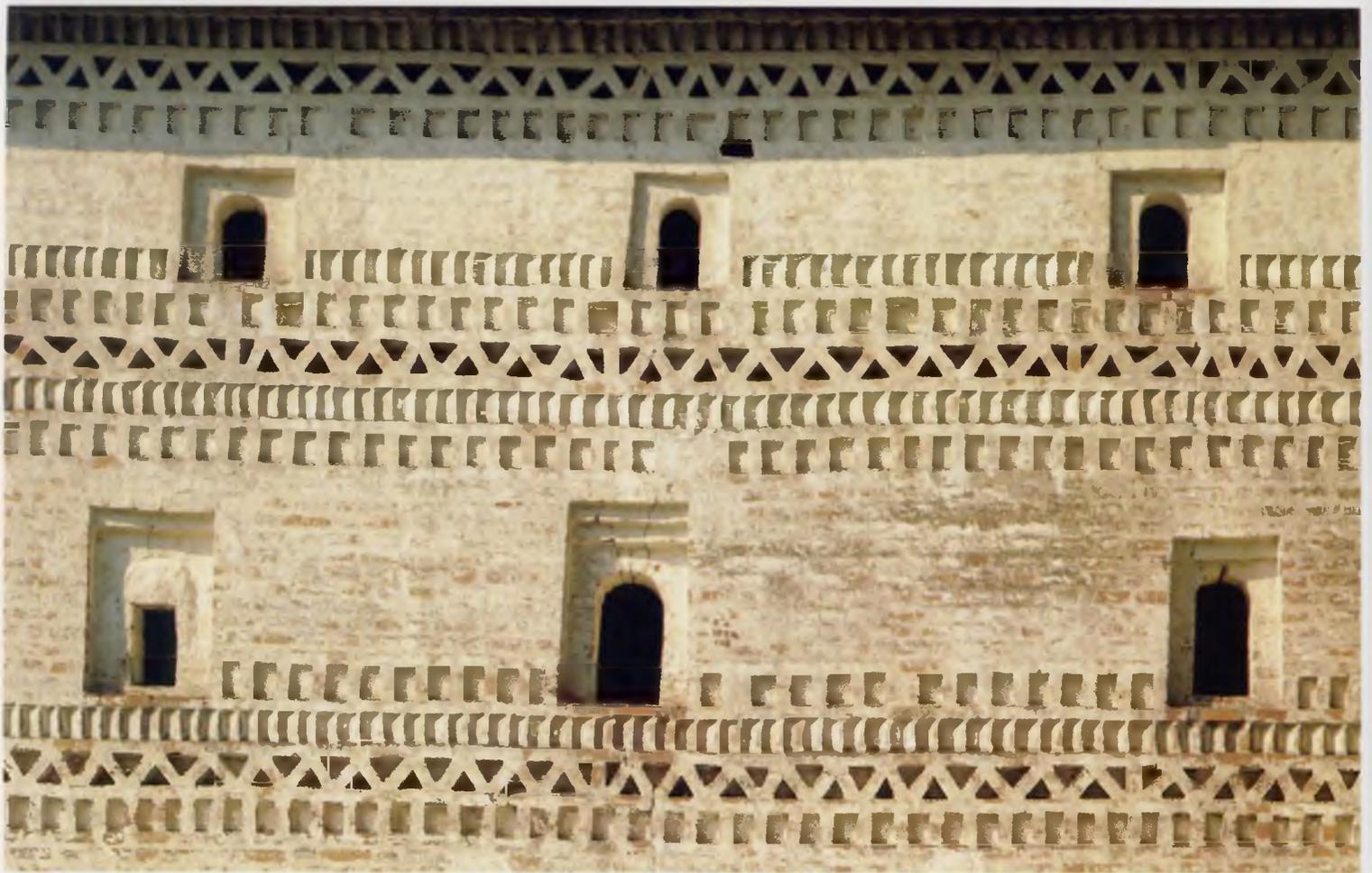

6
7
8

14
15

2.
2.
2.

